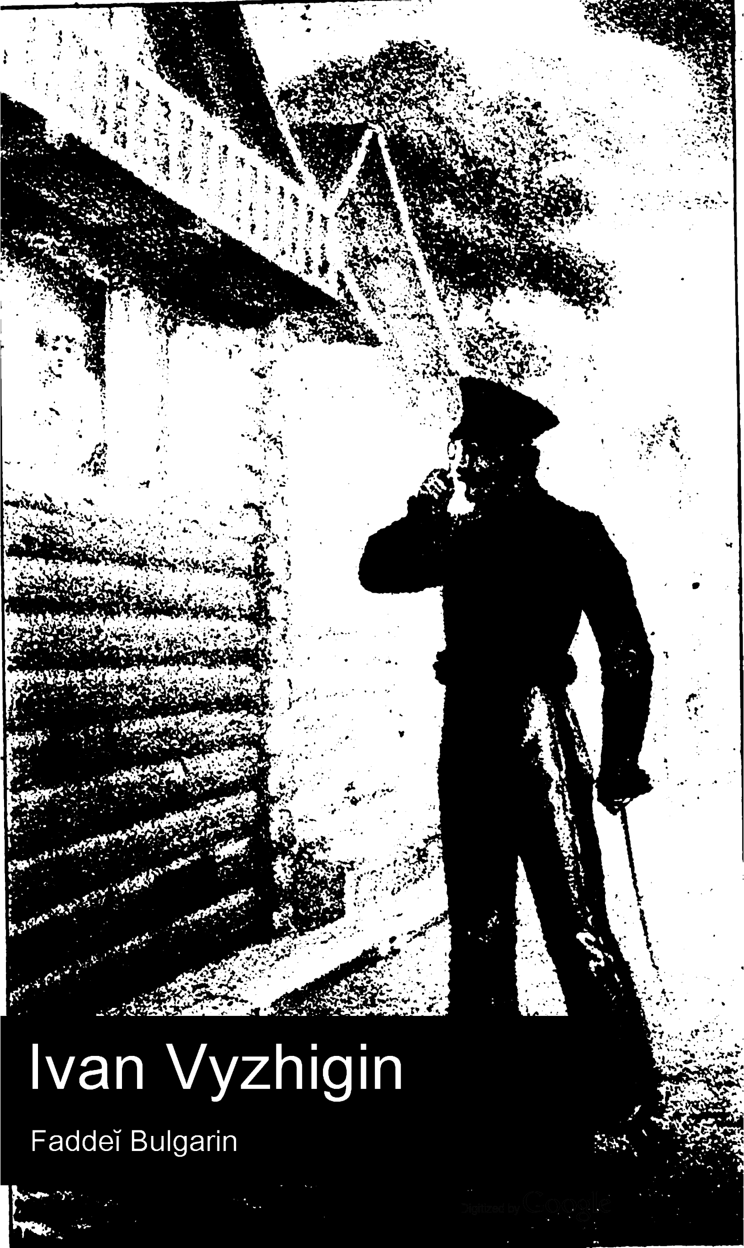
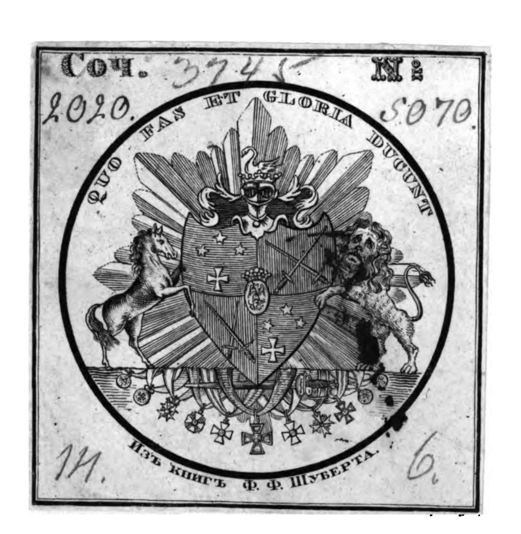

Ivan Vyzhigin
Faddeĭ Bulgarin

Соч. 3745 №
2020. 5070.
QUO FAS ET GLORIA DUCUNT
Изъ книгъ Ф. Ф. Шуберта.
14. 6.

ИВАНЪ ВЫЖИГИНЪ,

НРАВСТВЕННО-САТИРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Ѳаддея Булгарина.

Безумецъ, ты бѣжишь отъ совѣсти напрасно:
Тиранъ твой сердца въ глубинѣ;
Она съ тобою повсечасно
Летитъ на корабль и скачетъ на конѣ.

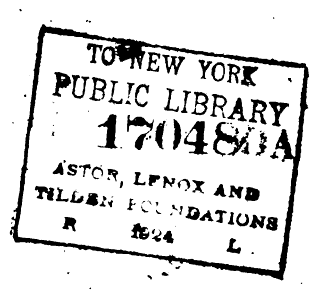
Дмитріе

ЧАСТЬ III.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ВДОВЫ ПЛЮШАРЪ.

1829.

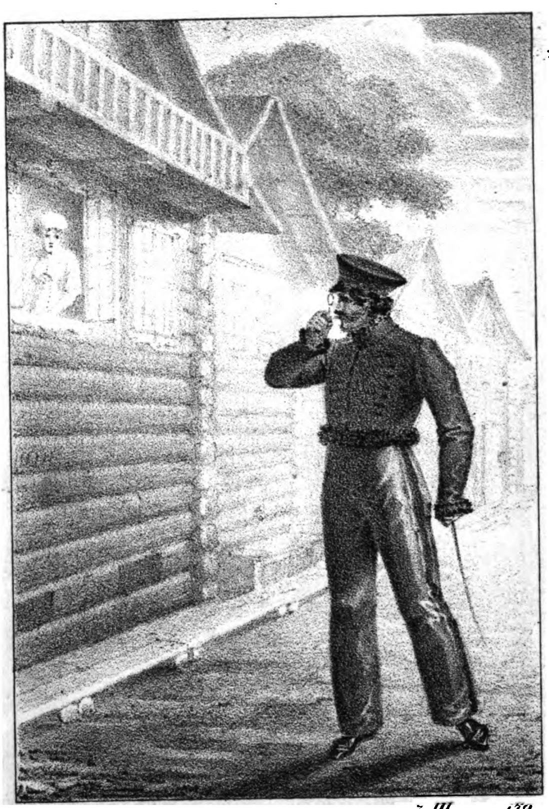
M C

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. С. Петербургъ, Октября 30 дня 1828 года.

Ценсоръ К. Сербиновичъ.

ч. III. стр. 172.

ИВАНЪ ВЫЖИГИНЪ.

ГЛАВА I.

Выѣздъ изъ степи. Опять Капитанъ-Исправникъ! Мытари. Пиръ приказныхъ.

Не стану описывать прощанья нашего съ Арсаланъ-Султаномъ, его семействомъ и цѣлымъ ауломъ. Скажу только, что изъ сплюснутыхъ карихъ глазъ Киргизовъ текли слезы гораздо искреннѣе тѣхъ слезъ, которыми орошаются наши траурныя платья съ плёрезами, и хотя на Киргизскій языкъ не переведено ни прощаній Абеляpда и Элоизы, ни прощаній Гектора и Андромахи, ни дружескихъ объясненій Ореста съ Пиладомъ, но простодушныя про-

щальныя выраженія добраго Арсалана и моихъ товарищей, наѣздниковъ, растрогали меня до глубины сердца. Правду сказать, Киргизскія красавицы нѣсколько гнѣвались на меня, за то, что я рѣшился оставить степь, украшенную ихъ прелестями; но въ послѣднюю минуту все было забыто. Старики утѣшали другихъ, повторяя: «онъ возвратится къ намъ; увидите, что онъ возвратится. Невозможно, чтобы такому славному малому нравилось что нибудь болѣе Киргизской степи!»

Мы съ Миловидинымъ ѣхали верхами. Отставной солдатъ, Никита Петровъ, котораго я принялъ въ услуженіе, велъ трехъ верблюдовъ, съ нашими вещами. Тридцать удалыхъ наѣздниковъ составляли мое прикрытіе, и слѣдовали за нами въ нѣкоторомъ разстояніи. Погода была те-

плая, и странствіе наше было весьма пріятно.

Свѣтскій человѣкъ съ добрымъ сердцемъ и умомъ, только въ удаленіи отъ общества познаетъ истинную его цѣну. Мелочныя заботы, связи, знакомства, искательства, отвлекаютъ умъ отъ предметовъ важныхъ, и только ударъ несчастія или уединеніе снимаютъ очаровательную завѣсу съ глазъ. «Теперь я чувствую въ полной мѣрѣ все ничтожество того, что я почиталъ благами,» сказалъ мнѣ однажды Миловидинъ: «и благодарю Провидѣніе, что оно извлекло меня изъ пропасти порока посредствомъ несчастія, которое я заслужилъ своимъ легкомысліемъ, или, лучше сказать, дурнымъ поведеніемъ. Вотъ я въ свѣтѣ одинокъ, безъ жены, безъ родныхъ, безъ друзей, безъ всякаго состоянія, и даже не имѣю права возбуждать

жалость моимъ положеніемъ, и утѣшаться воспоминаніемъ моей невинности. Горькая участь! Чѣмъ бы я могъ быть теперь, если бъ продолжалъ службу, употреблялъ мои способности на пользу общую, и старался снискивать вниманіе и уваженіе людей почтенныхъ, вѣрныхъ сыновъ отечества? Я искалъ въ жизни однихъ наслажденій, одного разсѣянія, не помышляя о будущемъ, не заботясь о настоящемъ. Что осталось мнѣ отъ этихъ пустыхъ знакомствъ, отъ связей, основанныхъ на разврапѣ? Пустота въ сердцѣ и раскаяніе въ душѣ. — Я погубилъ жену мою, которой одинъ порокъ — вѣтренность. Я могъ сдѣлать изъ нея добрую и счастливую супругу, украшеніе своего пола. Любезный другъ! пусть мой примѣръ послужитъ тебѣ урокомъ. Въ юности моей, я не имѣлъ надежнаго путе-

водителя — вотъ причина всѣхъ моихъ несчастій! Живое мое воображеніе и пылкость характера не имѣли никакой узды. Никто не думалъ о томъ, чтобъ вперить въ меня какія нибудь правила, которыми бы я могъ руководствоваться въ жизни. Въ юности моей, я почиталъ синонимами: нравственность и скуку. Выжигинъ! ты находишься точно въ такомъ положеніи, въ какомъ я былъ въ твои лѣта. Тебя также научили всему, кромѣ того, что тебѣ необходимо знать должно. Остерегайся людей, которые будутъ искать твоего дружества, для того только, чтобъ вмѣстѣ искать наслажденій. Не слѣдуй никогда первымъ внушеніямъ, и обдумывай средства прежде, нежели примешься за исполненіе. Ты красавецъ! берегись женщинъ. . . . Но ты зѣваешь, Выжигинъ! Вижу,

что нравственность болѣе дѣйствуетъ на насъ примѣрами, нежели словами.» Въ самомъ дѣлѣ, не имѣя привычки слушать нравоученія, я едва не заснулъ на сѣдлѣ, когда Миловидинъ изливалъ чувства свои изъ глубины души. «Любезный другъ!» примолвилъ онъ: «волею, или неволею, но я долженъ быть твоимъ путеводителемъ въ свѣтѣ. Если не прошедшая моя нравственность, то опытность, желаніе исправиться и любовь моя къ тебѣ даютъ мнѣ на то право.» Я подалъ ему руку, и онъ, хлопнувъ по ней, сказалъ: «навѣки!»

За часъ пути отъ перваго Русскаго форпоста, мы простились съ Киргизскою стражей. Когда мы увидѣли Русскаго часоваго, сердцà наши забились сильнѣе, и мы сквозь слезы молились, благословляя любезное отечество. Надобно быть въ от-

лучкѣ, чтобъ чувствовать пріятность возвращенія на родину. Первая минута, когда переходишь чрезъ рубежъ, истинно очаровательна. Будущее представляется въ самомъ блистательномъ видѣ, всѣ тѣни исчезаютъ въ картинѣ, и каждый человѣкъ, который говоритъ роднымъ языкомъ, кажется другомъ, братомъ!

Начальникъ форпоста, казачій офицеръ, принялъ насъ очень ласково; но притомъ объявилъ, что какъ мы не имѣемъ пашпортовъ, и возвращаемся въ Россію съ вещами, небывшими еще въ употребленіи, то онъ долженъ представить насъ вопервыхъ мѣстному начальству, гдѣ мы получимъ виды для свободнаго прожитья; во-вторыхъ въ таможню, гдѣ пересмотрятъ наши товары, возьмутъ пошлину, и приложатъ клейма. На другой день мы

отправились въ путь, въ сопровожденіи урядника и шести казаковъ.

Пріѣхавъ въ уѣздный городъ, мы явились къ Капитанъ-Исправнику. Михайла Ивановичъ Шпыковъ былъ Маіоромъ въ пѣхотномъ полку, и, вышедъ въ отставку за ранами, принялъ должность Капитанъ-Исправника на своей родинѣ, по просьбѣ дворянъ. Онъ былъ человѣкъ лѣтъ сорока. Въ чертахъ лица его изображалась нѣкоторая угрюмость и важность. Примѣтно было, что онъ, сдѣлавъ привычку начальствовать и повиноваться, требовалъ почтительности отъ тѣхъ, которыхъ почиталъ младшими. Когда мы вошли къ нему, онъ едва приподнялся съ своего стула, и, въ вознагражденіе за наши поклоны, только кивнулъ головою. Потомъ взялъ бумагу отъ урядника, и когда вычиталъ въ ней, что Миловидинъ от-

ставной Поручикъ, а я недоросль изъ дворянъ, привсталъ въ другой разъ, поклонился вѣжливо, хотя весьма сухо, и, какъ говорится, съ высока; потомъ сѣлъ, и, указавъ на рядъ стульевъ возлѣ противолежащей стѣны, сказалъ протяжно: «Милости просимъ садиться.» Между тѣмъ явился писецъ, который, вытянувшись струной, руки по швамъ, смотрѣлъ въ глаза начальнику, ожидая приказаній. «Милостивые государи!» сказалъ Штыковъ: «бывали случаи, что бѣжавшіе изъ Россіи люди, даже преступники, укрываясь въ степяхъ Киргизскихъ, возвращались оттуда, прибирая себѣ другія названія, и даже сказываясь чиновными. Для пресѣченія сего злоупотребленія, нынѣ постановлено, выдавать не прежде пашпорты Русскимъ выходцамъ, какъ удостовѣрившись, что показа-

нія ихъ справедливы. И такъ извините, что я долженъ удержать васъ въ нашемъ городѣ, пока не придутъ отвѣты изъ Москвы, и изъ губернскаго города на мои бумаги, которыя я отправлю сегодня же. Знаю, что если бъ я сталъ дожидаться, пока получу судебное разрѣшеніе на выдачу вамъ пашпортовъ, то вамъ пришлось бы здѣсь посѣдѣть съ горя и отъ старости. Но я позволяю себѣ нѣкоторыя отступленія на пользу общую. Къ Губернатору я писалъ прямо въ собственныя руки, а въ Москву — къ пріятелю моему. Если увѣрюсь въ истинѣ вашихъ показаній, то пройду штурмомъ чрезъ всѣ формы. Теперь прошу одного изъ васъ удалиться на другую половину, пока съ другаго возьмутъ изустное показаніе.» Служитель провелъ меня въ другую комнату, чрезъ сѣни, и я

отъ скуки сталъ разсматривать картинки, висѣвшія на стѣнахъ въ деревянныхъ рамочкахъ, выкрашенныхъ черною масленою краской. Болѣе всего обратила на себя мое вниманіе надпись за стекломъ, написанная на пергаминѣ буквами, составленными изъ человѣческихъ фигуръ въ разныхъ положеніяхъ, верхъ ногами, на колѣняхъ, ползкомъ и т. п. Надпись гласила: *таковъ нынѣ свѣтъ!* Далѣе висѣли раскрашенныя пальцемъ и гравированные гвоздемъ эстампы: *четыре времени года, четыре части свѣта, приключенія Женевьевы Брабантской*, а въ самомъ почетномъ мѣстѣ, надъ большимъ стуломъ, портретъ Петра Великаго. Въ небольшомъ шкафикѣ стояло за стекломъ нѣсколько десятковъ книгъ, между коими я замѣтилъ: *Библію и Новый Завѣтъ; Ядро Россійской Исторіи Хилкова; Россійскую*

Исторію Татищева; Памятникъ изъ Законовъ; Сочиненія Ломоносова, и *Адресъ-Календарь*. Чрезъ четверть часа позвали меня въ комнату Исправника, гдѣ я долженъ былъ отвѣчать на вопросные пункты. Я объявилъ только, что выѣхалъ изъ Москвы отъ тетки моей съ Воровашинымъ въ Оренбургъ; что заболѣлъ въ этомъ городѣ, и, пришедъ въ чувство, очутился въ плѣну у Киргизцевъ, самъ не зная, какимъ образомъ. Я не хотѣлъ высказывать моихъ догадокъ на счетъ Воровашина и Ножова, и того, что Арсаланъ-Султанъ спасъ меня изъ рукъ извергов, хотѣвшихъ лишить меня жизни. Это слишкомъ далеко завлекло бы меня, и могло бы навязать уголовное дѣло. Миловидинъ совѣтовалъ мнѣ помолчать до времени, пока мы не развѣдаемъ чего нибудь сами, или не встрѣтимся съ Воровашинымъ. Ко-

гда кончился допросъ, Исправникъ потребовалъ, чтобъ я отдалъ ему въ сохраненіе всѣ свои деньги, и объявилъ, что онъ пріискалъ для насъ дешевую и покойную квартиру, гдѣ намъ будутъ давать все въ долгъ. «Деньги отдамъ я вамъ тогда,» примолвилъ онъ: «какъ получу отвѣты изъ Москвы и отъ Губернатора!» При сихъ словахъ Миловидинъ не могъ удержать своего гнѣва, и воскликнулъ: «Какъ вы смѣете грабить насъ?» — «Грабить!» повторилъ Исправникъ, покраснѣвъ отъ досады: «Государь мой! я бралъ города штурмомъ, завоевывалъ провинціи — и никогда не грабилъ. Благодарите судьбу, что ваше положеніе и мое званіе не позволяютъ намъ расчитаться другимъ образомъ. Я дѣйствую по закону. Понимаете ли: по закону! Вы безпашпортные; я не знаю, кто вы,

и потому не могу оставить у васъ денегъ, чтобъ вы не уничтожили всѣхъ предосторожностей, взятыхъ мною на вашъ счетъ. Это все равно, если бъ я отдалъ плѣннымъ Туркамъ ключи отъ пороховаго магазина въ крѣпости. Извольте итти въ свою квартиру!» Вспомнивъ о Савѣ Савичѣ, и думая, что всѣ Капитанъ-Исправники на одинъ покрой, я сказалъ ему: «Послушайте, Г. Маіоръ, кончимъ миролюбиво! Возьмите себѣ двѣсти червонцевъ, и отпустите насъ, сегодня же, въ Москву, безъ дальнихъ хлопотъ.» Исправникъ снова покраснѣлъ, устремилъ на меня свои большіе глаза, и молчалъ. «Если вамъ мало,» примолвилъ я: «возьмите еще сто, и избавьте насъ отъ всякихъ притязаній.» Тутъ Исправникъ вспыхнулъ, и, проговоривъ дюжины три ругательствъ, неотносящихся однако жъ

ни къ чьему лицу, а повторяемыхъ нами иногда, въ родѣ поговорокъ, закричалъ какъ изступленный: « Молодой человѣкъ! замолчи или я не выдержу! Какъ ты смѣешь предлагать мнѣ деньги? Ты вѣрно провелъ молодость свою съ плутами, или ».... Онъ отъ досады не могъ кончить своей рѣчи. Я отвѣчалъ хладнокровно: « Извините, я зналъ Капитанъ-Исправниковъ, Судей и даже Прокуроровъ!» — « Чортъ ихъ всѣхъ побери и съ вами!» воскликнулъ Исправникъ: « Отдайте деньги и убирайтесь.» Дѣлать было нечего, и я отдалъ мой мѣшокъ съ червонцами. Исправникъ пересчиталъ въ молчанiи деньги, далъ мнѣ расписку въ полученiи оныхъ на сохраненiе, и велѣлъ инвалиду проводить насъ на квартиру, сказавъ, что этотъ служивый останется при насъ для почетной стражи. Когда

мы вышли на улицу, Миловидинъ сказалъ: «Вотъ, братъ, попали мы изъ одной степи въ другую! Этотъ Г. Исправникъ право не вѣжливѣе Киргизскихъ наѣздниковъ. Не видать намъ червонцевъ, какъ ушей своихъ! Золото растаетъ какъ масло, когда только станетъ переходить по рукамъ приказныхъ. Проклятый Капитанъ-Исправникъ!» — «Не сердись, любезный другъ, и не спѣши въ сужденіяхъ,» отвѣчалъ я: «правда, что этотъ Исправникъ грубъ, какъ дикая лошадь, но ты видѣлъ, какъ онъ сердился, когда мы подозрѣвали его во взяткахъ.» — «Все это однѣ только уловки,» возразилъ Миловидинъ: «я давно уже перестаъ вѣрить безкорыстію приказныхъ, и готовъ биться объ закладъ, что намъ не видать болѣе червонцевъ! У этого грубіяна и пушечными выстрѣлами не выбьешь

изъ кармана денегъ. На что ему было брать отъ тебя часть, когда онъ схватилъ цѣлое; а ты знаешь математическую аксіому, что часть не можетъ быть равна цѣлому.» — «А расписка?» — «Важна ли расписка на лоскуткѣ, когда и гербовая бумага въ рукахъ подьячихъ сгараетъ какъ на угольяхъ. Тебя такъ опутаютъ, что ты самъ отречешься отъ своей собственности, ради спасенія души и сохраненія тѣла.» — «Увидимъ!» — «Увидимъ!»

Для насъ наняли двѣ чистыя комнаты въ домѣ купца, торгующаго винами, сахаромъ, чаемъ и вообще пряными кореньями. Мы застали уже Гг. таможенныхъ чиновниковъ, которые расхаживали вокругъ нашихъ кипъ съ товарами, какъ лисицы вокругъ курятника, а нашъ отставной солдатъ, какъ вѣрный песъ, сторожилъ нашу собствен-

ность, сидя на одной кипѣ, и поглядывая косо во всѣ стороны. Лишь только мы вошли въ комнату, таможенные чиновники явились къ намъ: одинъ съ клеймами, молоткомъ и шнурками, другой съ бумагою, третій съ большою книгою подъ мышкою. «Извините, милостивые государи, что мы должны обезпокоить васъ,» сказалъ одинъ изъ нихъ съ нѣжною ужимкой. «Но мы скоро кончимъ,» возразилъ другой. «И кончимъ какъ вамъ угодно, полагаясь на ваше слово,» примолвилъ третій.» — «Должность наша сопряжена съ большими непріятностями,» сказалъ первый: «но между честными и образованными людьми есть средства, есть способы смягчить и ускорить скучное и непріятное производство дѣла. Особенно въ теперешнемъ случаѣ должно быть снисходительными: вы не купцы, вы

не знаете, что вамъ надобно подать объявленіе, приложить списокъ товарамъ, означить цѣну, написать и подписать многое множество разныхъ бумагъ.» — «Все это я беру на себя,» сказалъ другой, свертывая бумагу въ трубку, и вѣжливо поклонившись. «Потомъ клейма, оцѣнка,» примолвилъ первый. «Это мое дѣло,» сказалъ третій, поклоившись. «Наконецъ оплата пошлинъ: мое дѣло,» сказалъ первый, возвыся голосъ, и посмотрѣвъ значительно на двухъ прочихъ. «Господа!» сказалъ я: «дѣлайте, что вамъ слѣдуетъ. Мы ничего не понимаемъ въ этомъ ремеслѣ; но, видя вашу вѣжливость, надѣемся, что вы насъ не обидите.» — «Обидѣть, сохрани Богъ!» воскликнули всѣ трое вмѣстѣ. «Теперь позвольте намъ заняться дѣломъ,» сказалъ первый: «и прошу быть свидѣтелями, потому, что мы чу-

жды всякихъ прижимокъ, и не хотимъ даже возбудить подозрѣнія въ честныхъ людяхъ.»

Мы вышли всѣ вмѣстѣ подъ навѣсъ, гдѣ лежали кипы съ товарами. Нѣсколько сторожей принялись ихъ развязывать, и я, не зная самъ, что въ нихъ находится, весьма обрадовался, увидѣвъ цѣлыя кучи шелковыхъ тканей, Бухарскихъ платковъ, и даже одну кипу шалей Турецкихъ, отличной доброты. Я примѣтилъ, что краска выступила на лицахъ таможенныхъ чиновниковъ, при видѣ этихъ товаровъ.» Первый изъ нихъ взялъ подъ руку меня и Миловидина, отвелъ въ сторону, и сказалъ: «Пошлины за эти товары будутъ вамъ стоить ужасно дорого, почти половины всей цѣны. Но мы все это сладимъ такъ, чтобъ и волкъ былъ сытъ, и овцы цѣлы. Однако жъ для оцѣнки, позвольте намъ

взять на домъ по нѣскольку штукъ изъ всѣхъ товаровъ: ибо оцѣняя при людяхъ, вы понимаете, нельзя будетъ сдѣлать что либо въ вашу пользу.» Я посмотрѣлъ на Миловидина; онъ улыбнулся и пожалъ плечами. «Дѣлайте, что хотите, только кончите поскорѣе,» сказалъ я. Чиновникъ поклонился вѣжливо, и, возвратясь къ кипамъ, прошепталъ своимъ товарищамъ по нѣскольку словъ, и сталъ откладывать товары на сторону. Между тѣмъ другой писалъ, а третій клеймилъ. Дѣло горѣло въ рукахъ. Наконецъ смерклось, и господа таможенные чиновники ушли, оставивъ при товарахъ своихъ часовыхъ. Когда же сдѣлалось темно, то пріѣхалъ чрезъ заднія ворота ямщикъ, уложилъ въ повозку отложенныя на сторону товары, и повезъ ихъ со двора — для оцѣнки!

На другой день, со свѣтомъ, явился одинъ изъ таможенныхъ чиновниковъ со множествомъ бумагъ, на которыхъ мнѣ должно было подписаться. Наконецъ, онъ представилъ оцѣнку товаровъ и счетъ слѣдующихъ съ меня пошлинъ. Я написалъ записку къ Исправнику, прося его удовлетворить Таможню, что онъ тотчасъ исполнилъ, и, пришедъ къ намъ на квартиру, сложилъ всѣ товары въ амбаръ, и запечаталъ, сказавъ: « Товары ваши подвергаются одной участи съ червонцами: вы будете имѣть право распоряжать ими тогда, какъ я получу отвѣты. »

Когда вся эта операція кончилась, хозяинъ нашъ, почтенный старикъ съ сѣдою бородой, вошелъ въ нашу комнату, и сказалъ, что если мы будемъ имѣть въ чемъ нужду, то относились бы къ нему. Я просилъ его сходить къ Гг. таможеннымъ

чиновникамъ, и попросить ихъ, чтобъ они отдали намъ товары, взятые на домъ для оцѣнки. «Что съ возу упало, то пропало!» примолвилъ, улыбаясь, старикъ. «Не взирая однако жъ на это, съ васъ взяли пошлину вдвое противъ тарифу. Эти господа не забыли ни себя, ни казны.» — «Это называется умѣнье соединять полезное съ пріятнымъ!» сказалъ Миловидинъ. Я хотѣлъ было сердиться, жаловаться, но купецъ успокоилъ меня, и удержалъ отъ всякихъ покушеній, представивъ, что все это будетъ напраено, потому, что я подписалъ квитанціи.

«Надобно терпѣливо покоряться обстоятельствамъ, когда невозможно ихъ избѣгнуть, почтенные господа!» сказалъ купецъ. «Напримѣръ, если въ домѣ двери низки, то каждый, который чрезъ нихъ желаетъ войти, долженъ непремѣнно накло-

ниться, чтобъ не удариться лбомъ. Если на мосту одно бревно положено выше другихъ, то каждая повозка непремѣнно должна встряхнуться, проѣзжая чрезъ него. Такъ точно, въ нѣкоторыхъ дѣлахъ человѣческихъ, есть всегдашнія злоупотребленія, раждающіяся отъ удобности дѣлать ихъ; ни время, ни законы, ни сила не могутъ ихъ искоренить. Еще во времена Апостольскія, мытари славились своимъ ремесломъ, которое доставляло имъ богатство вмѣстѣ съ нарѣканіями народа. До сихъ поръ собиратели пошлинъ, во всѣхъ странахъ міра, поддерживаютъ съ блескомъ древность своего происхожденія, и подражаютъ знаменитымъ предкамъ своимъ, какъ достойные потомки. Вы сегодня испытали это на себѣ, господа; а я испытываю цѣлую жизнь. Впрочемъ, милостивые государи, не судите о всѣхъ по нѣ-

которымъ. Каждая вещь имѣетъ лицевую сторону и изнанку, и между нынѣшними мытарями вы найдете людей, достойныхъ всякаго уваженія. Но, по несчастію, свѣтъ идетъ такимъ порядкомъ, что гдѣ болѣе случаевъ къ грѣху, тамъ болѣе грѣха. Трудно кузнецу не обжечься, трудно рыбаку не замочиться. Вы понимаете меня, господа!»

Первымъ нашимъ стараніемъ было одѣться по-Европейски, ибо у насъ не было другой одежды, кромѣ Киргизской. Имѣя деньги, я хотѣлъ одѣться по модѣ. Пока хозяинъ доставалъ намъ сукна, мы нѣсколько дней провели, не выходя изъ дому, и смотрѣли въ окно на прохожихъ. Домъ былъ на площади, на которой находился Нѣмецкій трактиръ. Здѣсь толпились чиновники и дворяне, пріѣзжающіе въ городъ за дѣлами, или отъ бездѣлья. Мы хотѣли присмотрѣть-

ся модамъ, но никакъ не могли добиться толку: въ уѣздномъ городѣ, всякой молодецъ на свой образецъ, въ полномъ значеніи сего выраженія. Молодые люди носили ужасные бакенбарды, усы закоптѣлые отъ табачнаго дыму и Испанскую бородку. Растрепанная голова покрыта была картузомъ, или фуражкою. Венгерка, т. е. сертукъ, убранный шнурками по-гусарски, или казачій чекмень, длинные плисовые или нанковые шаровары и черный галстухъ составляли весь нарядъ уѣзднаго щеголя. Фраки хранились на важные случаи, балы, свадьбы и званые обѣды. Каждый помѣщикъ запасался одеждою въ столицѣ, когда случалось ѣздить туда для займа денегъ въ Опекунскомъ Совѣтѣ, или выписывалъ платье чрезъ пріятелей изъ губернскаго города. Отъ того въ уѣздномъ городѣ не было

постояннаго покроя, и не возможно было узнать, которая изъ запоздалыхъ модъ была послѣдняя. Кромѣ того, модные фраки и жилеты весьма часто переходили изъ рукъ въ руки посредствомъ мѣновой торговли, съ помощію 52 раскрашенныхъ листиковъ, и отъ того платье не у всякаго было по росту и по объему. Словомъ, мы были такъ несчастны, что не могли увидѣть въ теченіе шести дней ни одного человѣка, одѣтаго по модѣ, а трое городскихъ портныхъ, которыхъ мы пригласили на совѣтъ, разногласили между собою. Наконецъ, пріѣхавшій изъ Москвы управитель одного вельможи, вывелъ насъ изъ недоумѣнья. Мы, взявъ его за образецъ, одѣлись кое-какъ, на первый случай, и стали выходить изъ дому.

Первостепенныя особы въ городѣ были: Городничій, Уѣздный Стряп-

чій, Казначей и Члены Уѣзднаго Суда: послѣдніе однако жъ не имѣли сильнаго вліянія на общество, потому, что жили по деревнямъ, и пріѣзжали въ городъ только на сроки засѣданія Суда. Представителемъ ихъ былъ Секретарь, который въ своемъ лицѣ соединялъ всю важность судилища въ юридическомъ и свѣтскомъ отношеніяхъ. Капитанъ-Исправникъ, хотя имѣлъ большое значеніе въ уѣздѣ, но въ городѣ власть его уступала власти Городничаго, и потому онъ былъ ни первымъ, ни вторымъ, но равнымъ Городничему; слѣдовательно естественнымъ его соперникомъ. Въ семъ небольшомъ кругу, большой свѣтъ, (со всѣми своими интригами, причудами и странностями) отражался:

„Какъ солнце въ малой каплѣ водъ!"

По прошествіи двухъ недѣль, Капитанъ-Исправникъ будучи, доволенъ

скромнымъ нашимъ поведеніемъ, укротилъ гнѣвъ свой, и заставилъ сестру свою, жену Стряпчаго, пригласить насъ къ себѣ на имянины. Мы пришли къ самому обѣду, и застали уже многочисленное общество. Дамы, разряженныя въ блондовыхъ чепцахъ, въ богатыхъ платьяхъ, въ Турецкихъ шаляхъ, украшенныя жемчугомъ и брилліянтами, сидѣли особо, и говорили громко между собою. Дѣвицы составляли особый кружокъ, и перешептывались, потупивъ взоры. Хозяйка не занималась сама съ гостями, но перебѣгала по всѣмъ комнатамъ, суетилась и заботилась. Блондовый чепецъ ея нѣсколько почернѣлъ отъ кухоннаго дыма, и локоны распустились отъ жару. Какъ скоро новая гостья входила въ комнату, то маленькая дочь хозяйки тотчасъ давала ей знать объ этомъ; она выбѣгала въ попыхахъ изъ кухни,

вся раскраснѣвшись; потомъ поздоровавшись съ новопріѣзжею и указавъ ей мѣсто, снова поспѣшала къ хозяйству.

Другія гостьи съ жадностью осматривали съ головы до ногъ новоприбылую пріятельницу, и, казалось, взорами срывали съ нея наряды. Мужчины, по большой части чиновники, были всѣ въ мундирахъ: они важно расхаживали по комнатамъ, часто останавливаясь возлѣ столика, на которомъ стояла водка и закуски. Всѣ знали о нашемъ приключеніи, и о томъ, что у меня есть деньги и товары, а потому всѣ обращались съ нами довольно вѣжливо, однако жъ съ видомъ покровительства, ибо не извѣстно еще было, буду ли я просителемъ или свободнымъ отъ слѣдствія и суда.

Я хотѣлъ послушать, о чемъ разговариваютъ между собою провин-

ціяльныя чиновницы, и, остановясь въ дверяхъ небольшой гостиной, услышалъ слѣдующее:

«Ахъ, матушка, какой у васъ пребогатый чепецъ! Неужели это съ ярмарки?» — «Нѣтъ, мать моя; прямехонько изъ Москвы, съ Кузнецкаго мосту, отъ мадамы Француженки.» — «А ваше платье, сударыня, здѣсь ли шито?» — «Помилуй Богъ! Ужъ мнѣ эти доморощенныя швеи нашей Дворянской Предводительши! Рѣжутъ да шьютъ, а фасону-то, матушка, не могутъ никакъ снять съ модныхъ картинокъ.» — «Да вѣдь журналы-то писаны по-Французски!» — «Что за бѣда: сама Матрена Ивановна вѣдь только и дѣла, что сидитъ за Французскими книгами. Могла бы растолковать своимъ швеямъ.» — «Да вѣдь для швей-то пишутъ портные, такъ не всякой пойметъ, когда ма-

стеровые заговорятъ своимъ языкомъ.» — «И то правда: недавно сынокъ Андрея Кузьмича читалъ мнѣ описаніе моднаго платья. Носить такъ сношу, а понять право мудрено!» — «Ужъ нечего сказать, мудрёный народъ эти Французы, откуда слова берутся для названія каждаго шва, каждой петельки, каждой складочки!» — «Да вы, милая моя, и не похвастались новою своею шалью. Пребогатая!» — «А гдѣ купили?» — «Мой Сидоръ Ермолаевичъ привезъ ее съ откамандировки.» — «Дай Богъ ему здоровья!» — «А вашъ фермуаръ гдѣ купленъ, милая кумушка?» — «Въ Петербургѣ.» — «Да я видала его у жены откупщика.» — «Мой Карпъ Карпычъ взялъ его за долгъ, и въ дорогой цѣнѣ, матушка.» — «Такъ ужъ откупщикъ входитъ въ долги?» — «Ужъ не Стряпчему же быть должнымъ откупщику!» — « И то правда,

матушка.» — «Ахъ, кстати, была ли у васъ Акулина Семеновна Падчерицына: вѣдь идетъ слѣдствіе по дѣламъ ея мужа.» — «Была.» — «И у меня была.» — «И у меня.» — «Ахъ, матушка, что за женщина! Ужъ ей бы родиться приказнымъ. Такъ и сыплетъ указами! Все охаетъ, да жалуется на бѣдность, на притѣсненія, а какія шали, какіе жемчуги!» — «Сказываютъ, что она не забывала себя, когда муженекъ ея былъ при мѣстѣ.» — «Какъ забывать, вѣдь она не дура!» — «Сошлись по нраву и по сердцу!» — «Слыхали ли вы анекдотъ про эти большіе жемчуги, которые у нея висятъ на шеѣ, какъ хомутъ, прости Господи!» — «Нѣтъ!» — «Ахъ, раскажите, раскажите!» — «Какъ мужъ-то ея былъ въ силѣ, то Секретарь не смѣлъ написать заключенія, не спросясь Акулины Семеновны, а проси-

тели должны были являться прежде къ ней, чѣмъ въ Судъ съ челобитьемъ. Однажды пришла къ ней старушка, въ платочкѣ, и въ худенькой шубейкѣ, просить за внука, котораго общество отдало въ рекруты. Поклонясь въ ноги, старушка подала Акулинѣ Семеновнѣ тавлинку, примолвивъ:—«возьми, матушка, не тебѣ, такъ дочкѣ пригодится.»—Акулина Семеновна думала, что старушка даритъ ей тавлинку съ табакомъ, разсердилась, закричала во все горло, чтобъ помѣщики, которые были въ другой комнатѣ, услышали о ея безкорыстіи, и ударила старушку по рукѣ. Тавлинка упала на землю, и по полу разсыпался жемчугъ. Вотъ тутъ-то суеты! Акулина Семеновна сама бросилась на полъ, и давай подбирать жемчугъ, да кричать изо всей силы, чтобъ дочка ея, Ашенька, подоспѣ-

ла къ ней на помощь. Ашенька прибѣжала къ ней изъ другой комнаты, и позабыла прихлопнуть дверь, такъ дворяне-то и увидѣли цѣлую комедію. Одинъ изъ нихъ распросилъ старушку на улицѣ, да и распустилъ вѣсть по цѣлой губерніи.» — «Ха, ха, ха!» — «Вотъ-те и наука, чтобъ не пренебрегать малымъ. Не даромъ Сидоръ Карпычъ всегда повторяетъ: «всякое даяніе есть благо, и всякъ даръ совершенъ.»

Въ это время насъ позвали къ обѣду. Дамы усѣлись на одной сторонѣ, на верхнемъ концѣ стола, а мужчины помѣстились особо. Я занялъ мѣсто возлѣ Капитанъ-Исправника. Обѣдъ начался огромнымъ пирогомъ съ рыбою, въ которомъ могла бы выспаться сама почтенная хозяйка. Наливки всѣхъ цвѣтовъ и названій поспѣшили на помощь пирогу, и бросились опрометью и въ

большомъ количествѣ въ горло гостей, чтобъ предохранить ихъ отъ вредныхъ слѣдствій недопеченаго тѣста и полусырой рыбы. Въ слѣдъ за пирогомъ слѣдовали холодныя: поросенокъ съ хрѣномъ, студень, ветчина, и т. п. Холодное надлежало разогрѣть, и опять прибѣгнули къ наливкамъ и къ мадерѣ, которая весьма пріятно свѣтилась въ пивныхъ стаканахъ. Вкусныя Русскія щи надлежало также развесть въ желудкѣ мадерою, и такъ, пока дошли до перваго кушанья послѣ щей, уже лбы почтенныхъ собесѣдниковъ покрылись блестящимъ лакомъ, а носы зардѣлись какъ клюковки. Здѣсь-то я выразумѣлъ настоящій смыслъ Русской пословицы: «первая чарка коломъ, а вторая соколомъ.» Разница въ томъ, что летали соколомъ не чарки, а стаканы и бутылки. Пока нѣсколько блюдъ съ соусами обошли

кругомъ, до появленія жаркаго, всѣ гости (исключая Капитанъ-Исправника, меня и Миловидина) были въ такомъ расположеніи духа, что готовы были лѣзть на батарею. Вино размочило твердыя приказныя сердца, и откровенность поднялась изъ нихъ въ видѣ густаго пара, и осѣла на языкѣ. «Мартыновичъ!» воскликнулъ Секретарь Земскаго Суда такъ громко, что окна затряслись въ домѣ: «Мартыновичъ!... Измѣнилъ ты мнѣ, окаянный: выпустилъ медвѣдя изъ моихъ тенетовъ. Вѣкъ бы тебѣ не простилъ, если бъ не жена твоя, моя кумушка.» — «Полно, не сердись, Карпычъ,» отвѣчалъ Уѣздный Стряпчій: «когда бъ ты одинъ содралъ шкуру съ медвѣдя, то намъ не досталось бы ни клока шерсти. Нечего сказать, ты мастеръ потрошить просителей, Карпъ Карпычъ, а у меня вѣдь также жена и дѣтки

хлѣба просятъ.» Всѣ засмѣялись. «Нечего сказать, мастеръ потрошить, Карпъ Карпычъ!» воскликнули со всѣхъ сторонъ. Секретарь гордо перевалился на стулѣ, погладилъ себя по головѣ и по брюху, и важно сказалъ: «Дѣло мастера боится.» — «Почтенные господа!» воскликнулъ съ конца стола сухощавый, лысый и черномазый подьячій, тонкимъ и звонкимъ голосомъ: «вся мудрость человѣческая выписана на Голландскомъ червонцѣ. Вся Латынь, которой обучался я въ Семинаріи, не стоитъ одной этой надписи: Concordiâ res parvae crescunt, сирѣчь: *согласіемъ вещи держатся.* Это означаетъ, что если господа Судьи хотятъ имѣть червончики, то должны жить мирно, согласно, рѣшать дѣла единодушно, и слушать Секретаря. Вѣдь кавалеръ-то, изображенный на червонцѣ, есть не кто иной,

какъ Секретарь, а пукъ стрѣлъ въ рукѣ его означаетъ то, что онъ долженъ всѣхъ Судей и всѣ дѣла держать въ рукахъ!» — «Браво, Климычъ, браво!» воскликнули приказные въ восторгѣ. «Держать въ рукахъ,» примолвилъ Секретарь: «да еще и въ ежовыхъ рукавицахъ!»

Между тѣмъ внесли корзинку съ Шампанскимъ, и начались тосты. Выпивъ за здоровье хозяйки, хозяина и наконецъ каждаго гостя и отдѣльно жены его, чадъ и домочадцевъ, принялись за питье какъ за работу, какъ за очищеніе бутылокъ по подряду. Когда корзины кончили, тогда встали изъ-за стола, и коекакъ побрели въ гостиную.

Я не упоминалъ до сихъ поръ о сосѣдѣ моемъ, Капитанъ-Исправникѣ. Онъ не принималъ никакого участья ни въ питьѣ, ни въ разговорахъ почтенной компаніи, и молчалъ въ про-

долженіе обѣда. Гости также не обращались къ нему съ рѣчами, потому, что зная нравъ его, опасались, чтобъ онъ не сказалъ имъ въ глаза какой нибудь жестокой правды, обыкновенно называемой грубостью. Послѣ обѣда Капитанъ-Исправникъ пригласилъ меня и Миловидина въ садикъ, прилежащій къ столовой залѣ, гдѣ между разсѣянными въ безпорядкѣ фруктовыми деревьями, произрастали подсолнечники, макъ и пивоніи. Мы сѣли на дерновой скамьѣ, и Капитанъ-Исправникъ сказалъ: « Я съ удовольствіемъ замѣтилъ, что вы не любите осушать стекло, по примѣру любезныхъ моихъ сослуживцевъ. Вы можете судить о моемъ горестномъ положеніи, » примолвилъ онъ, обращаясь къ Миловидину· « видя, съ какими людьми долженъ проводить жизнь старый служивый. Но нужда долбитъ ка-

мень. Эти приказныя піявицы давно бы задушили меня, если бъ по счастью, или по несчастью, я не породнился бракомъ сестры моей, съ однимъ изъ ихъ шайки, и не былъ въ милости у Губернатора, прежняго моего Генерала. Противу теченія мудрено плыть. Довольно и того, что я успѣлъ оградить свою часть управленія отъ ихъ вліянія. Дворянство выбрало меня, и положило мнѣ содержаніе, едва достаточное для прожитья. Поживете здѣсь, услышите болѣе о Штыковѣ, а между тѣмъ, прошу васъ не заключать по видѣнному и слышанному о цѣломъ уѣздѣ. Здѣсь есть честные и благородные люди между помѣщиками и выбранными отъ дворянства чиновниками; но какъ, по несчастію, наши дворяне не учатся Русскому законовѣдѣнію, и немногіе изъ нихъ привыкли къ письменной работѣ, а

тѣ, которые служили въ гражданской службѣ, уклоняются отъ выборовъ, удаляясь въ деревню на покой: то само по себѣ разумѣется, что дѣлами ворочаютъ приказные. Это особая порода на святой Руси, которая живится, какъ моль, указною пылью. Совѣтую вамъ итти домой, чтобъ не быть свидѣтелями еще бо́льшаго соблазна. Можетъ случиться, что господа блюстители правосудія вцѣпятся другъ другу въ волосы, когда дойдетъ дѣло до объясненій.» — Исправникъ всталъ, и мы послѣдовали его совѣту. Между тѣмъ въ садъ вошли многіе изъ гостей, держась за руки и напѣвая пѣсни. Вошедъ въ комнаты, чтобъ отыскать наши фуражки, мы увидѣли, что уже на одномъ столикѣ играли въ банкъ, а на другомъ въ горку, и пучки ассигнацій уже начали переходить изъ рукъ въ руки.

Пришедъ домой, мы попросили къ себѣ хозяина, чтобъ онъ объяснилъ намъ нѣкоторыя непонятныя для насъ вещи: «Растолкуйте, пожалуйте,» сказалъ я: «что за странный человѣкъ вашъ Исправникъ?» — «Онъ слыветъ у насъ *чудакомъ*,» отвѣчалъ хозяинъ. Въ самомъ дѣлѣ, Михайло Ивановичъ Шпыковъ не похожъ на своихъ товарищей, отъ того и кажется всѣмъ страннымъ. Онъ происходитъ изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ здѣшняго уѣзда. Въ военную службу вступилъ онъ съ молодыхъ лѣтъ, и по смерти своихъ родителей, отдалъ часть своего наслѣдства сиротамъ, дѣтямъ покойной своей сестры, бывшей за мужемъ за однимъ честнымъ, но бѣднымъ чиновникомъ. Другую сестру его вы знаете. Дослужившись до Маіорскаго чина и вышедъ за ранами въ отставку, онъ жилъ здѣсь, у меня въ

домѣ, небольшимъ своимъ пенсіономъ, пока дворяне не предложили ему мѣста Исправника. Михайла Ивановичъ объявилъ рѣшительно, что онъ взятокъ брать не умѣетъ, и не хочетъ этому учиться, а потому не можетъ и не желаетъ принять мѣста, съ которымъ сопряжены излишніе расходы. Дворянство упросило его наконецъ принять мѣсто, и положило давать ему извѣстную сумму на канцелярію и на разъѣзды, съ вѣдома начальства. Вотъ ужъ десять лѣтъ, какъ онъ Исправникомъ, и всѣ честные люди благословляютъ его. Всѣ земскія повинности, починка дорогъ, подводы, постои распредѣляются у насъ съ величайшею точностью, по очереди и по числу душъ. Взиманіе податей и недоимокъ производится безъ всякаго послабленія, но съ величайшимъ снисхожденіемъ къ бѣднымъ. Бѣглые и праздно-

шатающіеся не смѣютъ появиться въ нашемъ уѣздѣ; поселяне зная, что поимкою ихъ могутъ угодить доброму своему Исправнику, котораго они называютъ отцомъ, вовсе отреклись отъ пристанодержательства, и тотчасъ представляютъ бѣглыхъ въ Судъ. Слѣдствія производятся безъ угрозъ и побоевъ, но съ неумышною справедливостію. На ярмаркахъ, Михайла Ивановичъ не беретъ съ купцовъ денегъ за позволеніе торговать контрабандою, или несвѣдущихъ обманывать дурными товарами, но наблюдаетъ за порядкомъ, за вѣсомъ, мѣрою и качествомъ товаровъ. При рекрутскихъ наборахъ, старосты и выборные въ казенныхъ волостяхъ не смѣютъ отдавать въ солдаты не въ очередь, и лишать послѣдней подпоры беззащитныхъ родителей. Управители частныхъ имѣній, которыхъ вла-

стители живутъ въ столицахъ, не могутъ угнетать крестьянъ, и обманывать своихъ господъ. Даже порочные, или злые господа, которые, слава Богу, весьма рѣдки, не могутъ обращаться противузаконно съ своими крѣпостными людьми, Однимъ словомъ, Михайло Ивановичъ денно и ночно печется объ искорененіи злоупотребленій, водвореніи истины и исполненіи законовъ. Правда, онъ грубъ въ обхожденіи, не любитъ терять напрасно словъ, не умѣетъ смягчать горькой истины сладкими рѣчами, и исполнять свой долгъ съ комплиментами. Онъ строгъ съ порочными, неумолимъ съ злыми и снисходителенъ къ однимъ слабостямъ, но на дѣлѣ, а не не словахъ. Онъ бы давно погибъ отъ козней приказныхъ и замысловъ злоупотребителей власти, если бъ его не поддерживалъ нашъ Губернаторъ, чело-

вѣкъ честный и благонамѣренный, также изъ военныхъ, который зналъ его еще въ полку. Всѣ честные люди любятъ и уважаютъ Михайла Ивановича, злые ненавидятъ его и боятся какъ чумы. Впрочемъ, онъ не вмѣшивается въ чужія дѣла, и требуетъ только, чтобъ другіе не мѣшались въ его управленіе. Вотъ каковъ нашъ чудакъ! Онъ поступилъ съ вами нѣсколько строго; но онъ поступилъ законно, и хотя обошелся грубо, однако жъ и не обидѣлъ васъ, и не лишитъ васъ собственности, какъ наши вѣжливые мытари.» «Согласенъ,» примолвилъ Миловидинъ: «что лучше горькое лекарство, нежели сладкая отрава.»

ГЛАВА II.

Дѣловая бесѣда у Русскаго купца. Безпокойный человѣкъ. Кончина злодѣя.

Хозяинъ позвалъ насъ къ себѣ, откушать чаю. Мы застали у него приходскаго Священника и одного порядочно одѣтаго человѣка среднихъ лѣтъ, пріятной наружности, котораго обращеніе и пріемы показывали, что онъ привыкъ жить въ хорошемъ обществѣ. Хозяинъ познакомилъ насъ, назвавъ своего гостя Петромъ Петровичемъ Виртутинымъ. Мы сѣли вокругъ дубоваго стола и попивая чай, стали разсуждать о предметахъ, которые показались мнѣ чрезвычайно важными, потому, что я въ первый разъ слышалъ разговоры о дѣлахъ общественныхъ.

— « Не казалось ли бы вамъ страннымъ, даже непостижимымъ, господа!» сказалъ купецъ: «если бъ во всѣхъ Французскихъ портахъ одни Нѣмцы и Голландцы, а въ Англійскихъ портахъ, Испанцы и Италіянцы, производили внѣшнюю торговлю, и чтобъ Французы и Англичане, какъ верблюды, только перетаскивали на своихъ спинахъ товары изъ внутренности государства къ морскому берегу, для того только, чтобъ чужеземцы пользовались неимовѣрными выгодами, безъ труда, безъ заботъ, безъ отвѣтственности, за то единственно, что на дверяхъ ихъ жилищъ прибита мѣдная дощечка съ надписью: *Контора?*» — «Я бы сказалъ рѣшительно,» отвѣчалъ Петръ Петровичъ: «что если туземцы работаютъ какъ быки, позволяя изъ себя вырѣзывать бифстексъ иноземцамъ, то есть, если тузем-

цы трудятся для обогащенія пришлецовъ, торгующихъ ихъ трудами, то вѣрно эти коренные жители не имѣютъ ни довольно ума, ни довольно денегъ, и даже ни довольно честности, чтобъ самимъ быть купцами.»

—«Это слишкомъ строго,» отвѣчалъ Священникъ: «я бы сказалъ, что вѣрно какая нибудь другая господствующая страсть отвлекаетъ туземцевъ отъ внѣшней торговли, предоставляя всѣ выгоды встрѣчному и поперечному.»

—«Вы оба имѣли бы право такъ думать,» сказалъ купецъ: «но, къ счастью, вы правы, батюшка. Приведемъ дѣло въ ясность. Я говорю о нашемъ любезномъ отечествѣ. Не странно ли, не унизительно ли для народнаго самолюбія, что въ Россіи вся почти внѣшняя торговля производится посредствомъ иностран-

ныхъ конторъ и факторій, находящихся во всѣхъ Русскихъ портахъ и даже въ столицахъ, какъ будто бы Россія была Китаемъ, или Японіею? Чужеземные купцы и фабриканты имѣютъ дѣло только съ этими конторами; а мы, Русскіе, должны смотрѣть въ глаза Гг. конторщикамъ, доставлять имъ, чего они потребуютъ для отсылки за границу, и покупать у нихъ чужеземныя произведенія по цѣнамъ, какія имъ угодно назначать въ общемъ ихъ совѣтѣ. Эти Гг. иноземные конторщики, которыхъ мы величаемъ негоціантами, не выше почитаютъ Русскихъ купцовъ, какъ своихъ артельщиковъ, или биржевыхъ дрягилей, и какъ будто ради Христа дѣлятся съ нами сотою частью своихъ барышей. Скажите, господа, неужели этотъ порядокъ дѣлъ будетъ вѣчно продолжаться, и неужели въ

отношеніи къ торговлѣ мы будемъ всегда на той самой степени, какъ во время открытія Архангельскаго порта Ричардомъ Ченселоромъ, при Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ? Кажется, у насъ есть всѣ средства, чтобъ составить почтенное купеческое сословіе. Уму, проницательности и смѣтливости нашего народа отдаютъ справедливость сами иностранцы. Честь наша въ торговлѣ, право, не ниже добродѣтелей Гг. иноземныхъ конторщиковъ, а въ капиталахъ мы всегда будемъ имѣть преимущество, имѣя въ своихъ рукахъ сырыя произведенія нашей земли и Русскій товаръ. Напротивъ того, у конторщиковъ, при началѣ ихъ дѣлъ, все богатство составляетъ мѣдная дощечка съ надписью: *контора*, и нѣсколько рекомендательныхъ банкирскихъ писемъ.»

— «Нѣсколько рекомендательныхъ

банкирскихъ писемъ! Вотъ въ этомъ-то и вся сила," воскликнулъ Петръ Петровичъ. «Скажи, любезный Сидоръ Ермолаевичъ, кому бы ты болѣе повѣрилъ: старожилу ли здѣшнему, котораго ты знаешь давно съ хорошей стороны, или пріѣзжему торговцу котораго ты вовсе не знаешь?»

— «Разумѣется, я скорѣе бы повѣрилъ старожилу," отвѣчалъ купецъ. «Но позвольте, Петръ Петровичъ, если это сравненіе клонится къ нашей рѣчи, то, кажется мнѣ, что Русскихъ купцовъ скорѣе можно сравнивать съ старожилами.»

— «Такъ бы слѣдовало, но не такъ въ самомъ дѣлѣ," возразилъ Петръ Петровичъ. «Ты, Сидоръ Ермолаевичъ, лѣтъ пятьдесятъ какъ торгуешь и знаешь всѣхъ лучшихъ купцовъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Насчитай же мнѣ, пожалуйста, полдю-

жины Русскихъ фамилій, которыя извѣстны въ торговлѣ отъ прадѣда?»

—«Признаюсь, я не знаю ни одной,» отвѣчалъ Сидоръ Ермолаевичъ. «У насъ, какъ скоро купецъ разбогатѣетъ, то или обанкрутится отъ того, что перестаетъ водиться съ своею братьей, пренебрегаетъ дѣлами, живетъ на барскую стать, и отдаетъ дочекъ за голенькихъ Князей и Графовъ; или спивается съ кругу, отъ чванства и радости, оставляя имѣнье на расхищеніе плутамъ прикащикамъ и мотамъ дѣткамъ, которые уже стыдятся быть купцами и лѣзутъ въ чины; или, наконецъ, самъ добивается до личнаго дворянства разными проселочными путями, подъ вывѣскою усердія и пожертвованій! Правда, у насъ нѣтъ старыхъ купеческихъ домовъ, и едва ли есть одинъ знаменитый торговый Русскій домъ въ Россіи, кото-

рый начинаетъ свою родословную далѣе царствованія Императрицы Екатерины II.»

—«Торговля поддерживается кредитомъ, а кредитъ извѣстностью и древностью рода,» сказалъ Петръ Петровичъ. «Въ Англіи, во Франціи, въ Нѣмецкихъ Ганзеатическихъ городахъ, въ Голландіи, въ Швеціи, въ Даніи, вы найдете купеческіе домы, которыхъ фирма извѣстна въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, и возбуждаетъ болѣе довѣренности, чѣмъ гербы Княжескіе. А у насъ купцы, перелетные птицы въ коммерціи. Нашъ купецъ покажется на сцену, разжирѣетъ, пустится въ гору, а потомъ падаетъ, или разгуливаетъ, напудрившись геральдическою пылью.»

—«Правда, совершенная правда!» примолвилъ купецъ, поглаживая бороду.

—«Замѣчу еще одно обстоятель-

ство,» сказалъ Петръ Петровичъ! «У насъ немногіе Русскіе богатѣютъ отъ биржевой торговли, а по большей части отъ подрядовъ въ казну. Подрядчики же и откупщики, по моему мнѣнію, не могутъ называться купцами, или, какъ говорится, негоціантами Ибо тотъ только приноситъ существенную пользу отечественной торговлѣ, кто имѣетъ дѣла за границею, и способствуетъ сбыту нашихъ произведеній въ чужихъ краяхъ. И такъ иноземные богатые купеческіе домы и фабриканты, по неволѣ, должны производить свои дѣла въ Россіи посредствомъ конторщиковъ, рекомендованныхъ имъ *старыми* купеческими почтенными фамиліями, у которыхъ эти конторщики прежде были прикащиками Какъ заводить большіе обороты съ Русскими купцами, когда они появляются неизвѣстно от-

куда, и исчезаютъ, неизвѣстно какъ и куда, съ поприща коммерціи?»

— «И то правда!» сказалъ Священникъ. «Однако жъ не обвиняйте слишкомъ купцовъ. Есть весьма много обстоятельствъ, которыя заставляютъ ихъ выходить изъ своего званія, при первомъ удобномъ случаѣ. Вопервыхъ»...

Вдругъ поднялся шумъ въ сѣняхъ. Хозяинъ хотѣлъ поспѣшить туда; но едва онъ вскочилъ со стула, какъ дверь отворилась съ трескомъ, и въ комнату вбѣжала съ лаемъ ужасная меделянская собака. Потомъ явился какой-то господинъ, одѣтый по дорожному, съ трубкою въ зубахъ, а за нимъ лакей его и полицейскій служитель. Между тѣмъ какъ собака обнюхивала углы, и господинъ ея раздѣвался безъ околичностей, полицейскій служитель сказалъ: «Вотъ тебѣ постой, Сидоръ Ермо-

лаевичъ. Его Высокоблагородіе пріѣхалъ изъ Петербурга, по казенной надобности, и ты такъ счастливъ, что ему понравился съ виду твой домъ.» — «Помилуйте, у меня уже квартируютъ шесть человѣкъ служивыхъ,» возразилъ хозяинъ: «да сверхъ того, Капитанъ-Исправникъ велѣлъ мнѣ принять въ домъ вотъ этихъ двухъ господъ.» — «Молчи, борода!» сказалъ чиновникъ, посмотрѣвъ грозно на почтеннаго старца. «Я знать не хочу твоего Капитанъ-Исправника и тебя, и остаpнусь здѣсь потому, что мнѣ такъ угодно.» Хозяинъ обратился къ полицейскому служителю, и сказалъ: «Но сосѣдніе домы не имѣютъ постоя.»... «Какъ тебѣ равняться съ сосѣдями, Сидоръ Ермолаевичъ?» возразилъ полицейскій служитель. «Эти господа чиновные, знатные дворяне; ты знаешь, что у нихъ

останавливается Губернаторъ, Прокуроръ .... Да полно, полно, Сидоръ Ермолаевичъ; вѣдь если не купцамъ отвѣчать за всѣхъ, такъ и порядку не будетъ. Вѣдь сильному-то и мѣшокъ на плечи, а вы богаче всѣхъ.»

Полицейскій служитель вышелъ, а чиновникъ сказалъ: «Шевелись, старина! Видно вашу братью здѣсь балуютъ крѣпко, что вы еще смѣете спорить!» — «Я не спорю, сударь,» отвѣчалъ купецъ: «но у меня съ семействомъ остались только три небольшія комнаты, и я не знаю, гдѣ помѣстить васъ.» — «Я займу двѣ, а ты помѣщайся въ третьей,» сказалъ чиновникъ: «а если тебѣ тѣсно, такъ ступай въ чуланъ. Смотри, пожалуйста, какъ этотъ мужикъ чванится!» — «Я не мужикъ, сударь, а купецъ.» — «А развѣ это не все равно?» возразилъ чиновникъ

съ насмѣшкою: «не дворянинъ — такъ тотъ же мужикъ!»

Мы вышли изъ комнаты, и хозяинъ послѣдовалъ за нами. «Господа!» сказалъ онъ: «мы исчисляли причины, почему купцы не любятъ оставаться въ своемъ званіи. Вотъ вамъ малый образчикъ того уваженія, которое имѣютъ къ намъ другія сословія. Но вы еще не видѣли и тысячной доли, а когда увидите, вспомните добромъ — и не пеняйте на насъ!»

Священникъ пожалъ плечами, и, не сказавъ ни слова, пошелъ къ себѣ домой; хозяинъ долженъ былъ остаться у себя, чтобъ помѣстить новаго жильца; а мы съ Петромъ Петровичемъ пошли прогуляться за городъ.

«У насъ такъ, какъ и вездѣ, до тѣхъ поръ все будетъ итти не своей колеей,» сказалъ Петръ Пе-

провичъ: « пока просвѣщеніе не разольется на всѣ сословія. Только просвѣщенный, образованный человѣкъ можетъ въ полной мѣрѣ чувствовать свои обязанности въ отношеніи къ другимъ, и уважать всѣ сословія. Просвѣщенный человѣкъ знаетъ, что въ благоустроенномъ государствѣ каждое званіе почтенно и столь же нужно, какъ всѣ струны въ инструментѣ, для общаго согласія. Невѣжество полагаетъ преграду къ сближенію, и точно такъ же, какъ Турокъ почитаетъ Христіанскаго подданнаго Порты нечеловѣкомъ, такъ наши гордые невѣжды пренебрегаютъ всѣми, кто имъ не родня, и кто не можетъ давать имъ чиновъ и орденовъ. Напримѣръ, вашъ хозяинъ, не почтенный ли человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ? Отъ чего же это? Отъ того, что онъ уменъ и образованъ. Жаль, что онъ не полу-

чилъ систематическаго образованія въ юности; тогда бы онъ былъ отечеству полезнѣе во сто разъ. Сидоръ Ермолаевичъ происходитъ изъ экономическихъ черносошныхъ крестьянъ. Онъ остался сиротою послѣ родителей, пошелъ въ прикащики къ дальнему своему родственнику, купцу, и трудами, прилежаніемъ и хорошимъ поведеніемъ составилъ себѣ порядочное состояніе, образовавъ себя чтеніемъ, обхожденіемъ съ умными людьми, размышленіемъ и опытностью. Сыновей своихъ онъ воспитываетъ въ Университетѣ, убѣдившись, что первое благо на земли, первая потребность души безсмертной — просвѣщеніе. Вы видѣли почтеннаго Священника, отца Евгенія. Онъ также можетъ служить примѣромъ, что просвѣщеніе не препятствуетъ исполненію священныхъ обязанностей

его званія: напротивъ того, возвышая духовную особу въ глазахъ народа, утверждаетъ его болѣе въ вѣрѣ и нравственности, краснорѣчиво объясняемыхъ пастырями Церкви, и подкрѣпляемыхъ примѣромъ безпорочной ихъ жизни.»

Разговаривая о различныхъ предметахъ, мы дошли по порядку до обстоятельствъ жизни самого Петра Петровича Виртушина. Мы крайне удивились, когда онъ сказалъ намъ, что онъ не здѣшній уроженецъ, но живетъ здѣсь противу своей воли. Мы просили его объяснить намъ причину сей странности, и Петръ Петровичъ расказалъ намъ слѣдующее:

«Отецъ мой былъ бѣдный дворянинъ, и не имѣлъ къ пропитанію никакого средства, кромѣ небольшаго своего жалованья. Онъ женился на дочери достаточнаго куп-

ца, и получилъ въ придапое около пятидесяти тысячъ рублей. Машь моя скончалась, родивъ меня на свѣтъ; отецъ мой оставилъ службу, и занялся моимъ воспитаніемъ. Для преподаванія Наукъ имѣлъ я учителей, но отецъ мой самъ былъ наставникомъ моимъ въ отношеніи къ нравственности. Онъ вперилъ въ меня безпредѣльную преданность къ престолу, съ убѣжденіемъ, что пространная Россія, составленная изъ разнородныхъ племенъ, не можетъ быть ни счастливою, ни сильною иначе, какъ подъ властію монархическою, единодержавною. Съ юныхъ лѣтъ отецъ мой внушилъ мнѣ, что въ мірѣ нѣтъ возвышеннѣе нравственности — какъ Евангельское ученіе. Онъ позволялъ мнѣ читать всѣ философическія сочиненія, но повторялъ часто: « Сынъ мой! Апостолъ Павелъ говоритъ въ Посланіи

къ Өессалонійцамъ: «*Все испытывайте; хорошаго держитесь.*» Въ твореніяхъ мудрецовъ ты найдешь много ума, еще болѣе остроумія, но нигдѣ не найдешь такихъ правилъ для жизни, какъ въ Евангеліи. Въ твореніяхъ мудрецовъ ты найдешь также совѣты добродѣтели, но нигдѣ не найдешь такой возвышенной нравственности, столько утѣшительныхъ истинъ, какъ въ ученіи Апостольскомъ. Вся нравственность, разлитая мудрецами въ тысячахъ книгъ, заключена Апостолами въ немногихъ словахъ: «*И какъ хотите, чтобы поступали съ вами другіе, такъ и вы поступайте съ ними.*» (Еванг. отъ Луки, Глава VI.). «*Но говорю вамъ, слушающимъ: любите враговъ вашихъ, творите добро ненавидящимъ васъ.*» (Тамъ же.) Любезный сынъ! исполняя сіи два правила, ты исполнишь всѣ свои обя-

занности.» Отецъ мой былъ не святошею, не ханжею, но истиннымъ Христіаниномъ, и примѣромъ собственной жизни укрѣплялъ меня въ преподаваемыхъ имъ правилахъ.

«Кончивъ мое воспитаніе, я вступилъ въ военную службу. При отправленіи въ полкъ, отецъ благословилъ меня образомъ Спасителя, съ надписью изъ Евангелія: « *Посему отвергнувъ ложь, всѣ говорите истину предъ ближнимъ своимъ.*» (Посл. Ап. Павла къ Ефес. Гл. IV).

«Съ лѣтами, я болѣе утверждался въ правилахъ, посѣянныхъ въ сердцѣ моемъ достойнымъ моимъ родителемъ, и болѣе убѣждался въ истинѣ, что человѣкъ для того только созданъ на свѣтъ, чтобъ помогать своимъ ближнимъ всѣми зависящими отъ него средствами. Каждая несправедливость, оказанная кому бы то ни было, и кѣмъ бы то ни бы-

ло, производила во мнѣ сильное впечатлѣніе: по несчастію, я не могъ воздержать языка моего, и вопіялъ громко противу всякихъ злоупотребленій. Мы стояли въ плодоносной Украйнѣ, и богатые поселяне дѣлились своею пищею съ нашими добрыми солдатами, которые; въ свободное отъ службы время, помогали имъ въ полевыхъ работахъ. Поселяне не хотѣли получать казеннаго провіанта, и я настаивалъ, чтобъ онъ былъ продаваемъ всегда въ пользу солдатъ. При расчетѣ амуничныхъ и артельныхъ денегъ, при уплатѣ жалованья, я, какъ говорится, рѣзался за солдатскую копѣйку. Правду мудрено облекать всегда въ нѣжныя, мягкія формы, и я часто принужденъ былъ говорить горькія истины, спорить и жаловаться, когда меня не слушали. Я прослылъ *без-*

покойнымъ человѣкомъ, и принужденъ былъ выйшши въ отставку.

«Отецъ мой, который былъ старъ и слабъ, хошѣлъ, чтобъ я жилъ при немъ. Я опредѣлился въ гражданскую службу въ столицѣ, по судной части, чтобъ не терять времени безъ пользы отечеству. Здѣсь-то открылось обширное поле для моей дѣятельности. Отецъ мой нимало не сокрушался тѣмъ, что я невольно долженъ былъ оставить военную службу. «Ты исполнялъ свой долгъ — вотъ твоя награда и утѣшеніе,» сказалъ онъ, обнимая меня. Когда мнѣ надлежало занять новую мою должность, онъ призвалъ меня къ себѣ въ кабинетъ, и, указавъ на раскрытое Евангеліе, велѣлъ прочесть въ Посланіи Павла къ Тимоѳею, въ главѣ V, стихъ 20: «*Согрѣшающихъ обличай предъ всѣми, дабы и прочіе страхъ имѣли.*» Потомъ онъ

прижалъ меня къ сердцу, благословилъ и сказалъ: « Ступай съ Богомъ ратовать за истину! »

« Я былъ какъ песъ на стражѣ у храма Правосудія; лаялъ на безсовѣстныхъ злоупотребителей законовъ, не пускалъ сильнаго злодѣя во внутренность святилища, и защищалъ отъ грабителей несчастную вдову и сироту. Ябеда и лихоимство возстали противу меня съ ожесточеніемъ. *Дѣловые люди*, безъ которыхъ начальники не могли обойтись, не зная сами дѣла, объявили, что они не могутъ жить съ такимъ *безпокойнымъ человѣкомъ*, какъ я. Мнѣ велѣно было удалиться.

«Между тѣмъ отецъ мой скончался, и я остался на свѣтѣ одинокъ, съ порядочнымъ состояніемъ. Отецъ мой не старался умножать своего капитала, полагая, что мнѣ довольно будетъ приданаго моей матери,

и употреблялъ остальную отъ прожитья часть доходовъ на вспоможеніе бѣднымъ. Я послѣдовалъ его примѣру, и дѣлился по-братски съ неимущими и страждущими, и защищалъ ихъ также отъ притѣсненія сильнаго. Я не могъ отказать несчастному въ совѣтѣ, и даже самъ писалъ просьбы для беззащитныхъ, неумѣющихъ отразить ябеды и угнетенія силою краснорѣчія и юридическихъ доводовъ; я самъ хлопоталъ за бѣдныхъ, и иногда устрашалъ самыхъ закоренѣлыхъ лихоимцевъ моею настойчивостью. Тысячи непріятностей сносилъ я ежедневно; но, проведя день въ трудахъ, утѣшалъ себя тѣмъ, что исполняю волю моего родителя, и что моею горестью доставляю сладкое утѣшеніе страждущимъ. Я былъ счастливъ! Нѣсколько добрыхъ друзей, Науки и Литература услаждали жизнь мою, кото-

рую злобные люди хотѣли отравить клеветою.

«Облака образуются изъ паровъ; дождь состоитъ изъ капель: бѣда образуется изъ клеветы, извѣтовъ и наущенiй, и злобныя слова въ совокупности составляютъ громовую тучу въ нравственномъ мiрѣ, извергающую перуны на безвинныхъ. Я не давалъ обѣдовъ, полагая, что лучше отъ избытковъ кормить бѣдныхъ, нежели пресыщать сластолюбцевъ; не давалъ въ займы денегъ мотамъ: меня назвали *скупымъ*. Я ходилъ молиться, въ церкви общественныя, вмѣстѣ съ народомъ, а не являлся въ мундирѣ, въ домашнихъ церквахъ вельможъ, — меня назвали *безбожникомъ*. Зная что монархическое правленiе не можетъ имѣть другой цѣли, какъ благо подданныхъ, я никогда не роптал на Правительство, но громко

вопіялъ противу злоупотребителей власти, которые, почитая мѣста свои какъ бы откупами, помышляютъ единственно о своемъ обогащеніи и помѣщеніи своихъ родственниковъ,— меня назвали *возмутителемъ*. Я отъ всего сердца хвалилъ добрыхъ вельможъ, честныхъ чиновниковъ, и выставлялъ ихъ въ примѣръ, въ противоположность злымъ и корыстолюбцамъ, — меня назвали *интригантомъ* и *пристрастнымъ*. Часто, не будучи въ состояніи умѣрить моего негодованія, я обнаруживалъ истину въ выраженіяхъ сильныхъ, въ писанныхъ мною для другихъ просьбахъ; и называлъ вещи ихъ настоящими именами, — меня назвали *ябедникомъ*. Изо всѣхъ приписанныхъ мнѣ качествъ составилось одно названіе: *безпокойнаго человѣка*, и меня выслали на житье въ этотъ городъ, подъ надзоръ полиціи. Признаюсь,

я сперва сокрушался, но добрый Священникъ Евгеній утѣшилъ меня и успокоилъ. «Вы трудились не для міра, а для души своей,» сказалъ отецъ Евгеній: «слѣдовательно въ душѣ своей найдете награду. Вспомните, что говоритъ Апостолъ Лука: «*Но вы любите враговъ вашихъ и благотворите и въ займы давайте, ничего не ожидая; и будетъ вамъ награда великая, и вы будете сынами Всевышняго; ибо Онъ благъ и къ неблагодарнымъ и злымъ.*» Не смущайтесь несчастіемъ и не ослабѣвайте на пути къ добру, помня слова Апостола Павла: «*Правда, всякое наказаніе въ настоящее время кажется не радостью, а печалью; но въ послѣдствіи доставляетъ мирный плодъ праведности тѣмъ, кои посредствомъ онаго образовались.*»

«Теперь я спокоенъ и счастливъ, ибо счастіе у всякаго въ сердцѣ, а

на землѣ нѣтъ населеннаго мѣста безъ добрыхъ людей. Я нахожу наслажденіе въ дружбѣ честнаго Капитанъ-Исправника, почтеннаго Священника Евгенія и купца, вашего хозяина; провожу время въ чтеніи и прогулкѣ, и дѣлаю столько добра, сколько позволяютъ мнѣ средства мои. Не примите моего расказа за самохвальство. Нѣтъ! я чуждъ этого порока, и объявилъ вамъ истину для вашего поученія, по тому только, что вы этого требовали. Прійдетъ время — и правда всплыветъ на верхъ, какъ елей надъ водою, и рано или поздно, но всегда восторжествуетъ надъ злобою и ложью!»

Возвратясь въ городъ съ прогулки и проходя мимо городскаго острога, почтенный Петръ Петровичъ предложилъ намъ зайти туда, и бросить сѣмена утѣшенія въ жилище плача, какъ онъ изъяснялся. У меня

было въ кошелькѣ нѣсколько червонцевъ, и я съ радостью согласился итти въ острогъ, чтобъ облегчить подаяніемъ участь несчастныхъ. Этотъ острогъ былъ не иное что, какъ простая изба, обнесенная тыномъ. За тѣснотою невозможно было раздѣлить содержащихся подъ стражею по роду преступленій, и отъ того случалось, что молодой легкомысленный мальчикъ, бѣжавшій изъ шалости отъ господина, помѣщался на нарахъ возлѣ закоснѣлаго въ порокахъ вора или разбойника, и нечувствительно заражался правилами злодѣйства. Чистоты также не возможно было требовать при недостаткѣ помѣщенія. Караульные солдаты расположены были въ сѣняхъ, а по обѣимъ сторонамъ, въ двухъ избахъ содержались колодники какъ сельди въ бочкѣ. Мнѣ сдѣлалось дурно отъ духоты и отъ

сильнаго впечатлѣнія, произведеннаго видомъ звѣрскихъ лицъ. Я просилъ моихъ товарищей выйти скорѣе на свѣжій воздухъ. Вдругъ услышали мы въ чуланчикѣ пронзительные стоны и страшные вопли. Любопытство повлекло насъ туда, и ужасное зрѣлище представилось взорамъ моимъ. Въ темномъ углу, на соломѣ, лежалъ полуобнаженный человѣкъ, изсохшій какъ скелетъ, и скованный по ногамъ и по рукамъ. Лишь только свѣтъ проникъ въ его кануру, онъ приподнялся, присѣлъ и устремилъ на насъ ужасный взглядъ. Взоры наши встрѣтились, и я затрепеталъ всѣмъ тѣломъ, какъ отъ взгляда василиска. Черные волосы и борода у несчастнаго были всклочены, лице покрыто смертною блѣдностью, и глаза, налившіеся кровью отъ безсонницы и страданій, свѣтились какъ раскаленные уголья.

Помолчавъ немного, несчастный прикоснулся скованными руками сперва ко лбу, а послѣ къ сердцу, и сказалъ потихоньку: « огонь, огонь! » Потомъ, открывъ ротъ, прошепталъ: « воды! » Унтеръ-офицеръ подалъ ему деревянную кружку, и онъ напившись, толкнулъ его отъ себя, и громко воскликнулъ: « Прочь, прочь, кровь! кровь! » Вдругъ волосы его поднялись дыбомъ, лице скривилось отъ судорожныхъ движенiй, глаза сдѣлались неподвижными, пѣна появилась на устахъ; онъ заскрежеталъ зубами, быстро приподнялся и воскликнулъ: « Я Ножовъ — берите меня! « — « Ножовъ! » воскликнули мы въ одинъ голосъ съ Миловидинымъ. Это былъ злодѣй Ножовъ, котораго я не могъ сперва узнать въ такомъ положенiи; но когда онъ произнесъ свое имя, я тотчасъ припомнилъ его черты. Между тѣмъ

несчастный снова упалъ на солому, и завопилъ ужаснымъ голосомъ: «Не жгите меня, не жгите, а убейте однимъ ударомъ!» Ноги мои чуть не подкосились отъ ужаса; кровь приступила къ сердцу, и голова закружилась; но я стоялъ на мѣстѣ, ожидая, что Ножовъ прійдетъ въ себя изъ безпамятства, и скажетъ мнѣ имя Графини, моей непріятельницы. Преступникъ снова замолчалъ и закрылъ глаза; тогда Миловидинъ кликнулъ его по имени. Ножовъ открылъ глаза, и какъ будто прислушивался. «Ножовъ!» сказалъ Миловидинъ: «Выжигинъ прощаетъ тебя за все зло, которое ты ему сдѣлалъ.» Ножовъ опять присѣлъ на соломѣ, и, озираясь кругомъ, сказалъ: «Гдѣ Выжигинъ? Онъ умеръ въ степи. Я самъ бросилъ его въ яму! Графиня не велѣла убивать его»..... При сихъ словахъ Ножовъ

снова упалъ навзничь, закрылъ глаза и страшно захрипѣлъ. Я не могъ долѣе выдержать этого ужаснаго зрѣлища, и вышелъ изъ острога.

«Вы знаете этого злодѣя?» спросилъ Петръ Петровичъ. «По несчастію!» отвѣчалъ я. «Завтра я расскажу вамъ подробности моего съ нимъ знакомства; но теперь я такъ разстроенъ, что не могу собрать мыслей.» Петръ Петровичъ проводилъ насъ до дому. Я весь вечеръ не выходилъ изъ комнаты, и провелъ ночь безъ сна, мучась нетерпѣніемъ узнать отъ Ножова тайну моего преслѣдованія. Поутру, я послалъ въ острогъ узнать о здоровьѣ несчастнаго, но мнѣ сказали, что онъ испустилъ духъ въ ужасныхъ мученіяхъ, вскорѣ послѣ нашего ухода.

Петръ Петровичъ, которому я расказалъ часть моихъ приключеній, и который зналъ по наслышкѣ Во-

роватина, совѣтовалъ мнѣ быть весьма осторожнымъ, при открываніи тайны, чтобъ не попасть въ большую бѣду. «Судебнымъ порядкомъ вы ничего не выиграете съ Вороватинымъ,» сказалъ онъ: «потому, что у васъ нѣтъ свидѣтелей; Вороватинъ можетъ сказать, что Киргизы взяли васъ въ плѣнъ силою. Къ тому жъ, если вы замѣшаете въ ваше дѣло какую нибудь знатную фамилію, то не оберетесь отъ хлопотъ. Лучше всего старайтесь поразвѣдать стороною, и если только узнаете имя своей гонительницы, то тайна откроется сама собою. Вы видѣли изъ примѣра Ножова, что дерзость порока и закоснѣлость въ злодѣяніи кончится на одрѣ болѣзни, и въ ту минуту, когда для добродѣтельнаго страдальца сіяетъ въ полномъ блескѣ надежда на лучшую жизнь, и услаждаетъ

его послѣднія минуты, для злодѣя вмѣстѣ съ гробомъ предстоятъ угрызенія совѣсти, ужаснѣйшія самыхъ адскихъ мукъ. Вороватинъ, при первой тяжкой болѣзни или при первой опасности окажетъ, столько же малодушія, какъ и всѣ злодѣи, и откроетъ вамъ истину. Закоснѣлому пороку есть конецъ — твердость свойственна одной добродѣтели!»

ГЛАВА II.

Помѣщикъ, какихъ дай Богъ болѣе на Руси. Каковъ попъ, таковъ и приходъ.

Поведеніемъ нашимъ и предстательствомъ добраго Петра Петровича, мы снискали благорасположеніе Капитанъ-Исправника, который иногда заходилъ къ намъ, приглашалъ къ себѣ на чай, и позволялъ отлучаться за городъ. Однажды, когда мы были у него съ Петромъ Петровичемъ, рѣчь зашла о трудности, съ которою Земская Полиція можетъ соблюдать порядокъ на обширномъ пространствѣ, въ странѣ малонаселенной, пересѣкаемой непроходимыми болотами и лѣсами. «Прошу поймать бѣглаго,» сказалъ Капитанъ - Исправникъ: «если помѣщикъ и поселяне

захотятъ скрыть его! Надобно нѣсколько тысячъ войска, для поимки одного человѣка, въ лѣсу, простирающемся верстъ на полтораста!»—«Вообще на помѣщикахъ лежитъ большая отвѣтственность предъ Богомъ, Государемъ и отечествомъ за все, что дѣлается въ ихъ помѣстьяхъ,» сказалъ Петръ Петровичъ. «Отъ помѣщика зависитъ все счастье его поселянъ, ихъ нравственность, просвѣщеніе и благосостояніе, а слѣдовательно отъ помѣстнаго дворянства въ совокупности зависитъ нравственность, просвѣщеніе и благосостояніе цѣлой Россіи. Правительство ничего не щадитъ, чтобъ открывать дворянству всѣ пути къ просвѣщенію и къ благосостоянію. Ни одинъ чадолюбивый отецъ не печется столько о воспитаніи и счастьѣ своего любимаго сына, какъ Русскіе Государи пекут-

ся о Русскомъ дворянствѣ. Но неужели Русское дворянство должно уподобляться тому человѣку въ притчѣ Евангельской, который зарылъ въ землю талантъ, полученный имъ отъ господина для умноженія его богатства? Дворянинъ, получая, долженъ дѣлиться, долженъ водворять въ народѣ привязанность къ престолу, любовь къ отечеству, и своимъ примѣромъ побуждать къ нравственности.» — «Справедливо,» сказалъ Капитанъ-Исправникъ: «а въ противномъ случаѣ, дворянинъ похожъ, будетъ на ту безплодную смоковницу, о которой упоминается въ Евангеліи отъ Луки, въ главѣ XIII. Дворянинъ, какъ избранный сынъ чадолюбиваго отца, долженъ быть всю жизнь на службѣ, для исполненія воли и благихъ намѣреній общаго отца Россіи. Дворянинъ, проживая въ своихъ помѣстьяхъ, долженъ почи-

тать себя въ столь же дѣйствительной службѣ, какъ если бъ онъ засѣдалъ въ Совѣтѣ Государевомъ или предводительствовалъ войскомъ. Дворянинъ есть первый Полиціймейстеръ въ своемъ помѣстьѣ, сборщикъ государственныхъ податей, надсмотрщикъ за исполненіемъ земскихъ повинностей, мирный судья между своими крестьянами, попечитель объ ихъ здоровьѣ, охранитель ихъ имущества, надзиратель приходскаго училища.» — «Прекрасно, прекрасно, Петръ Петровичъ!» воскликнулъ Капитанъ-Исправникъ, и бросился обнимать Виртутина, примолвивъ: «точно такъ! Земская Полиція была бы тогда тѣмъ, чѣмъ она быть должна, властью исполнительною, которая по востребованіи помѣщика водворяла бы порядокъ и благочиніе силою закона тамъ, гдѣ бы не дѣйствовала сила убѣжденія!» — «Такъ и будетъ со

временемъ,» сказалъ Петръ Петровичъ: «когда созрѣютъ плоды просвѣщенія безпрерывно насаждаемые мудрыми нашими Монархами; когда мы будемъ имѣть достаточное число отличныхъ Русскихъ учителей для образованія нашего юношества въ Русскихъ нравахъ, а не на Англійскій или Французскій манеръ.» — «Ужъ мнѣ эти Русскіе чужеземцы сидятъ костью въ горлѣ!» сказалъ Капитанъ-Исправникъ. «Я болѣе уважаю Французскаго кучера или повара, нежели Русскаго Князька, подражающаго Лордамъ и Маркизамъ въ ихъ причудахъ и странностяхъ. Недавно поселился у насъ въ уѣздѣ, въ своихъ помѣстьяхъ, молодой вертопрахъ, который почелъ себя обиженнымъ по службѣ отъ того, что начальникъ сказалъ ему, что онъ не можетъ занимать значительнаго мѣста и получать наградъ, потому,

что не умѣетъ написать трехъ строкъ съ Логикою и Грамматикою. Князь Слабоголовинъ, прочитавъ нѣсколько книжонокъ Французскихъ о Политикѣ, при помощи своего гувернера, и подписываясь на нѣсколько Англійскихъ газетъ, вообразилъ себѣ, что онъ самъ великій Политикъ, и рожденъ быть законодателемъ своего отечества. Вмѣстѣ съ парами Шампанскаго, онъ вбивалъ въ голову своихъ незрѣлыхъ товарищей правила филантропіи и мудрость Философическаго Словаря Вольтерова, и прослылъ либераломъ, ораторомъ, защитникомъ человѣчества. Когда же онъ, споткнувшись на пути честолюбія, пріѣхалъ въ свою деревню, то — знаете ли чѣмъ кончилась его Философія?» — «Безъ сомнѣнія, онъ началъ учреждать сельскія школы, радѣть о благѣ своихъ крестьянъ,» возразилъ Миловидинъ. «Не путь-

то было!» воскликнулъ Капитанъ-Исправникъ, громко засмѣявшись, «Правительство, пекущееся на дѣлѣ, а не на словахъ, о благѣ подданныхъ, принуждено было взять въ опеку имѣніе краснорѣчиваго оратора человѣчества, за жестокое обхожденіе съ крестьянами и разорительное управленіе имѣньемъ. Послушайте всѣхъ этихъ крикуновъ за вкуснымъ обѣдомъ, или на вечерѣ, въ толпѣ молодыхъ людей: они вопіютъ о благѣ человѣчества, о законахъ; а дома у себя и въ каждомъ мѣстѣ, подчиненномъ ихъ начальству, хотятъ быть самовластными Пашами. Истинный другъ человѣчества не кричитъ, не вопіетъ противъ законовъ и учрежденнаго порядка, но, сообразуясь съ оными, дѣлаетъ столько добра, сколько можетъ: а добра всегда и вездѣ можно много сдѣлать, была бы охота! У насъ же, еще мно-

го можно и должно сдѣлать добра на практикѣ, прежде, чѣмъ придется подумать о теоріяхъ. Знаете ли что, Петръ Петровичъ! Свозите этихъ господъ къ пріятелю нашему, Александру Александровичу Россіянинову. Вы увидите, какіе у насъ люди скрываются въ захолустьѣ. Я вамъ дамъ своихъ лошадей. Прогуляйтесь, господа; вы засидѣлись въ нашемъ городишкѣ!»

На другой день, утромъ, мы отправились въ гости къ Г. Россіянинову, жившему въ своей деревнѣ, въ 25 верстахъ отъ города. Проѣхавъ верстъ 15, мы замѣтили удивительное различіе въ обработкѣ полей. Вездѣ на низкихъ мѣстахъ выкопаны были каналы, для стеканія излишней воды съ пашней. Поля были порядочно размежеваны и унавожены; луга очищены отъ кочекъ и безполезныхъ кустарниковъ. На берегу

* *

крутаго ручья, на пастбищѣ сдѣлань быль, мощеный камнемъ, спускъ для поенія стадъ, чтобъ скотина не вязла въ грязи, и не засыпала землею источника. Дорога по обѣимъ сторонамъ усажена была деревьями; мостики были въ исправности, и топкія мѣста устланы фашинами. «Примѣчаете ли,» сказалъ Петръ Петровичъ: «что мы въѣхали во владѣнія порядочнаго человѣка?» Пріѣхавъ въ деревню, Миловидинъ всплеснулъ руками отъ удивленія, и воскликнулъ: «вотъ какова можетъ и должна быть цѣлая Россія!» Деревянныя прочныя избы выстроены были въ одинъ рядъ, по обѣимъ сторонамъ дороги. Окна обложены были рѣзными украшеніями, дворы всѣ загорожены высокими заборами, съ красивыми воротами съ навѣсомъ. Домы построены были на нѣкоторое разстояніе одинъ отъ другаго,

изъ предосторожности отъ пожара. Между домами находились садики съ плодовыми деревьями. Позади крестьянскихъ дворовъ были овощные огороды, а за ними гумны. Въ концѣ деревни возвышалась прекрасная каменная церковь, осѣненная высокими липами. Домъ Священника отличался чистотою и красивою наружностью. Возлѣ церкви находилось нѣсколько красивыхъ домиковъ, для общественной пользы: Въ одномъ изъ нихъ была учреждена госпиталь и аптека; въ другомъ богадѣльня для безродныхъ, хворыхъ и престарѣлыхъ; въ третьемъ запасный сельскій магазинъ и лавка съ товарами, необходимыми въ крестьянскомъ быту, и съ первыми потребностями жизни; въ четвертомъ сельское училище и Словесный Судъ. Въ концѣ деревни была кузница, а по срединѣ большой колодезь. Поселяне обоего

пола имѣли здоровый видъ, и молодыя женщины отличались красотою, ибо наружная красота бываетъ слѣдствіемъ довольства. Мы не встрѣчали на улицѣ ни грязныхъ дѣтей, ни оборванныхъ бабъ, ни пьяныхъ мужиковъ. Крестьянскія лошади и скотъ были отличной породы, упряжь и земледѣльческія орудія въ исправности. Мы вошли въ одинъ крестьянскій домъ, чтобъ увидѣть домашнее устройство. Домъ былъ съ подваломъ, и раздѣлялся на двѣ половины: свѣтлую и курную. Въ первой, состоящей изъ трехъ перегородокъ, помѣщалось семейство Козлина; а во второй пекли хлѣбъ, варили кушанье и пойло для скота, просушивали мокрую одежду, возвращаясь съ работы въ ненастную погоду, и т. п. « Я знаю нѣкоторыхъ помѣщиковъ, » сказалъ Миловидинъ: « которые, прельстясь иноземною,

вздумали строить для Русскихъ мужиковъ Нѣмецкіе домы, и требовать отъ нихъ такой же чистоты, какъ въ Германіи. Это невозможное у насъ дѣло, и не только не составляетъ счастія поселянина, но стѣсняетъ его въ жизни. Нашъ климатъ и мѣстныя обстоятельства требуютъ другой постройки домовъ, чѣмъ въ Германіи и Англіи. Каменныхъ обширныхъ домовъ для поселянъ у насъ строить не возможно; потому, что не вездѣ есть матеріялъ для этого, что содержаніе дома стоитъ дорого, и что у насъ поселяне не живутъ большими семействами, а потому и не имѣютъ нужды во множествѣ комнатъ, которыя должно отапливать, въ большей части Россіи, 8 мѣсяцевъ въ году. Безъ курной избы также трудно обойтиться Русскому крестьянину въ нашемъ сыромъ и холодномъ

климатѣ, въ сѣверныхъ губерніяхъ; безъ этого онъ не будетъ имѣть мѣста, гдѣ обсушиться. Желаніе добра часто не приноситъ пользы, если выполнено безъ познанія мѣстностей. Но этотъ Г. Россіяниновъ, видно, мастеръ своего дѣла.» Въ сѣняхъ мы увидѣли лапти. «Вотъ это отзывается еще варварствомъ,» сказалъ Миловидинъ. Петръ Петровичъ разсмотрѣлъ прилежнѣе эту обувь, и сказалъ: «Это не лапти, а шмоны (*), то есть, обувь изъ пеньки. Употребленіе лаптей невыгодно по тому болѣе, что этимъ истребляется много лѣса.» — «Когда ваши мужики носятъ шмоны?« спросилъ онъ у крестьянина: « я вижу, что на улицѣ они всѣ въ сапогахъ.» — « На рыбной ловлѣ, родимой, въ мокрое время на лугахъ, да въ лѣсной работѣ:

(*) Областное выраженіе, которое не находится въ Словаряхъ.

вѣдь сапоговъ-то не наносишься; да и ноги-то не убережешь въ сапогѣ такъ, какъ въ смоленомъ веревочномъ лаптѣ.» Видите ли, что они употребляютъ эту обувь только при работѣ, и она гораздо удобнѣе деревянныхъ башмаковъ Французскихъ и Нѣмецкихъ поселянъ. Если крестьянинъ, будучи въ довольствѣ, не отказался отъ этой обуви, то это знакъ, что она ему полезна и удобна.»

Вокругъ крестьянскаго двора былъ навѣсъ, гдѣ стояли телѣги, сани, сохи и бороны, и гдѣ ставили лошадей на время. Въ концѣ двора были хлѣва и конюшня, а за домомъ баня. Я спросилъ у хозяйки, чѣмъ они зимою освѣщаютъ избу. «Сосѣди наши,» отвѣчала она: «крестьяне другихъ помѣщиковъ, жгутъ лучину, батюшка, а мы освѣщаемъ избу ночникомъ съ конопляным маслом. Вѣдь конопляннаго-то ма-

сла не покупать-стать, родимой; а у насъ всякая баба сама дѣлаетъ масло изъ сѣмени.» — «Есть ли у васъ питейный домъ въ селѣ?» спросилъ Миловидинъ. — «Избави Богъ отъ этого, отцы родные!» — отвѣчала поселянка. — «Въ старые годы, при старомъ господинѣ, былъ здѣсь питейный домъ: такъ мужики только и знали, что пировали въ праздничные дни, да опохмѣлялись въ будни. А нынѣ, слава Богу, вывелось это. И Священникъ-то нашъ, дай ему Господь здоровья, толкуетъ намъ въ церкви, что великій грѣхъ упиваться виномъ, и подлѣкарь нашъ говоритъ, что съ виномъ жить не долго, и господинъ нашъ запрещаетъ пить, и не любитъ пьяницъ; такъ пьянство-то и вывелось, а за этимъ и копѣйка не такъ скоро катится изъ дому. Иное дѣло Свѣтлый праздникъ, или свадьба, или крестины,

тогда варитъ пиво, а вино самъ баринъ отпускаетъ со двора. Въ осеннюю работу или зимой, баринъ также велитъ рабочимъ людямъ пить по чаркѣ вина, но только въ мѣру. Дай Богъ ему здоровья — отецъ родной, а не господинъ!»

Верстахъ въ пяти отъ деревни, на возвышенномъ берегу рѣки, стоялъ господскій домъ, деревянный на каменномъ фундаментѣ, выкрашенный зеленою краской, съ красною кровлей. Позади дома, къ рѣкѣ, простирался обширный садъ. Вокругъ двора расположены были хозяйственныя заведенія. Соразмѣрность частей составляла все достоинство Архитектуры, чистота и прочность — все наружное украшеніе зданій. На крыльцѣ встрѣтилъ насъ служитель, одѣтый чисто, хотя весьма просто. Онъ сказалъ намъ, что самъ хозяинъ поѣхалъ въ поле,

а хозяйка присутствуетъ при уроках своихъ дочерей. Въ комнатѣ встрѣтилъ насъ старшій сынъ хозяина, юноша лѣтъ шестнадцати, и просилъ насъ подождать терпѣливо, пока мать его кончитъ свое занятіе. Высокій ростъ юноши, румяныя его щеки и ловкость показывали, что объ его физическомъ воспитаніи имѣли столько же раченія, какъ и о нравственномъ. Петръ Петровичъ, который былъ коротко знакомъ въ домѣ, предложилъ намъ осмотрѣть комнаты и садъ. Сынъ хозяйскій, Алеша, взялся быть нашимъ путеводителемъ. Прошедъ чрезъ три гостиныя комнаты и залу, которыхъ все убранство составляла необыкновенная чистота, мы вошли въ кабинетъ Г. Россіянинова. Это была обширная комната, вокругъ которой стояли огромные шкафы съ книгами на Латинскомъ, Греческомъ,

Французскомъ, Нѣмецкомъ, Англійскомъ, Италіянскомъ и Рускомъ языкахъ. Посреди комнаты находились три стола; на одномъ лежали новые Журналы и Газеты, на другомъ бумаги, на третьемъ новополучаемыя книги. Въ другой комнатѣ, прилегающей къ кабинету, находились, въ шкафахъ же, физическіе инструменты, химическіе апараты, модели разныхъ машинъ; на столахъ стояли глобусы; на одной стѣнѣ развѣшены были географическія карты. Небольшой шкафикъ вмѣщалъ въ себѣ минералогическое собраніе. «Здѣсь пахнетъ Европою!» сказалъ Миловидинъ. Изъ этой комнаты мы вошли въ садъ. Въ немъ не было ни искуственныхъ прудовъ, заражающихъ воздухъ вредными испареніями, ни дорогихъ мостиковъ на сушѣ, ни причудливыхъ бесѣдокъ варварской архитектуры, ни новыхъ раз-

валинъ. Садъ наполненъ былъ плодовыми деревьями и разными ягодами, посаженными съ необыкновеннымъ искусствомъ. Орѣховыя и липовыя рощицы доставляли пріятное убѣжище въ жаркіе дни, а большая аллея вокругъ сада, осѣненная высокими деревьями, служила для прогулки. Въ куртинахъ устроены были качели и разныя игры для дѣтей. Въ концѣ сада, на полуденной сторонѣ, находилась оранжерея, не большая, но прекрасно устроенная. «Это ужъ роскошь!» сказалъ Миловидинъ. «Роскошь, не только извинительная, но даже полезная,» отвѣчалъ Петръ Петровичъ. «Можетъ ли быть что пріятнѣе для сѣвернаго жителя, какъ лелѣянье нѣжныхъ произведеній благословенныхъ климатовъ? Самое воззрѣніе на разнообразіе, богатство и щедрость природы возвышаетъ душу, и сбли-

жаетъ человѣка съ Творцемъ. Среди этихъ растеній различныхъ странъ, мысль летаетъ по Земному шару. Скажу болѣе: зачѣмъ лишать себя удовольствія, отвѣдать иногда нѣжныхъ плодовъ, въ которыхъ намъ отказала сѣверная Природа? Это не есть удовлетвореніе постыднаго обжорства, но успокоеніе позволительнаго любопытства. Впрочемъ, мнѣ кажется, что гораздо лучше заниматься воспитываніемъ растеній, нежели держать въ неволѣ множество животныхъ, и травить слабыхъ звѣрей.» Вдругъ послышался голосъ позади насъ. Мы увидѣли человѣка, съ веселымъ и здоровымъ лицемъ, въ сафьяномъ картузѣ и зеленомъ бараканововъ сертукѣ, который поспѣшалъ къ намъ. Это былъ самъ хозяинъ. «Здравствуй, другъ!» сказалъ онъ простирая руку къ Петру Петровичу, который представилъ насъ

хозяину, и въ краткихъ словахъ расказалъ наши похожденія. «Я уже слыхалъ отчасти,» примолвилъ хозяинъ. «Здѣсь по неволѣ услышишь то, чего бы и не хотѣлъ слушать. Словесныя Газеты у насъ въ лучшемъ обращеніи, нежели печатныя. Если кто хочетъ знать истину, тотъ долженъ вѣрить только сотой части провинціяльныхъ вѣстей. Мнѣ расказали, что двое Русскихъ дворянъ прибыли чрезъ Киргизскую степь изъ Индіи, гдѣ одинъ былъ Владѣтельнымъ Княземъ, а другой его Министромъ, и что они привезли съ собою цѣлыя бочки червонцевъ и цѣлые возы шалей. Я увѣренъ, что если эта вѣсть долетитъ до другой губерніи, то одного изъ васъ произведутъ въ Великіе Моголы, а другаго въ страшные завоеватели; сокровища ваши умножатся до милліоновъ червонцевъ, и бочки напол-

нятся брилліантами. Но милости просимъ въ комнаты. Пора обѣдать.»

Въ комнатахъ любезный хозяинъ представилъ насъ своей женѣ и двумъ дочерямъ, изъ коихъ старшей было четырнадцать, а меньшей двѣнадцать лѣтъ отъ рожденія. Меньшой сынъ былъ лѣтъ десяти. Къ удивленію нашему, хозяйка заговорила съ нами по-Русски, и вовсе не была разряжена въ деревнѣ, какъ на куртагѣ, хотя принимала въ домѣ своемъ, въ первый разъ, гостей, которые прослыли милліонщиками. Хозяинъ представилъ намъ также учителей дѣтей своихъ, Француза Мосье Энстрюи и Нѣмца Г. Гутмана, которыхъ онъ назвалъ своими друзьями. Мнѣ показалось страннымъ, что Г. Россіяниновъ, котораго Петръ Петровичъ описалъ мнѣ необыкновеннымъ патріотомъ и врагомъ иноземнаго воспитанія, держитъ у себя чужеземцевъ, для

образованія своихъ дѣтей. Петръ Петровичъ примѣтилъ мое удивленіе изъ косыхъ взглядовъ, которые я бросалъ на чужеземцевъ, и сообщилъ мое наблюденіе хозяину. Г. Россіяниновъ вывелъ меня и Миловидина въ другую комнату, и сказалъ: « Не удивляйтесь, господа, что я употребляю иноземцевъ при воспитаніи своихъ дѣтей. Повѣрять юношей безусловно на руки иноземцевъ, есть величайшая глупость наша, отъ которой произошло все зло для Русскаго дворянства; отъ сего оно сдѣлалось почти чужеземною колоніею въ Россіи, не зная почти языка отечественнаго, ни обычаевъ, ни Исторіи, пріучившись отъ дѣтства любить все Французское и Англійское, и презирать все Русское. Но употреблять иноземцевъ подъ надзоромъ родителей, можно и должно, избирая для этого

людей почтенныхъ нравственнымъ своимъ характеромъ и образованіемъ, а не искателей приключеній, не шарлатановъ. Безъ познанія чужеземныхъ языковъ, человѣкъ никогда не можетъ образоваться, какъ прилично Европейцу. Другіе народы опередили насъ въ просвѣщеніи, и имѣютъ болѣе средствъ подвигаться безпрестанно впередъ, на поприщѣ Наукъ. Переводить все, что появляется важнаго и любопытнаго въ чужихъ краяхъ, невозможно. Выдумывать самимъ то, что давно уже открыто и обдумано, было бы смѣшно, и такъ надобно пріобрѣсть легчайшее средство, однимъ взглядомъ обнимать обширное царство просвѣщенія, и это средство есть познаніе чужеземныхъ языковъ. Зная многіе языки, вы дѣлаетесь гражданиномъ міра: согласитесь, что прежде надобно быть *человѣкомъ*, а по-

томъ уже Русскимъ или Французомъ. Я люблю Россію болѣе моей жизни; желаю ей блага болѣе, нежели собственнымъ своимъ дѣтямъ, и готовъ принесть ей въ жертву жизнь мою и дѣтей моихъ, имѣнье и всѣ блага жизни, но изъ этого не слѣдуетъ, что я долженъ не любить иностранцевъ, и не пользоваться произведеніями ихъ ума и промышлености. Это было бы варварство, достойное Турокъ, Китайцевъ и Алжирцевъ. Первые предметы при воспитаніи моихъ дѣтей суть познаніе отечественнаго языка, Исторіи и Статистики Россіи, и первое и главное мое стараніе состоитъ въ томъ, чтобъ вперить въ дѣтей моихъ безпредѣльную привязанность ко всему отечественному. Этимъ занимаюсь я самъ. При всемъ этомъ я не скрываю предъ ними, чего намъ не достаетъ еще къ достиженію той

степени образованности, на которой находятся другіе народы, а напротивъ того возбуждаю желаніе стремиться къ возвышенію отечества распространеніемъ въ ономъ всего добраго и полезнаго. Теперь домашнее воспитаніе моего старшаго сына кончено, и я будущею зимою отправляю его въ Университетъ.» Насъ позвали къ столу, и Г. Россіяниновъ прекратилъ свое объясненіе.

Обѣдъ состоялъ изъ четырехъ блюдъ, приготовленныхъ со вкусомъ и изобиліемъ. Вина не лились чрезъ край, какъ говорится; но послѣ каждаго блюда всѣмъ собесѣдникамъ (исключая дѣтей и дамъ) наливаемо было по большой рюмкѣ отличнаго вина. Кромѣ того, на столѣ стояли графины съ водою, легкимъ пивомъ, квасомъ, яблочникомъ и вкуснымъ питьемъ изъ разныхъ ягодъ,

которое искрѣло и пѣнилось въ рюмкѣ какъ Шампанское, и показалось мнѣ гораздо вкуснѣе вина. Для десерта подали прекрасные, спѣлые плоды. Кромѣ семейства Г. Россіянинова, двухъ учителей и насъ, за столомъ было двое отставныхъ за ранами, пожилыхъ офицеровъ, двѣ старушки, дальнія родственницы хозяйки и приходскій Священникъ. Я съ удовольствіемъ замѣтилъ, что всѣмъ гостямъ и домашнимъ, безъ исключенія, подносили одни блюда, и всѣхъ подчивали однимъ виномъ. Это не всегда дѣлаютъ господа, дающіе за своимъ столомъ мѣсто бѣднымъ людямъ. Г. и Г-жа Россіяниновы, напротивъ того, обходились съ необыкновенною вѣжливостью съ ними, и хозяинъ не изощрялъ своего остроумія на счетъ бѣдныхъ людей, которымъ онъ предложилъ гостепріимство.

За столомъ разговоръ былъ общій. Послѣ обѣда мы всѣ вышли въ садъ, и въ ожиданіи кофе помѣстились подъ тѣнью густыхъ липъ. Вдругъ у Миловидина навернулись слезы на глазахъ. Всѣ обратили на него вниманіе, съ участіемъ, и хозяева пришли въ безпокойство. «Вамъ грустно?» сказала хозяйка. — «Нѣтъ, сударыня, это слезы умиленія, а не грусти. Я восхищаюсь семейнымъ вашимъ счастьемъ, благополучіемъ вашихъ крестьянъ, порядкомъ, устройствомъ вашего имѣнья, и радуюсь, что вы Русскіе!» Хозяинъ пожалъ руку Миловидина и, примолвилъ: «Ваша правда: мы, или по крайней мѣрѣ *я*, счастливъ моимъ семействомъ!» Г-жа Россіянинова, вмѣсто отвѣта, съ нѣжностью поцѣловала своего мужа, дѣти бросились ему на шею, восклицая: «Папенька, ты составляешь все наше

счастье, всю нашу радость!» Одинъ изъ отставныхъ офицеровъ пожалъ руку Г. Россіянинова, другой возвелъ взоры на небо, и перекрестился; воспитанницы бросились цѣловать руки почтенныхъ супруговъ. Старый служитель, принесшій кофе, прослезился въ молчаніи. Г. Россіяниновъ былъ тронутъ до глубины сердца. «Вы видите теперь, счастливъ ли, я!» воскликнулъ онъ. «Можетъ ли быть блаженство выше, какъ быть любимымъ добрыми существами? Не думайте однако жъ, чтобы счастье стоило мнѣ большихъ трудовъ. Нѣтъ, это милость Провидѣнія, за которую я не престаю благодарить Его. Я старался только по возможности исполнять мои обязанности, — ничего болѣе. Если вы любопытствуете, я въ краткихъ словахъ раскажу вамъ мою исторію:

« Отецъ мой служилъ въ морской службѣ, женился по любви, и не имѣлъ никакихъ способовъ къ содержанію своего семейства, кромѣ своего жалованья. Онъ дослужился до Генеральскаго чина въ семъ положеніи дѣлъ, и потому не могъ дать мнѣ и двумъ моимъ сестрамъ блистательнаго воспитанія. Храбростью своею онъ пріобрѣлъ богатство, взявъ нѣсколько богатыхъ призовъ въ Турецкую войну. Разстроенное его здоровье не позволяло ему служить долѣе: онъ вышелъ въ отставку, купилъ это имѣнье, состоящее въ 500 душахъ, и поселился въ деревнѣ. Сестры мои вышли за-мужъ, какъ скоро родители въ состояніи были дать имъ хорошее приданое. Я опредѣлился въ Гвардію, но имѣлъ несчастіе ушибиться, упавъ съ лошади, и долженъ былъ, по совѣту врачей, выйдти въ отставку. Мнѣ

тогда было не болѣе 19 лѣтъ отъ роду. Мнѣ совѣтовали прожить нѣсколько лѣтъ въ тепломъ климатѣ, для укрѣпленія силъ и пользованія минеральными водами. Я употребилъ это время на образованіе себя, и слушалъ курсы въ Болонскомъ Университетѣ, а потомъ довершилъ свое перевоспитаніе въ Парижѣ. Возвратясь въ отечество съ возстановленнымъ здоровьемъ и новыми познаніями, я хотѣлъ быть полезнымъ отечеству службою гражданскою. Въ это время я имѣлъ несчастіе лишиться моихъ родителей, и остался одинокъ въ свѣтѣ. Прослуживъ нѣсколько лѣтъ въ незначащей должности, и видя, что ни старанія мои, ни усердіе и, смѣю сказать, ни способности и познанія высшія, нежели познанія моихъ товарищей, не могли выдвинуть меня изъ толпы, я сталъ охладѣвать въ

моей ревности къ общей пользѣ. Одинъ старый прiятель моего отца, которому я жаловался на мое положенiе, вывелъ меня изъ заблужденiя, и указалъ истинный путь къ счастью. « Любезный другъ! » сказалъ онъ мнѣ однажды: « ты не имѣешь никакихъ родственныхъ связей, не принадлежишь къ числу тѣхъ счастливцевъ, которыхъ все достоинство состоитъ въ имени, слѣдовательно ты вѣчно будешь осужденъ вывозить на своихъ плечахъ, изъ канцелярской грязи подъ гору фортуны, чужую неспособность, для увѣнчанiя ея твоими заслугами. Надобно дождаться необыкновеннаго случая, одного изъ тѣхъ чудесъ, которое записывается въ календаряхъ, чтобъ лучи солнца проникли сквозь густую атмосферу *племянничества* (népotisme), и озарили тебя, безроднаго дворянина. Бываютъ примѣ-

ры, не спорю, но на это надобно желѣзное терпѣніе, а у тебя его нѣтъ. Чего ты ищешь? Быть полезнымъ Государю и отечеству; не правда ли? Средство у тебя въ рукахъ. Ты имѣешь 500 душъ крестьянъ. Посвяти себя ихъ счастью. Вѣрь мнѣ, что тебѣ долго ждать, чтобъ достигнуть до такого мѣста, гдѣ бъ счастье 500 душъ мужескаго и вѣроятно столькихъ же женскаго пола, зависѣло отъ твоей воли. Ты хорошо учился, много читалъ, путешествовалъ, слѣдовательно имѣешь много способовъ устроить твое хозяйство, сдѣлать благополучными твоихъ крестьянъ, и, что болѣе, быть примѣромъ для другихъ. Хозяйство есть вещь нетрудная, и твой староста, при познаніи мѣстныхъ обстоятельствъ, будетъ тебѣ полезнѣе, нежели два курса Агрономіи. Главное дѣло, раз-

мѣрять расходъ съ приходомъ, и все излишнее, остающееся отъ необходимаго, употреблять на улучшеніе имѣнія и благосостоянія крестьянъ. Ограничь нужды твои, отбрось прихоти, и ты будешь имѣть излишнее; употреби излишнее на полезное, и оно принесетъ тебѣ довольство, спокойствіе и счастье!»

«Подобно слѣпому отъ рожденія, который, прозрѣвъ послѣ счастливой операціи, восхищается и удивляется видомъ предметовъ, о которыхъ онъ имѣлъ превратное понятіе, я прозрѣлъ умомъ отъ словъ истиннаго моего друга. Вотъ дочь его!» примолвилъ Г. Россіяниновъ, указывая на жену свою. «Я женился, вышелъ въ отставку, и поселился въ деревнѣ. Отецъ мой, будучи старъ и хворъ, въ то время, когда удалился въ деревню, не могъ самъ заниматься хозяйствомъ, и оставилъ мнѣ

имѣнье въ такомъ видѣ, какъ купилъ. Поля были не удобрены, крестьяне въ бѣдности и въ полудикомъ состояніи, въ отношеніи къ нравственности. Въ 20 лѣтъ, при помощи Божьей и при усердныхъ нашихъ съ женою трудахъ, мы успѣли довести имѣнье до такого состоянія, въ какомъ вы его видите. Я не имѣлъ капиталовъ, и усовершалъ имѣнье изъ однихъ доходовъ, постепенно, поспѣшая безъ торопливости, занимаясь сперва существеннымъ. Богъ благословилъ мои начинанія. Нынѣ, всѣ молодые люди въ моемъ имѣньѣ знаютъ грамоту, и постигаютъ свои обязанности въ отношеніи къ Богу, къ Государю, къ помѣщику и къ своимъ равнымъ. Безъ грамоты, господа, не возможно посѣять ни нравственности въ народѣ, ниже возбудить понятія объ его обязанностяхъ къ

властямъ, для собственнаго же его блага. Людей нельзя обучать по слуху и по привычкѣ, какъ дресирують пуделей. Надобно, чтобъ человѣкъ могъ *читать:* тогда только онъ будетъ *помнить;* и кромѣ того, время употребленное на чтеніе, не есть потерянное, ибо бо̀льшая часть людей только отъ праздности предается разврату. Добрые мои крестьяне вскорѣ постигли, что я желаю имъ добра, и усердно принялись помогать мнѣ. Въ этомъ я обязанъ также и почтенному нашему Священнику, который, при всей своей бѣдности, велъ себя такимъ образомъ, что крестьяне не могли не уважать его. Онъ не участвовалъ въ ихъ пиршествахъ и забавахъ, но посѣщалъ ихъ только для поданія духовной помощи, для совѣта, увѣщанія или исполненія церковнаго обряда. Почтенный па-

стырь въ потѣ чела снискивалъ свое пропитаніе, обработывая небольшой участокъ земли; но, кромѣ положеннаго по закону, никогда не бралъ ничего отъ поселянъ. Онъ мирилъ ссоры, самъ никогда не подавая повода къ неудовольствію, и пресѣкалъ своимъ присутствіемъ всѣ непристойныя шутки, а не возбуждалъ ихъ. Однимъ словомъ отецъ Симеонъ былъ и есть таковъ, какимъ быть должно сельскому Священнику: кротокъ, воздерженъ, человѣколюбивъ и важенъ въ обхожденіи. Вы видѣли его за столомъ, господа. Теперь состояніе его улучшилось, вмѣстѣ съ состояніемъ всѣхъ насъ. Я полагаю первымъ долгомъ помѣщика, привести Священника въ такое состояніе, чтобъ онъ могъ жить, не заимствуясь ничѣмъ отъ крестьянъ; тогда только онъ будетъ ува-

женъ прихожанами, и можетъ дѣйствовать на ихъ нравственность.

«Слѣдуя совѣту моего тестя, я началъ хозяйничать не на Англійскій или Нѣмецкій манеръ, но сообразуясь съ климатомъ нашимъ, съ почвою земли и обычаями. Всѣ нововведенія не иначе приведены были мною въ исполненіе, какъ послѣ многихъ опытовъ. Наконецъ, всѣ мы обстроились, удобрили свои поля, и теперь только остается намъ поддерживать то, что мы сдѣлали.»

Мы провели время самымъ пріятнымъ образомъ въ обществѣ добраго Г. Россіянинова и его семейства, и при закатѣ солнца отправились въ городъ, хотя хозяева старались удержать насъ. Я торопился въ городъ, ибо завтрашній день былъ почтовый, и я съ нетерпѣніемъ ожидалъ писемъ изъ Москвы. Мы обѣщались въ другой разъ пріѣхать на нѣсколь-

ко дней къ почтенному Александру Александровичу, и отправились съ грустью въ сердцѣ, какъ будто изъ родительскаго дома. Когда мы выѣхали за ворота, Миловидинъ перекрестился и, возведя взоры къ небу, произнесъ: «Господи, благослови Россію, и дай ей побольше такихъ помѣщиковъ!»

ГЛАВА V.

Удалой помѣщикъ Сила Миничъ Глаздуринъ.

Мы поѣхали другою дорогой, чтобъ сократить путь. Выѣхавъ изъ помѣстья Г. Россіянинова, и приближаясь къ рощѣ, мы услышали охотничьи рога, лай собакъ и клики охотниковъ. Вдругъ изъ опушки лѣса выскочила лисица, и помчалась чрезъ пашню, засѣянную хлѣбомъ. Вскорѣ за нею показалось нѣсколько борзыхъ собакъ и съ дюжину всадниковъ. Одинъ изъ нихъ скакалъ стремглавъ впереди безъ шапки, съ развѣвающимися волосами, въ длинныхъ усахъ, кричалъ какъ изступленный: *ату ево! ату ево!* хлопалъ арапникомъ, и шпорилъ своего коня. Лисица, чтобъ из-

бѣжать неминуемой гибели извороптами, какъ то бываетъ и съ людьми, вдругъ повернула на большую дорогу; собаки и охотники устремились за нею, настигая утомленное животное. Наконецъ лисица, перепрыгнувъ чрезъ ровъ, бросилась прямо подъ ноги нашихъ лошадей: собаки за нею и поймали. Неистовый охотникъ, какъ вихрь, перелетѣлъ чрезъ ровъ и, видя, что собаки терзаютъ лисицу, сталъ ихъ стегать арапникомъ съ ужаснымъ крикомъ. Наши лошади испугались, и начали становиться на дыбы, лишь только подъ ихъ ногами раздался визгъ и грызня собакъ, но когда охотникъ ударилъ ихъ арапникомъ по ногамъ, то онѣ бросились въ сторону, бричка наша опрокинулась, и мы упали въ ровъ.

По счастью, мы не ушиблись, но только попали по шею въ грязь, и не

могли освободиться изъ-подъ брички. Мы лежали подъ нею, какъ мухи подъ стаканомъ. Вокругъ насъ раздавался крикъ и хохотъ. Миловидинъ ужасно сердился и говорилъ, что онъ размозжитъ голову негодяю, который былъ причиною нашего несчастнаго приключенія. Я проклиналъ охоту и охотниковъ, а Петръ Петровичъ молчалъ. Наконецъ бричка начала шевелиться надъ нами, Охотники своротили ее на бокъ, и мы вылѣзли изъ рва, мокрые и грязные какъ раки. Человѣкъ двадцать охотниковъ собралось на большой дорогѣ, и одинъ изъ нихъ, тотъ самый, который былъ впереди, подошелъ къ намъ, и, прохохотавъ громко, сказалъ: « Извините, господа! Виноваты мои борзые. Не будь я Сила Глаздуринъ, если въ цѣлой Россіи есть такія собаки какъ мой *Залетъ* и моя *Винтовка*. Проклятая лисица бросилась

подъ ноги вашихъ лошадей, а *Залетъ* и *Винтовка*, хоть изъ волчьихъ челюстей, добудутъ дичь!» Петръ Петровичъ шепнулъ Миловидину, чтобъ онъ не сердился и не бранилъ счастливаго хозяина *Залета* и *Винтовки*, а я съ удивленіемъ смотрѣлъ на этого чудака. Круглое, красное его лице покрыто было крупнымъ потомъ и пылью. Между длиннымъ краснымъ носомъ и толстыми губами, помѣщались длинные русые усы, какъ два бѣличьи хвоста. На всклоченныхъ волосахъ надѣтъ былъ небольшой смятый кожаный картузъ зеленаго цвѣта. Одѣтъ онъ былъ въ короткій зеленый бaракановый чекмень и въ пестрыя шаравары. Въ наружномъ боковомъ карманѣ была у него трубка, чрезъ правое плечо на ремнѣ висѣлъ охотничій рогъ, а чрезъ лѣвое баклага, обтянутая въ сафьянъ. Въ лѣвой рукѣ онъ держалъ

арапникъ, а правую протянувъ къ Петру Петровичу, снова завелъ рѣчь: «Дай руку, братъ, и не сердись,» сказалъ онъ. «Велика бѣда, что вы полежали во рву! Да здѣсь нѣтъ рва и ямы на 20 верстъ кругомъ, гдѣ бъ я не валялся, гоняясь за зайцами и лисицами. А вы, братцы, что на меня смотрите какъ на звѣря?» примолвилъ онъ, взглянувъ на меня и на Миловидина: «Полно сердиться! моя ли вина, что вы попали въ грязь? по мнѣ, такъ я лучше бы хотѣлъ окунуть васъ въ пуншѣ. Вѣдь на грѣхъ да на бѣду мастера нѣтъ!» При сихъ словахъ Глаздуринъ, взявъ свою баклагу, потянулъ изъ нее, потомъ снялъ съ плечь, и, подавая Петру Петровичу, сказалъ: «Пей, братъ, славная *анисовка*! Это освѣжитъ васъ.» Петръ Петровичъ отдалъ ему обратно баклагу, и отъ имени всѣхъ насъ от-

вѣчалъ: «Милостивый государь! неосторожность ваша причиною нашего несчастнаго приключенія. Но какъ вы это сдѣлали не съ умыслу, то мы охотно извиняемъ васъ, и просимъ, чтобъ вы, въ награжденіе за претерпѣнное нами отъ вашей страсти къ охотѣ, дали намъ во что переодѣться, и немедленно отправили въ городъ въ своемъ экипажѣ.» — «Изволь, любезнѣйшій!» воскликнулъ Глаздуринъ. «Дамъ мою Московскую коляску и шестерку моихъ дикихъ киргизовъ. Домъ мой въ трехъ верстахъ отсюда, садитесь на лошадей моихъ охотниковъ, и ѣдемъ сей же часъ. Да пейте же; ей ей, славная *анисовка*!» — «Мы вовсе не пьемъ водки,» сказалъ Миловидинъ. — «Какъ водки не пить, пустое!» воскликнулъ Глаздуринъ: «стыдитесь, вѣдь вы не красныя дѣвицы!» Мы снова отказались: тогда Глаздуринъ сталъ

подчивать своихъ товарищей, представляя намъ по одиначкѣ, человѣкъ десять окрестныхъ дворянъ, называя каждаго по имени и по отчеству. Послѣ того онъ спросилъ насъ: «А съ кѣмъ имѣю честь познакомиться: нельзя ли узнать чинъ, имя и фамилію? Да изъ какихъ мѣстъ изволите быть? кажется, вы не здѣшніе?» Петръ Петровичъ, опасаясь, чтобъ Миловидинъ въ гнѣвѣ не сказалъ непріятностей Глаздурину, взялся отвѣчать за всѣхъ. «Эти господа (онъ назвалъ насъ по фамиліямъ) пріѣхали въ нашъ городъ по своимъ дѣламъ, а я уже три года живу въ немъ, и удивляюсь, что ни вы меня не знаете, ни я васъ не имѣлъ чести видѣть до сихъ поръ, почтенные господа.» — «Да вы развѣ не бываете въ трактирѣ у Нѣмца Шнапса?» спросилъ одинъ изъ пріятелей Глаздурина. — «Нѣтъ, но я

знакомъ во многихъ домахъ,» отвѣчалъ Петръ Петровичъ. — «Мы не разъѣзжаемъ по домамъ въ городѣ,» возразилъ Глаздуринъ. «Съ подьячими управляются наши повѣренные, а съ своей братьей встрѣтишься на медвѣжьей или волчьей охотѣ, да на выборахъ. Да выпейте, братцы, *анисовки*; право чудесная!» На повторенный нашъ отказъ Глаздуринъ воскликнулъ: «Постой-те же, я васъ уподчую дома такими наливками, какихъ нѣтъ въ цѣлой губерніи. Жена моя сама ихъ дѣлаетъ. Она воспитывалась въ Петербургѣ, и сперва было падала въ обморокъ отъ запаха виннаго спирту и табачнаго дыму, а наконецъ я ее такъ нашколилъ, что теперь едва сама со мною не куритъ, и съ утра до вечера только и работы, что дѣлаетъ для меня наливки да настойки. Но, пора домой. Гей, народъ! обоприте

травою грязь съ господъ. Филька *сиволапый*, Сенька *косой* и Митька *рыжій*, ступайте пѣшкомъ домой. Лаврушка *пострѣлъ*, скачи въ лѣсъ, да труби позывъ. Собакъ смыкай и домой! Мужики пусть также идутъ по домамъ, а послѣ завтра чѣмъ свѣтъ — всѣ въ поле. Надобно обступить рощу, что за Сидоровымъ полемъ, да пустить собакъ. Петрушка видѣлъ свѣжій волчій слѣдъ, три дня сряду. Подавай лошадей. Господа, въ походъ!»

Заднее колесо и ось у нашей брички были сломаны. Охотники подвязали жердь, и бричку потащили въ кузницу. Мы поѣхали съ Глаздуринымъ верхами на охотничьихъ лошадяхъ. Одинъ изъ гостей предложилъ ѣхать чрезъ поле. «Какой ты, братъ, хозяинъ, Анисимъ Степановичъ!» сказалъ Глаздуринъ: «другое дѣло проскакать по хлѣбу, го-

шаясь за звѣремъ, тутъ и грѣха нѣтъ; иное дѣло, когда нѣтъ нужды. Нѣтъ, поѣдемъ дорогою, а между тѣмъ молодцы мои распотѣшутъ васъ. Гей, ребята, гаркните-ка: *во лузяхъ*!»

Лишь только охотники пропѣли пѣсню, Глаздуринъ остановился, и мы всѣ послѣдовали его примѣру. «Сафронъ, подай-ка *свѣжей* анисовки!» сказалъ Глаздуринъ. Одинъ изъ охотниковъ отвязалъ отъ сѣдла баклагу, и подалъ своему господину, который, напившись водки, сталъ подчивать своихъ товарищей. — «На охотѣ надобно пить,» сказалъ Глаздуринъ, обращаясь къ Миловидину: «водка укрѣпляетъ силы и *освѣжаетъ* кровь.» — «Напротивъ того, кажется, спиртъ *горячитъ* кровь, и разслабляетъ тѣло,» возразилъ Миловидинъ. — «Пустое, братъ, пустое!» воскликнулъ Глаздуринъ. «То жъ

твердитъ и Нѣмецъ Докторъ, да мы его не слушаемъ. Мусье Вассербродъ водки въ ротъ не беретъ, а чахлъ и сухъ, какъ запаленая лошадь; Сила Глаздуринъ пьетъ водочку, какъ и всѣ грѣшные, а здоровъ и силенъ какъ трехгодовалый медвѣдь. Не вѣрь, братъ, Нѣмцамъ. Они, хотятъ только сбывать съ рукъ свой товаръ, и Мусье-то Вассербродъ отъ того хочетъ поить меня декоктомъ, вмѣсто водки. Да, Сила Глаздуринъ себѣ на умѣ. Труби въ рога, маршъ въ галопъ!»

Надобно съ волками выть по волчьи. Мы пустились въ галопъ за толпою. Подъѣзжая къ деревушкѣ, мы встрѣтили тощее стадо, возвращающееся съ поля. Борзыя, которыя были спущены со своръ, бросились на барановъ, и растерзали пару на мѣстѣ. Пастухъ не смѣлъ отгонять барскихъ собакъ, и охотники остановились, чтобъ насладиться

этимъ зрѣлищемъ, которое приводило въ восхищеніе Глаздурина. «Браво, Залетъ! ай да Винтовка! ату-ево, ату-во!» кричалъ онъ изо всей силы. Когда эта травля кончилась, мы въѣхали шагомъ въ деревню, принадлежащую Глаздурину.

Первое, что намъ бросилось въ глаза, былъ питейный домъ, возлѣ котораго толпились крестьяне. «Вы позволяете содержать кабакъ въ вашей вотчинѣ?» сказалъ Петръ Петровичъ. «Какой вопросъ!» воскликнулъ въ удивленіи Глаздуринъ. «Вѣдь за это откупщики платятъ, такъ по мнѣ хоть на носу заводи кабакъ!» — «Убѣдительная Логика,» сказалъ мнѣ Петръ Петровичъ.

Деревня Глаздурина составляла совершенную противуположность съ деревней Г. Россіянинова. Здѣсь лачуги были полуразрушенные, дворы полуогороженные, соломенныя крыши

въ нѣкоторыхъ мѣстахъ свѣтились насквозь. Улица была непроходима отъ грязи. Полунагіе ребятишки, завидя насъ, съ воплемъ бѣжали въ избы, боясь собакъ и арапниковъ. Мужики были оборваны и имѣли угрюмый, непріятный видъ; женщины были въ рубищахъ, и отъ того почти всѣ казались дурными. Правда, нѣсколько пріятныхъ лицъ показалось изъ оконъ и нѣсколько красивыхъ дѣвокъ, одѣтыхъ довольно пестро, выбѣжали за ворота при нашемъ приближеніи, чтобъ поклонится Глаздурину, который весьма фамиліярно здоровался съ ними, и грозилъ имъ пальцемъ съ улыбкою. Выѣхавъ за деревню, мы увидѣли въ сторонѣ господскій дворъ: Глаздуринъ велѣлъ трубить въ рога, и скомандовалъ въ галопъ, и мы пустились во всю конскую прыть. Прискакавъ на дворъ чрезъ полураз-

рушенныя ворота, мы остановились, а Глаздуринъ изъ молодечества вскочилъ на конѣ на шаткое крыльцо, и въѣхалъ въ сѣни. Толпа оборванныхъ слугъ встрѣтила насъ. Трудно было догадаться, какой цвѣтъ имѣла ливрея, и какой металлъ употребленъ былъ на галуны, которые отъ древности украшали лохмотья, въ видѣ бахрамы. Глаздуринъ едва переступилъ черезъ порогъ, какъ поднялъ ужасный крикъ, и сталъ бранить всѣхъ, что на столѣ не накрыто. Дворецкому погрозилъ конюшнею, лакеевъ разогналъ толчками, а жену поподчивалъ за глаза нѣсколькими изрѣченіями, которыя еще ни разу не появлялись въ печати. Въ домѣ засуетились: слуги, служанки и собаки бѣгали съ шумомъ по комнатамъ, двери хлопали, стулья трещали, и среди этой сумятохи раздавалась брань Глаздурина, какъ команда ко-

рабельнаго Капитана во время штурма. Наконецъ накрыли на столъ, и подали обѣдъ. Гости собрались въ залу, и Г-жа Глаздурина, прекрасная, молодая женщина, появилась съ двумя дочерьми, отъ 7 до 9 лѣтняго возраста. Хозяинъ не заботился о томъ, чтобъ представить насъ женѣ своей; онъ только тащилъ всѣхъ къ столу, на которомъ стояли графины съ водкою, и рекомендовалъ всѣмъ свою любимую *анисовку*. Мы сами подошли къ хозяйкѣ, и расказали, по какому случаю попали къ ней въ домъ, давъ почувствовать осторожно, что мы не принадлежимъ къ числу пріятелей хозяина, познакомившись съ нимъ на большой дорогѣ. Едва Г-жа Глаздурина промолвила нѣсколько словъ, Виртушинъ воскликнулъ: « Какъ, вы не узнаете меня, Анна Львовна?» — «Это вы, Петръ Петровичъ!» Пошли объясненія, и мы узнали, что Петръ

Петровичъ былъ другомъ отца хозяйки, и носилъ ее на рукахъ. Хозяйка чрезвычайно обрадовалась этой встрѣчѣ, и даже прослезилась при воспоминанiи о прошедшемъ, котораго Виртушинъ былъ свидѣтелемъ. Глаздуринъ, вмѣсто нѣжностей и вѣжливостей, схватилъ Петра Петровича за руку, и потащивъ къ столику, воскликнулъ: «Да выпей *анисовки*, старый прiятель моего тестя!»

Когда попросили садиться за столъ, всѣ гости бросились на тотъ конецъ, гдѣ помѣщался самъ хозяинъ, избѣгая сосѣдства дамы, какъ будто какой непрiятности. Мы, напротивъ того, сѣли возлѣ хозяйки. Столъ окружали слуги, выстроившись въ одну шеренгу. На каждаго собесѣдника приходилось по два лакея; они поспѣшали только прибирать тарелки, на которыхъ оставалось кушанье, и весьма медленно

исполняли приказанія гостей. Собаки пѣснились подъ спіоломъ, и вокругъ собесѣдниковъ, чтобъ полакомиться костьми, которыми ихъ подчивали охотники. Столъ уставленъ былъ разнаго рода наливками, которыя хозяинъ рекомендовалъ гостямъ весьма усердно, и пилъ еще усерднѣе для пріохочиванія пріятелей. Разговоръ былъ самый занимательный и жаркій. Каждый хвалилъ своихъ собакъ, лошадей, свои ружья и своихъ охотниковъ, расказывая любопытные анекдоты о травлѣ зайцевъ и лисицъ, о знаменитыхъ побѣдахъ, одержанныхъ надъ волками и медвѣдями. Каждый хвасталъ своею ловкостью, неустрашимостью, исчисляя опасности, случившіяся съ нимъ на охотѣ. Но Глаздуринъ, если не переспорилъ, то перекричалъ всѣхъ, и остался побѣдителемъ въ спорѣ. Но какъ одинъ изъ го-

стей никакъ не хотѣлъ уступить, утверждая, что его собака лучше *Залета* Глаздурина, то положено было послѣ обѣда разыграться въ карты, чтобъ обѣ славныя собаки принадлежали одному лицу, для уничтоженія всякаго соперничества.

Вставъ изъ-за стола, гости перешли въ другую большую комнату, куда принесли трубки и кофе. Вдругъ дверь съ шумомъ отворилась и вбѣжала толпа Цыганъ и Цыганокъ, съ балалайками, наигрывая и напѣвая: «*ай жги, ай жги, говори!*» Не ожидая приказанія, одна половина Цыганъ и Цыганокъ пустилась плясать, а другіе, ставъ въ кружокъ, начали пѣть плясовую пѣсню, съ акомпаниментомъ балалаекъ, вскрикиваніемъ и свистомъ. Гости, развалясь на диванахъ съ трубками, восхищались ловкостью плясуновъ и цыганскихъ красавицъ, а Глазду-

ринъ гордо похаживалъ вокругъ пляшущихъ, и прикрикивалъ: « Славно, славно, лихо, чудо, шибче!»

Петръ Петровичъ, Миловидинъ и я пошли въ гостиную, гдѣ хозяйка сидѣла одна. «Извините нескромность,» сказалъ Виршупинъ: «но мнѣ право непонятно, какъ вы, будучи воспитаны для жизни тихой, для высшаго круга общества, можете переносить этотъ кордегардный тонъ вашихъ гостей, и буйную жизнь вашего мужа?» Хозяйка покраснѣла и, помолчавъ немного, отвѣчала: «Это правда, что мужъ мой нѣсколько *шуменъ*, но онъ человѣкъ не дурной, и образъ жизни его есть слѣдствіе воспитанія и дурныхъ примѣровъ. Онъ остался сиротою въ малыхъ лѣтахъ, и попалъ въ опеку къ дядѣ, который былъ увѣренъ, что дворянину болѣе ничего не надобно знать, какъ подписывать свое

имя, и быть хорошимъ псовымъ охотникомъ; что не только земля, но и свѣтила небесныя, созданы для удовольствія дворянъ, и что жить значитъ: ѣсть, пить и веселиться. Однажды, Губернаторъ, будучи недоволенъ имъ, когда онъ былъ выборнымъ Судьею, спросилъ его въ Дворянскомъ собраніи: «Скажите, Фролъ Тимоѳеевичъ, для чего дана человѣку голова?» — «Для шапки и для хмѣлю,» отвѣчалъ преважно почтенный дядюшка. По этому вы можете судить, какое воспитаніе долженъ былъ получить мой мужъ, подъ надзоромъ такого опекуна и наставника. Необыкновенный случай, или, лучше сказать судьба, соединила меня съ Силою Миничемъ. Вы знаете, что отецъ мой жилъ однимъ жалованьемъ, и что сама покойная матушка занималась моимъ воспитаніемъ. По смерти моихъ

родителей, меня взяла къ себѣ тетка моя, вдова, которая любила меня съ нѣжностію матери. Она была недостаточнаго состоянія, и жила, по кончинѣ своего мужа, въ небольшой деревушкѣ, въ здѣшнемъ уѣздѣ. Покойный мужъ ея долженъ былъ дядѣ моего мужа сумму, которой она никогда не была бы въ состояніи уплатить, и лишилась бы послѣдняго убѣжища на старости, если бъ мужъ мой, получивъ въ наслѣдство векселя, представилъ ихъ ко взысканію. Посѣщая мою тетушку, онъ полюбилъ меня, и предложилъ мнѣ свою руку. Я.... но зачѣмъ продолжать объясненія — я вышла за него за-мужъ, и векселя были уничтожены. Доставивъ спокойствіе моей благодѣтельницѣ, я счастлива. Впрочемъ, мужъ мой любитъ меня, и долгъ мой.... сноситъ терпѣли-

во небольшія его слабости. Всѣ мы имѣемъ свои недостатки!»

Глаздуринъ вошелъ въ комнату. «Ашенька!» сказалъ онъ: «поди-ка, да вынь изъ комода двѣ тысячи рублей. Мы пустились въ *картежъ*. Я проигралъ тысячу рублей Травлину, да за то выигралъ у него чудесную собаку, *Вихоря*. Онъ въ отчаяньѣ, а я намѣренъ праздновать это происшествіе. Теперь у меня двѣ первыя собаки въ цѣлой Россіи! Да сдѣлай намъ, Ашенька, пуншу, покрѣпче. А вы, господа, что сидите какъ постники, и не хотите веселиться? бачикъ порядочный — приставьте.» Мы поблагодарили хозяина, и просили позволить намъ удалиться на покой. Мы обѣдали очень поздно, и, будучи измучены приключеніемъ того дня, вознамѣрились лечь спать, чтобъ отдѣлаться отъ привязчивости хозяина

и чтобъ не быть свидѣтелями его шумнаго веселья. Намъ отвели комнату во флигелѣ.

« Глаздуринъ и его пріятели суть гири, удерживающія стремленіе Россіи на пути къ образованности, » сказалъ Петръ Петровичъ: « одна польза отъ нихъ: примѣръ. Точно такъ, какъ на общественной трапезѣ въ Спартѣ, кругомъ столовъ водили пьянаго Илота, чтобъ показать юношеству гнусность сего порока, мы должны указывать на Глаздурина съ братьей, чтобъ отвлечь отъ подобной ничтожной жизни людей, которые еще сами не превратились въ звѣрей на вѣчной охотѣ, и у которыхъ кровь не сдѣлалась наливкою. »

Всю ночь раздавались въ комнатахъ пѣсни, стукъ и крикъ. Когда Цыганы утомились, Глаздуринъ велѣлъ своимъ охотникамъ пѣть пѣсни, а

служанкамъ и деревенскимъ дѣвкамъ плясать. Глаздуринъ проигралъ въ ночь нѣсколько тысячъ рублей, коляску, въ которой обѣщалъ насъ отправить въ городъ, и шестерку лошадей; но онъ былъ чрезвычайно веселъ и доволенъ, выигравъ *Вихоря*, и праздновалъ это пріобрѣтеніе пышнѣе, нежели рожденіе первороднаго своего сына. Съ восхожденіемъ солнца тишина водворилась въ домѣ.

Мы хотѣли уѣхать, не простясь съ хозяиномъ, но бричка наша еще не была готова, и намъ надлежало ждать противу воли. Около полудня Глаздуринъ проснулся, и мы, прогуливаясь по двору, встрѣтили его возлѣ конюшни. Охриплымъ голосомъ онъ подозвалъ насъ къ себѣ, и насильно потащилъ въ конюшню, гдѣ мы должны были выслушать повѣствованіе о качествѣ каждой лошади, и быть свидѣтелями, какъ

онъ цѣловалъ и стегалъ хлыстомъ каждую изъ нихъ. Потомъ онъ повелъ насъ въ комнаты къ завтраку, гдѣ мы нашли уже всѣхъ гостей, блѣдныхъ, съ красными глазами. Дрожащею рукой принялись они за разноцвѣтныя водки и соленыя закуски, и вскорѣ крѣпость спирта возстановила разслабленныя ихъ силы. Какъ уже поздно было выѣзжать на охоту, то положили до обѣда скакать на лошадяхъ. Хозяинъ и всѣ гости (кромѣ насъ троихъ) сложились по сту рублей, и эта сумма долженствовала служить наградою тому, чей скакунъ опередитъ другихъ. Въ общемъ совѣтѣ рѣшили, что тотъ, кто получитъ призъ, долженъ послѣ скачки заложить банкъ. Между тѣмъ бричку нашу починили, и мы уѣхали, не дожидаясь обѣда, который не поспѣлъ въ назначенное время, потому, что поваръ, запѣвала

домашняго хора, слишкомъ неосторожно смачивалъ горло, во время ночнаго празднества, и къ утру едва могъ держаться на ногахъ. Принявшись стряпать кушанье, онъ сбился съ толку, и клалъ въ одну кастрюлю то, что надлежало класть въ другую, все перепортилъ, сжегъ, не доварилъ, и за это посаженъ былъ подъ стражу на скотный дворъ, а обѣдъ наново велѣно готовить ключницѣ.

Возвратясь въ городъ, мы узнали отъ нашего хозяина, что пріѣхавшій изъ Петербурга чиновникъ переревернулъ все верхъ дномъ въ присутственныхъ мѣстахъ, желая отыскать упущенія по службѣ Капитанъ-Исправника, на котораго тайно жаловался управитель одного знатнаго барина. Почтенный М. И. Шпыковъ наказалъ этого управителя за противозаконные поборы съ крестьянъ. Но всѣ дѣла Капитанъ-Исправника

были въ исправности. Слѣдственный чиновникъ, въ досадѣ вышедъ изъ Суда, спросилъ у собравшейся толпы мѣщанъ. «Довольны ли вы начальниками?» — «Нѣтъ,» отвѣчали изъ толпы: «Полиція насъ обижаетъ.» — «Что же она дѣлаетъ съ вами?» — «Чистоты спрашиваетъ!»

Слѣдственный чиновникъ не могъ не расхохотаться отъ этой жалобы на Полицію. Видя наконецъ, что ему нельзя здѣсь выслужиться обвиненіемъ Капитанъ-Исправника, онъ, какъ обыкновенно водится, принялъ его сторону и обвинилъ управителя: ибо ему, для показанія своего усердія, непремѣнно надобно было сыскать виноватаго; иначе, слѣдствіе почиталось бы неконченнымъ. Слѣдственный чиновникъ вдругъ перемѣнился и сдѣлался чрезвычайно вѣжливымъ со всѣми, даже со своимъ хозяиномъ, купцомъ. Друзья Капи-

*

панъ-Исправника взялись вознаградить его за путевыя издержки, на которыя онъ весьма трогательно жаловался, представляя свое недостаточное состояніе. Но все это скрывали отъ Капитанъ-Исправника, который если бъ узналъ намѣреніе друзей своихъ, вѣроятно бы поссорился съ ними, а можетъ быть, и подрался съ слѣдственнымъ чиновникомъ.

На другой день, поутру, Капитанъ-Исправникъ пришелъ къ намъ, и принесъ паспорты, подорожную въ Москву, и мои деньги. Мы бросились обнимать добраго Штыкова, который самъ былъ чрезвычайно радъ, что это дѣло кончилось благополучно. Одно безпокоило меня: я писалъ нѣсколько разъ къ тетушкѣ, и не получалъ отвѣта. Печальныя предчувствія тяготили мое сердце, и только въ дружбѣ добраго

Миловидина я находилъ утѣшеніе. Наконецъ, распростившись съ Капитанъ-Исправникомъ, Петромъ Петровичемъ, Священникомъ и нашимъ хозяиномъ, и написавъ прощальное письмо къ почтенному Г. Россіянинову, мы отправились въ Москву на почтовыхъ, въ купленной нами повозкѣ, а товары послали съ извощиками.

ГЛАВА V.

Раскзъ отставнаго солдата. Прибытіе въ Москву. Исторія тетушки. Я нахожу свою мать. Обольститель. Убійцы.

Въ дорогѣ, иногда, самые угрюмые нелюдимы сближаются съ своими слугами. Я и Миловидинъ, напротивъ того, почитали Петрова болѣе товарищемъ нашего общаго несчастія, нежели слугою, и обходились съ нимъ весьма ласково и дружелюбно. «Откуда ты родомъ, Петровъ?» спросилъ его однажды Миловидинъ. «Изъ Польской Украйны,» отвѣчалъ отставной солдатъ. — «Я бы никакъ не догадался, что ты изъ этого края,» возразилъ Миловидинъ: «у тебя настоящее Великороссійское произношеніе.» — «Это отъ того, Ваше Благородіе, что я

съ молоду обучался парикмахерству въ Петербургѣ, и рано вступилъ въ службу.» — «И такъ ты изъ дворовыхъ людей?» — «Да, сударь.» — «Какъ же звали твоего пана?» — «Я крѣпостной человѣкъ одной богатой Русской барыни, поселившейся издавна на Украйнѣ.» — «Какимъ же ты образомъ попалъ въ солдаты?» — «Я вамъ раскажу это, если прикажете.» — «Говори.»

«Отецъ мой былъ надворнымъ казакомъ?» — «А что это значитъ?» спросилъ я. — «Богатые помѣщики въ Польской Украйнѣ дворовыхъ людей своихъ одѣваютъ показацки, и держатъ для разсылокъ, розысковъ, экзекуцій, и т. п. У нашей барыни было до полусотни казаковъ, подъ начальствомъ моего отца, который носилъ званіе Асавула или Капитана. Нарядъ этихъ домашнихъ казаковъ точно таковъ, говорятъ старики,

какъ прежняго Малороссійскаго войска: широкіе Турецкіе шаравары, куртка, баранья шапка. Казаки брѣютъ головы, и носятъ на маковкѣ длинный хохолъ, завивая его за ухо: этотъ клокъ волосъ называется *оселедецъ*. Бороды также брѣютъ, оставляя длинные усы. Въ надворные казаки выбираютъ обыкновенно самыхъ расторопныхъ и красивыхъ людей. Не взирая на запрещеніе, иногда, вооружаютъ ихъ пиками, саблями, пистолетами, а всегда нагайками. Обширныя помѣстья моей барыни всѣ отданы были въ арендное содержаніе разнымъ мелкимъ помѣщикамъ, а корчмы и шинки въ мѣстечкахъ на откупъ Жидамъ. Украинцы народъ добрый, но упрямый. Украинскій мужикъ не такъ терпѣливо сноситъ обиды, какъ мужикъ Литовскій или Бѣлорусскій. Въ помѣстьяхъ моей барыни крестьяне часто противи-

лись самовластному управленію арендаторовъ и ихъ прикащиковъ, и казакамъ всегда была работа и пожива при усмиреніи непокорныхъ и при экзекуціяхъ, т. е. въ буйныхъ постояхъ, въ наказаніе за ослушаніе. Казаки должны были также взыскивать недоимки съ Жидовъ. Если бъ отецъ мой былъ воздерженъ, онъ могъ бы составить себѣ большой капиталъ, по примѣру своихъ товарищей, изъ которыхъ многіе откупились на волю, и дѣти ихъ, обучившись грамотѣ, называются теперь шляхтичами въ дальнихъ отъ родины странахъ. Многихъ изъ товарищей моего дѣтства я встрѣчалъ въ Петербургѣ: большая часть изъ нихъ занимается ходатайствомъ по тяжебнымъ дѣламъ, и они живутъ какъ паны. Но, по несчастію, отецъ мой былъ пристрастенъ къ карточной игрѣ, и все, что выручалъ въ

цѣлый годъ, проигрывалъ на Кіевскихъ контрактахъ, куда онъ ѣздилъ съ конвоемъ при казнѣ нашей барыни. Насъ было пятеро сыновей у отца. Барыня выбрала меня съ полсотнею другихъ мальчиковъ, для отсылки въ Петербургъ, обучаться разнымъ ремесламъ.

«Дворецкій, который доставилъ насъ въ Петербургъ, былъ пріятель моего отца, и потому назначилъ меня обучаться самому легкому ремеслу, которое могло меня сблизить съ господами. Въ лавкѣ моего хозяина я научился плутнямъ и обманамъ, о которыхъ прежде не имѣлъ понятія. Отецъ мой велѣлъ обучать меня грамотѣ на свой счетъ, но я лучше любилъ карты, нежели книги, и помогалъ товарищамъ своимъ обманывать хозяина, чтобъ имѣть, на что играть цѣлыя ночи на пролетъ. Пять лѣтъ прошли скоро, и меня

потребовали домой. Я долженъ былъ выдержать экзаменъ передъ барыней, и причесать по новой модѣ одну изъ горничныхъ дѣвушекъ. Но я лучше умѣлъ играть въ три листа и въ орлянку, чѣмъ завивать волосы и взбивать тупей. Я прижегъ щипцами лобъ горничной, и лишилъ ее прекрасныхъ пуклей. Барыня дала мнѣ пару пощечинъ, и отослала на заднiй дворъ, впредь до приказанiя.

У барыни моей, не только сундуки, но и цѣлыя бочки наполнены были серебромъ; не взирая на это, она не упускала случая, гдѣ можно было поживиться копѣйкою, и изъ огромныхъ своихъ доходовъ не издерживала и сотой части. Хотя во дворѣ было множество людей, и за господскiй столъ садилась также много слугъ изъ шляхтичей и родни, но барыня умѣла кормить весь этотъ народъ дешевымъ образомъ. Съѣстные при-

пасы въ нашихъ мѣстахъ весьма дешевы, и все, что слѣдовало къ барскому столу, какъ-то куръ, гусей, индѣекъ, масло, яйца, грибы, и т. п., доставляли мужики въ видѣ податей, называемыхъ *даниною*. Вина, сахару, чаю, кофе и всякихъ пряностей для кухни, барыня также никогда не покупала: это должны были дарить ей Жиды, при заключеніи контрактовъ на арендное содержаніе корчемъ и шинковъ. Барыня наша ничѣмъ не занималась, какъ только пріемомъ и считаніемъ денегъ, повѣркою счетовъ и осмотромъ своихъ сундуковъ. Она имѣла особенное удовольствіе принимать отъ деревенскихъ бабъ яйца. Для этого у нея была особая мѣра, родъ деревяннаго стаканчика безъ дна, чрезъ который она пропускала яйцо въ кадь съ водою. Если яйцо не приходило въ мѣру, то крестьянка должна была дать въ замѣнъ другое.

«Изъ числа featureнаго рода поборовъ и доходовъ съ имѣнья, которыхъ я не упомню, а отчасти и не знаю, одинъ доходъ былъ выдуманъ самою барыней, и доставлялъ много денегъ. Каждый крестьянскій дворъ долженъ былъ разъ въ годъ дать лошадиный хвостъ, и каждая крестьянская дѣвка должна была, по крайней мѣрѣ, разъ въ жизни обрѣзать свою косу и подарить барынѣ. Лошадиные хвосты покупали Русскіе купцы, а съ косами отправляли человѣка въ Москву и въ Петербургъ, для продажи ихъ парикмахерамъ, на парики, шиньоны и фальшивые локоны. Какъ барыня не знала за мною другаго порока, кромѣ неловкости въ причесываніи по новой модѣ, то чрезъ нѣсколько времени мнѣ поручено было стричь этихъ двуногихъ овечекъ, и возить волосы въ столицы. Нѣсколько лѣтъ исправлялъ я дѣла по-

рядочно, но однажды попалъ къ игрокамъ, и проигралъ три пуда самыхъ лучшихъ волосъ, между которыми былъ цѣлый пудъ рыжихъ, которые были тогда въ большой модѣ. Не смѣя воротиться къ барынѣ, я долго скитался въ Петербургѣ, наконецъ попалъ въ Полицію, какъ безпашпортный, и отосланъ по пересылкѣ домой. Въ это время былъ рекрутскій наборъ, и меня отдали въ солдаты. Служба исправила меня отъ порока, да я и самъ, вошедши въ лѣта, образумился. Десять лѣтъ прослуживъ порядочно, произведенъ я былъ въ унтеръ-офицеры. Полкъ нашъ стоялъ на Кавказской линіи, гдѣ въ сраженіи съ Горцами я получилъ тяжелую рану, и выпущенъ въ отставку. Я вздумалъ итти въ Москву, и приняться за ремесло сапожничье, которому научился въ службѣ. На Нижегородской ярманкѣ меня

приманилъ въ службу къ себѣ Бухарскій купецъ, обѣщалъ золотыя горы, и, по прибытіи въ Бухару, продалъ какъ невольника Узбеку, или тамошнему дворянину. Я долженъ былъ работать въ полѣ, какъ лошадь, въ жестокій зной; усталость мою выгоняли палками, а кормили меня хуже домашняго скота. Наконецъ я заболѣлъ отъ голоду и изнуренія, и хозяинъ мой промѣнялъ меня на быка другому купцу, который, по выздоровленіи моемъ, взялъ меня съ собою, для провожанія верблюдовъ въ Киргизскую степь. Я уже нѣсколько разъ бывалъ въ караванахъ, назначенныхъ въ Россію, но Бухарскіе купцы оставляютъ Русскихъ плѣнниковъ въ степи у своихъ знакомыхъ Киргизовъ, и берутъ своихъ рабовъ, возвращаясь въ Бухару. Такимъ образомъ весьма трудно спастись бѣгствомъ, и я вѣрно кончилъ бы жизнь у этихъ

нехристей, если бъ по счастью они не передрались между собою, какъ собаки за кость, и если бъ Его Благородіе, Иванъ Ивановичъ, не былъ между Киргизами. Правда, есть вездѣ добрые и злые люди, и въ Бухарѣ я видѣлъ добрыхъ господъ, и у насъ есть господа не лучше моего Узбека. Но придетъ уровень-смерть, а тамъ перекличка и разборъ по формулярнымъ спискамъ: кому галуны, а кому стойка. Кто бывалъ въ сраженіяхъ и походахъ, тотъ знаетъ, что на свѣтѣ все пустое, трынь-трава! На бивакахъ столько же надобно дровъ, чтобъ согрѣться Генералу, какъ и солдату, а чтобъ выспаться, никому не надобно болѣе земли, какъ въ ростъ человѣка. Сухарь ли въ животѣ или здобный пирогъ, все равно, былъ бы человѣкъ сытъ, а какъ придется подчиванье свинцовыми орѣхами, такъ всѣмъ равная доля.

Главное дѣло — чтобъ совѣсть была чиста, тѣло здорово, да былъ пашпортъ за пазухой. Хлѣба и работы на Руси довольно!»

Наконецъ мы завидѣли Московскія колокольни, и въ безмолвіи бросились въ объятія другъ другу. Я былъ какъ въ лихорадкѣ, и когда застава поднялась передъ нами, слезы брызнули изъ глазъ моихъ. Мы остановились въ трактирѣ, и какъ еще было не очень поздно, то каждый изъ насъ, взявъ извощика, поѣхалъ на поиски. Миловидинъ горѣлъ нетерпѣніемъ узнать, что сдѣлалось съ его женою, Графинею и Графомъ Ципериными и дядею. Я поѣхалъ отыскивать тетушку. На прежней квартирѣ не знали, куда она переѣхала, и что съ нею сдѣлалось. Ворованина я также не нашелъ въ прежнемъ его жилищѣ. Хозяинъ сказалъ мнѣ, что Воровашинъ, возвратясь изъ Оренбурга, про-

далъ всѣ свои вещи, и уѣхалъ изъ Москвы, неизвѣстно куда. Онъ совѣтовалъ мнѣ справиться о тетушкѣ въ Полиціи. Я возвратился домой весьма печаленъ, и засталъ Миловидина еще печальнѣе. Графъ и Графиня Цитерины померли; сынъ ихъ, Ротмистръ, котораго онъ почиталъ убитымъ, былъ только тяжело раненъ, выздоровѣлъ и получилъ все имѣнье своихъ родителей. О женѣ своей, Миловидинъ не имѣлъ никакого извѣстія, кромѣ того, что она не возвращалась въ Москву изъ-за границы. Дядя его вышелъ наконецъ въ отставку, уставъ подписывать: *вѣрно съ подлиннымъ* и поселился въ Кіевѣ, съ своею домоправительницей, которая такъ привилась къ нему, какъ хроническая болѣзнь. Дочь ея вышла за-мужъ за одного изъ тѣхъ жениховъ, которые отъ юношескаго возраста начинаютъ искать невѣстъ

между *воспитанницами* богатыхъ людей, или *домоправительницами* старыхъ холостяковъ. У Миловидина не было ни копѣйки, и никакой надежды къ пріобрѣтенію денегъ. Я предложилъ ему казну мою, и на первый случай далъ сто червонныхъ. Это нѣсколько утѣшило его въ горѣ. На другой день я поѣхалъ въ Полицію, и нашелъ чиновника, который взялся отыскать жилище тетушки. Разосланы были приказанія ко всѣмъ Частнымъ Приставамъ, чтобъ они немедленно дали знать въ дежурство, гдѣ проживаетъ Г-жа Баритоно. Отъ всѣхъ съѣзжихъ дворовъ получены рапорты: «Что въ такой-то части, упомянутой Баритоно на жительствѣ не имѣется.» На другой день, послѣ полученія рапортовъ, трактирный лакей, которому я также поручилъ отыскивать тетушку, увѣдомилъ меня,

что она живетъ въ двадцати шагахъ отъ трактира, въ домѣ, принадлежащемъ женѣ Частнаго Пристава, рядомъ съ тѣмъ самымъ Квартальнымъ Надзирателемъ, который сочинялъ отъ своей части рапортъ, что Г-жи Баритоно на жительствѣ не имѣется.

Я полетѣлъ къ тетушкѣ. По грязной лѣстницѣ я вошелъ въ галлерею, или, лучше сказать, подъ навѣсъ втораго этажа, и едва могъ добраться до конца, пролѣзая между ушатами, кадками, ведрами, чугунниками и горшками. Отворяю дверь въ темную кухню; старуха въ лохмотьяхъ съ удивленіемъ смотритъ на меня, и кланяется въ поясъ. «Здѣсь ли живетъ Аделаида Петровна Боритоно?» — «Здѣсь, батюшка!» Сердце мое сжалось, ноги тряслись: я отворяю двери въ комнату — Боже мой! какое зрѣлище! Въ небольшой свѣтелкѣ, съ

однимъ окномъ, на грязной постелѣ, лежала женщина съ опухлымъ лицемъ, покрытымъ красными пятнами. Она была накрыта старымъ салопомъ, голова ея повязана была платкомъ, потерявшимъ цвѣтъ. Она смотрѣла на меня неподвижными глазами, приподнялась, отворила уста, чтобы промолвить что-то, и молчала. «Тетушка, вы ли это?» воскликнулъ я, и бросился къ ней; но она упала на подушку, и закрыла глаза. Трепетъ пробѣжалъ по всему ея тѣлу, холодный потъ выступилъ на лицѣ, уста скривились отъ судорожнаго движенія. Я думалъ, что она умираетъ, и въ отчаяньѣ не зналъ, что дѣлать. Со мною былъ трактирный лакей, который дожидался меня на галлереѣ. Я выбѣжалъ къ нему, велѣлъ немедленно привести Доктора, и бросился помогать тетушкѣ. Старуха, кухарка, между

тѣмъ сбѣгала къ сосѣдкѣ, женѣ Квартальнаго Надзирателя, которая прибѣжала немедленно съ спиртами, и своими стараніями привела тетушку въ чувство. Она залилась слезами, и это облегчило ея сердце. «Ваня,» сказала она наконецъ: «и такъ ты не забылъ меня!» Я отвѣчалъ одними слезами. «Благодарю Тебя, Господи, что Ты позволилъ мнѣ еще разъ въ жизни прижать къ сердцу того, кто мнѣ всего дороже!» сказала тетушка. «Добрый Ваня, ты засталъ меня въ нищетѣ, въ болѣзни: я заслужила это, и не пеняю на Провидѣніе. Оно милостиво ко мнѣ, возвращая мнѣ тебя. Теперь я умру спокойно!»

Добрая сосѣдка насъ оставила, и я, пришедъ нѣсколько въ себя, окинулъ взоромъ это убѣжище нищеты. Стѣны свѣтелки были черны какъ въ кузницѣ. Окно составлено было изъ

обломковъ разнородныхъ стеколъ, и въ нѣсколькихъ мѣстахъ заклеено сахарною бумагой. Одинъ сосновый столъ, два стула и небольшой сундукъ, составляли всѣ мебели. Въ углу теплилась лампада передъ образомъ. На окнѣ стояли: фаянсовый чайникъ безъ крышки, фаянсовая бѣлая чашка, стаканъ, кувшинъ съ питьемъ, и сальная свѣча въ бутылкѣ. Осмотрѣвъ все это имущество, я прижалъ къ груди моей тетушку: не помню, что говорилъ, но горько плакалъ. Наконецъ, успокоившись нѣсколько, я пошелъ пріискивать приличное жилище для тетушки, оставивъ ей мой бумажникъ съ деньгами на уплату Доктору и на лекарство.

Того же дня къ вечеру, тетушка моя переѣхала въ чистую и хорошо меблированную квартиру, и нашла въ комодахъ все нужное на первый случай; кромѣ того, чистую постель,

въ кухнѣ посуду, сервизъ, серебро, и для услугъ ловкую служанку, искусную кухарку и проворнаго лакея. Я до времени остался жить въ трактирѣ съ Миловидинымъ, который раздѣлялъ со мною радость мою, и самъ пріискалъ и меблировалъ наскоро квартиру, и купилъ что нужно (разумѣется на мои деньги) для тетушки. Онъ былъ въ этомъ весьма искусенъ, разорившись нѣсколько разъ и заводясь многократно новымъ хозяйствомъ.

Чрезъ двѣ недѣли тетушка оправилась отъ болѣзни, и Доктора̀ объявили что опасность миновалась. Она даже могла прохаживаться по комнатѣ. Я прежде не хотѣлъ ей расказывать моихъ приключеній, чтобъ не произвесть вреда раздраженіемъ ея чувствительности. Наконецъ, когда силы ея укрѣпились, я расказалъ ей все, случившееся со мною

отъ самаго отъѣзда изъ Москвы, и заключилъ мое повѣствованіе просьбою, чтобъ она объяснила мнѣ причину распросовъ и подозрѣній Воротина, на счетъ моего отца и преслѣдованіе какой-то Графини. Тетушка задумалась, и наконецъ бросилась мнѣ на шею, и зарыдала. «Ваня,» сказала она: «я хочу открыть тебѣ душу мою, въ которой хранится тайна цѣлой моей жизни. Не презирай меня, но пожалѣй о несчастной: я жертва легкомыслія и суетности. Слушай.

«Тебѣ, можетъ быть, неизвѣстно, что въ Бѣлоруссіи есть много селеній или слободъ, въ которыхъ живутъ Великороссіяне, выходцы изъ разныхъ странъ Россіи, по большой части староверы, укрывавшіеся въ бывшей Польщѣ изъ опасенія преслѣдованія. Одна Русская слобода находится въ десяти верстахъ отъ

имѣнія Г. Гологордовскаго. Въ этой слободѣ былъ зажиточный крестьянинъ, по имени Петръ Севастьяновъ, по прозванію Крутоголовый, который извозомъ и торгомъ щепиною, полотнами и льномъ составилъ себѣ хорошее состояніе. Онъ былъ вдовъ. Хозяйствомъ управляла сестра его, Аксинья. У него было двое дѣтей, дочь Дуня 16 лѣтъ, и сынъ Василій 19 лѣтъ отъ роду. Эта Дуня — я!»

«Какъ вы, тетушка!» воскликнулъ я въ удивленіи: «съ такимъ воспитаніемъ, съ такою ловкостью! Этому трудно вѣрить.... И такъ я принадлежу также къ крестьянской семьѣ,» примолвилъ я, покраснѣвъ и потупя взоры. «Но я родной вашъ племянникъ по сестрѣ, а вы говорите, что у васъ не было родной сестры. Какъ же это?»... — «Будь терпѣливъ и выслушай,» сказала тетушка: «и не стыдись своего

происхожденія. Мы не вольны избирать себѣ родителей; но отъ тебя зависитъ облагородить родъ твой; слушай терпѣливо до конца, и послѣ говори и дѣлай, что тебѣ угодно.

«Въ окрестностяхъ нашихъ стоялъ на квартирахъ гусарскій полкъ, и въ нашемъ селѣ расположенъ былъ одинъ эскадронъ, которымъ командовалъ Ротмистръ Князь Милославскій. Онъ только что пріѣхалъ изъ гвардіи, и удивлялъ, не только насъ, но и помѣщиковъ, богатствомъ своихъ экипажей, красотою лошадей и своими издержками. Князь былъ красавецъ, молодъ, ему было тогда 25 лѣтъ отъ рожденія, ласковъ со всѣми, любезенъ и большой волокита. Онъ дарилъ всѣхъ дѣвицъ въ селѣ лентами, бисеромъ, сластями, кланялся всѣмъ вѣжливо, игралъ въ хороводы, а крестьянъ поилъ водкою, и платилъ за все наличными день-

гами. Его всѣ любили въ селѣ, старые и молодые. Только я одна не получала отъ него подарковъ, и никогда съ нимъ не говорила. Я была боязлива, и Князь казался несмѣлымъ со мною одной. Каждый день онъ проѣзжалъ верхомъ или проходилъ пѣшкомъ мимо моихъ оконъ, слѣзалъ нарочно съ лошади, будто поправить что нибудь, или останавливался поговорить съ отцемъ, а въ самомъ дѣлѣ для того только, чтобъ посмотрѣть на меня. Какъ ни просты деревенскія дѣвушки, но онѣ читаютъ въ глазахъ влюбленныхъ, какъ въ книгѣ, и не надобно дѣвушкѣ опытности, чтобъ догадаться, съ какимъ намѣреніемъ мужчины на нее посматриваютъ. Я не могла сомнѣваться, что Князь для того только ѣздитъ и ходитъ мимо насъ, чтобъ видѣть меня, ибо если я отходила отъ окна и пря-

тпалась за воротпами, то онъ двадцать разъ кружилъ возлѣ нашего дома, чтобъ только взглянуть на меня. Но мнѣ досадно было, что онъ, будучи такъ разговорчивъ, никогда не сказалъ мнѣ ни слова. Правду сказать, я не понимала тогда, что значитъ любовь, но мнѣ очень весело было, когда я смотрѣла на Князя, и весьма скучно, когда я не видала его нѣсколько дней, или даже хотя одно утро. Онъ мнѣ часто видѣлся во снѣ съ своимъ бѣлымъ личикомъ и черными усиками, и когда случалось, что онъ въ сновидѣніи поцѣлуетъ меня, чего мнѣ очень хотѣлось, то я цѣлый день была весела и довольна. Въ селѣ нашемъ было много красавицъ и пригожихъ парней, но всѣ лица казались мнѣ несносными, и я находила удовольствіе глядѣть только на два лица, на свое собственное въ мое маленькое зеркаль-

це и на лицо Князя. Не одно мое маленькое зеркальце говорило мнѣ, что я красавица. Всѣ парни наши, всѣ офицеры и помѣщичьи сынки, которые останавливались у насъ, ѣздя на охоту, повторяли мнѣ одно и то же, и верстъ на пятьдесятъ кругомъ я извѣстна была, подъ названіемъ *прекрасной крестьянки*.

« Отецъ мой былъ весьма строгъ и угрюмъ: онъ былъ ревностный староверъ, и отрекся бы отъ меня, если бъ узналъ, что я осмѣлилась взглянуть, не только прикоснуться къ человѣку, не староверческой секты. Онъ мнѣ нѣсколько разъ это повторялъ. Князь зналъ о строгости моего отца и закоснѣлости его въ предразсудкахъ, а потому именно избѣгалъ со мною встрѣчи, довольствуясь одними взглядами. Такимъ образомъ прошло около полугода: Князь оставилъ всѣ свои знакомства,

всѣ занятія, и не выѣзжалъ изъ села, находя все наслажденіе жизни въ томъ, чтобъ видѣть меня нѣсколько разъ въ день на улицѣ или чрезъ окно. Я только и думала, что о Князѣ, и образъ его былъ безпрестанно передъ глазами моими днемъ и ночью. Настало лѣто. Отецъ мой поѣхалъ по торговымъ дѣломъ въ городъ, а я оставшись подъ надзоромъ одной тетки, выпросилась у ней пойти съ подружками въ лѣсъ по ягоды. Мы разбрелись по лѣсу, и я, напѣвая заунывную пѣсню и думая о Князѣ, рвала ягоды, какъ вдругъ что-то зашевелилось въ кустарникѣ; я ахнула отъ страха, и хотѣла бѣжать: вѣтви раздались, явился Князь, и я невольно остшалась.

«Милая Дуня, я люблю тебя!» сказалъ мнѣ Князь, подошедъ ко мнѣ. Я молчала, стояла неподвижно, потупя взоры, но чувствовала, что

колѣна мои трясутся, и что щеки горятъ. «Дуня, я умру, если ты не будешь любить меня!» Я все молчала. «Да посмотри же на меня,» сказалъ Князь. Я подняла глаза, посмотрѣла на него, и должна была утереться рукавомъ, чувствуя, что глаза мои наполнились слезами. Князь взялъ меня за руку, посадилъ возлѣ себя на колоду, и сталъ со мною разговаривать. Я не помню, что онъ говорилъ мнѣ, и что я ему отвѣчала. Отъ руки моей, которая была въ рукахъ Князя, распространилось пламя по всѣмъ жиламъ моимъ, и сердце мое такъ сильно билось, что я слышала его удары, и была какъ въ лихорадкѣ. Князь долго говорилъ со мною, долго ласкалъ меня, и наконецъ, когда поцѣловалъ меня въ лице, свѣтъ затмился въ глазахъ моихъ: я думала, что умру на

мѣстѣ отъ страха, и бросилась въ объятія Князя....

«Недолго мы находились въ забвеніи; дни улетали, а съ ними улетала и радость. Вскорѣ почувствовала я, что природа назначила мнѣ быть матерью, и почти въ то же время полкъ получилъ повелѣніе выступить въ походъ, противъ Турокъ. Гдѣ скрыться отъ стыда? Какъ избѣгнуть строгости отца? Въ одинъ день, вдругъ вся деревня узнала съ удивленіемъ, что прекрасная Дуняша исчезла изъ родительскаго дома. Я вела себя такъ осторожно, что никто не подозрѣвалъ меня въ добровольномъ бѣгствѣ. Разнеслись даже вѣсти, будто меня насильно увезли изъ дому, и убили. Подозрѣвали Князя, подозрѣвали многихъ изъ окрестныхъ помѣщиковъ. Отецъ мой не искалъ меня, а чужіе люди поговорили, да и замолчали.

«Въ пятидесяти верстахъ отъ нашего села, въ лѣсной деревушкѣ, находилась корчма. Въ ближнемъ городѣ Жиды рекомендовали Князю содержателя этой корчмы, какъ человѣка честнаго, скромнаго и услужливаго, на котораго во всемъ можно положиться. Князь помѣстилъ меня въ этой корчмѣ, приставивъ ко мнѣ старуху, которая называла себя повивальною бабкою; далъ мнѣ шкатулку съ своими драгоцѣнными вещами, между коими находились два его портрета, которые ты видѣлъ у меня, и 10,000 рублей ассигнаціями. Князь приказалъ мнѣ, какъ скоро я оправлюсь послѣ родовъ, ѣхать съ ребенкомъ въ Москву, и ожидать его возвращенія, оставивъ свой адресъ въ приходѣ Василія Блаженнаго. Князь отправился въ походъ, давъ клятву составить мое счастье, и никогда не покидать ди-

тяти. Разставаясь съ Княземъ, я думала, что разстаюсь съ жизнію.

«У меня была особая свѣтелка въ уединенномъ углу дома. Приставленная ко мнѣ старуха помѣщалась въ чуланчикѣ. Цѣлое семейство Жида услуживало мнѣ съ большимъ усердіемъ. Самъ хозяинъ слылъ Докторомъ, и лечилъ окрестныхъ мелкопомѣстныхъ дворянъ. Наконецъ я родила на свѣтъ сына.... Ваня! ты сынъ мой и Князя Милославскаго!»....

Я вскочилъ со стула. — «Какъ, вы мать моя!» воскликнулъ я въ сильномъ волненіи чувствъ. Мать моя сидѣла неподвижно, и, закрывъ лице руками, плакала. Я бросился въ ея объятія, и слезы наши смѣшались.

«Сынъ мой,» сказала матушка: «не обременяй меня упреками, и не презирай меня. Я слѣдовала внушенію природы, и вся вина лежитъ на

томъ, который силою своего ума и характера могъ бы удержать меня отъ преступленія. Но его уже нѣтъ въ живыхъ..... почтимъ память его. Онъ былъ виновенъ, но не сердцемъ!» Когда мы нѣсколько успокоились, матушка продолжала расказъ: «Ты уже знаешь, что ты родился съ наростомъ на лѣвомъ плечѣ, который прижегъ тебѣ хозяинъ мой, Жидъ-Докторъ. Впрочемъ, ты былъ здоровъ и крѣпокъ. Я уже начинала оправляться отъ болѣзни, и намѣревалась въ скоромъ времени отправиться въ Москву. Ужасное происшествіе разлучило меня съ тобою.

«Приставленная ко мнѣ повивальная бабка, не взирая на ся услужливость и ласкательства, была мнѣ несносна. Въ лицѣ ея, покрытомъ морщинами, выражались злоба и зависть. Всякой разъ, что взоры наши

встрѣчались, трепетъ пробѣгалъ по всѣмъ моимъ жиламъ. Я старалась избѣгать ея присутствія, и все время проводила одна въ моей свѣтелкѣ съ тобою, или съ портретомъ твоего отца. Однажды, вечеромъ, въ осеннюю пору, я мучилась головною болью, и легла рано въ постелю. Но, чувствуя нестерпимый жаръ, я встала и вышла на свѣжій воздухъ. Прислонившись къ стѣнѣ, неподалеку отъ окна хозяйской комнаты, я услышала, что произнесли мое имя. Я подошла къ окну, и услышала разговоръ, который едва не лишилъ меня чувствъ:»

«Я осмотрѣла весь сундукъ этой дѣвчонки,» сказала повивальная бабка: «и нашла въ немъ несмѣтныя богатства. Цѣлые пуки бѣлыхъ ассигнацій, цѣлыя горсти золотыхъ перстней, колецъ съ дорогими камнями!» — «Ну, такъ возьми и бѣги,

мы скроемъ тебя,» сказалъ Жидъ. — «Нельзя,» возразила старуха: «у меня въ городѣ семья, дѣти и внуки. Дѣвчонка найдетъ кого нибудь, чтобъ написать къ Князю, а онъ пріятель съ Маршаломъ, съ Городничимъ, даже съ самимъ Губернаторомъ: будетъ бѣда!» — «Ну, такъ сбыть съ рукъ дѣвчонку,» сказалъ Жидъ. — «Это всего лучше,» отвѣчала старуха: «здѣсь пусто и глухо. Дѣвчонку на тотъ свѣтъ, мальчика подкинемъ кому нибудь, деньгами и вещами подѣлимся и — концы въ воду. Пускай пріѣзжаетъ Князь: мы скажемъ, что она уѣхала въ Москву; пускай тогда ищетъ. Мертвые молчаливы!» — «Славно, славно, Василиса!» сказалъ Жидъ: «когда же начать работу?» — «На что откладывать?» отвѣчала старуха: «она сегодня больна, и спитъ теперь: возьми топоръ, стукни

разъ, потомъ тѣло въ мѣшокъ, да и въ озеро.» — «И вправду, не зачѣмъ откладывать; поди ты къ дверямъ, а я возьму топоръ, и тотчасъ ее отправлю.»

«Ты можешь легко представить себѣ, въ какомъ положеніи находилась я, слушая это адское совѣщаніе. Я бросилась въ безпамятствѣ бѣжать къ лѣсу, и, не взирая на холодную, сырую погоду, на темноту ночи, шла на удачу, пробираясь между кустарниками. Выбившись изъ силъ, я прилегла подъ деревомъ, и пришла нѣсколько въ себя. Я упрекала себя, что оставила тебя въ рукахъ убійцъ; но, раздумавъ хорошенько, успокоилась. Я была почти увѣрена, что они не посмѣютъ убить тебя, когда я избѣгнула отъ ихъ сѣтей. Я рѣшилась итти въ городъ, открыть все Губернатору, который, какъ я услышала, былъ

пріятелемъ Князя, и просить его о возвращеніи мнѣ сына и объ отправленіи меня въ Москву. На мнѣ были большой платокъ и душегрѣйка. Помолившись Богу, я заснула подъ деревомъ.»

ГЛАВА VI.

Окончаніе исторіи Аделаиды Петровны. Замужство. Перевоспитаніе. Вольная жизнь. Пагубныя слѣдствія легкомыслія. Я вступаю въ свѣтъ. Визиты.

«Съ разсвѣтомъ я проснулась отъ холода, и снова пошла лѣсомъ, безъ дороги. Жажда мучила меня, но сильное нравственное потрясеніе сдѣлало переломъ въ моей болѣзни. Испивъ дождевой воды изъ лужи, я почувствовала себя сильнѣе и бодрѣе прежняго. Но вспомнивъ, что ты остался безъ кормилицы, я горько заплакала, и поручила тебя попеченію Того, Который питаетъ слабыхъ птенцовъ и несчастныхъ сиротъ. Отдыхая нѣсколько разъ, и продолжая путь съ напряженіемъ силъ, я къ

полудню очутилась на большой дорогѣ. Опасаясь погони, я не смѣла итти большою дорогою, а шла опушкою лѣса. Вдругъ услышала я звукъ колокольчика. Я прилегла въ кустахъ, и увидѣвъ, что въ бричкѣ, запряженной четверкою, сидитъ какой-то господинъ съ лакеемъ, выбѣжала на большую дорогу, бросилась на колѣни, и воздѣвъ руки, закричала: « Спасите, спасите несчастную отъ смерти! » Бричка остановилась, господинъ вышелъ изъ нея, подошелъ ко мнѣ, и сталъ меня распрашивать. Я расказала ему всю свою исторію, и, упавъ къ ногамъ, просила помощи и защиты. Господинъ этотъ тронулся моею юностью и моимъ несчастьемъ: онъ посадилъ меня рядомъ съ собою, и мы помчались въ городъ.

« Избавитель мой былъ родомъ Италіянецъ, и назывался Баритоно.

Онъ былъ въ домѣ одного богатаго помѣщика учителемъ музыки и капельмейстеромъ, и, пробывъ шесть лѣтъ въ провинціи, возвращался въ Москву съ небольшимъ капиталомъ, чтобъ по прежнему заняться въ столицѣ преподаваніемъ уроковъ. Баритоно былъ уже пожилой человѣкъ, лѣтъ за сорокъ, но пріятной наружности и веселаго нрава. Онъ говорилъ довольно хорошо по-Русски, и утѣшалъ меня какъ могъ. Пріѣхавъ въ губернскій городъ, онъ явился къ Губернатору, и расказалъ ему мое приключеніе. Губернаторъ былъ человѣкъ добрый и справедливый: онъ самъ захотѣлъ видѣть меня; такъ же, какъ Баритоно, плѣнился моею наружностью, и былъ тронутъ моимъ несчастьемъ. Немедленно выслалъ онъ чиновника, съ приказаніемъ взять подъ стражу Жида и повивальную бабку, и доставить

немедленно моего сына и всѣ мои вещи. Но, вѣроятно, по нескромности извощика, при которомъ я расказала мое приключеніе Баритону, вѣсть о моемъ спасеніи дошла до Жида. Чиновникъ нашелъ корчму опустѣлую. Семейство Жида, повивальная бабка исчезли вмѣстѣ съ тобою и съ вещами: и я больше о тебѣ не слыхала!

« Баритоно привезъ меня въ Москву, и обходился со мною, какъ нѣжный отецъ съ дочерью. Онъ написалъ письмо въ полкъ къ Князю Милославскому, но вмѣсто отвѣта мы получили письмо обратно, съ извѣстіемъ, что Князь Милославскій убитъ въ сраженіи.

« Баритоно не хотѣлъ разстаться со мною. Онъ назвалъ меня Аделаидою, нанялъ для меня учителей, и самъ занимался обученіемъ меня музыкѣ. Чрезъ пять лѣтъ я выучилась Русской грамотѣ, Французскому,

Италіянскому языкамъ, танцовать, пѣть и играть на фортепіяно. Природа, столь щедрая къ Русскому народу, не требовала большихъ усилій къ моему образованію. Я полюбила чтеніе, и вскорѣ познакомилась со всѣмъ, что должно знать свѣтской женщинѣ. Баритоно восхищался своимъ созданьемъ, и всѣ пріятели его удивлялись моей ловкости, понятливости и дарованіямъ. Я имѣла много обожателей, но благодарность привязывала меня къ моему избавителю. Онъ предложилъ мнѣ свою руку, и я съ радостью согласилась быть его женой, чтобъ любовью моею хотя нѣсколько вознаградить моего благодѣтеля за всѣ его обо мнѣ попеченія.

« Баритоно былъ человѣкъ добрый, и любилъ меня нѣжно. Я не могла быть въ него влюблена, но была къ нему привязана, и всѣ обазанности

жены исполняла съ величайшимъ усердіемъ. Между тѣмъ мужъ, уставъ бѣгать по городу за билетами и ссориться съ учениками и ихъ родителями для полученія денегъ за уроки, притомъ же чувствуя, что здоровье его ослабѣваетъ, вздумалъ завести магазинъ Ниренбергскихъ товаровъ, и отказаться отъ учительства. Онъ издержалъ весь свой небольшой капиталъ на устройство магазина и на покупку товаровъ, но какъ онъ не имѣлъ кредита, будучи новичкомъ въ торговлѣ, и не зналъ всѣхъ коммерческихъ уловокъ, то вскорѣ торговля наша упала. Баритоно такъ огорчился этимъ, что заболѣлъ нервною горячкою, и умеръ.

«Положеніе мое было самое непріятное. Я осталась съ тысячью рублями, спасенными мною изъ всего капитала, безъ всякой надежды на

будущее, безъ друзей и покровителей. Кругъ моего женскаго знакомства ограничивался нѣсколькими иностранками, магазинщицами и актрисами. Изъ мужчинъ я не знала никого, кромѣ нѣсколькихъ музыкантовъ и земляковъ моего мужа. Но меня знали всѣ любители прекраснаго пола, гонялись за мною толпами на прогулкахъ, не сводили глазъ съ моей ложи въ театрѣ, и безпрестанно бѣгали мимо оконъ. Я имѣла множество неизвѣстныхъ мнѣ обожателей. Нѣкоторые изъ нихъ еще при жизни Баритоно писали ко мнѣ письма, которыя я, не распечатывая, отдавала моему мужу; другіе чрезъ знакомыхъ женщинъ объяснялись въ любви, но я съ перваго слова налагала молчаніе на услужливыхъ пріятельницъ, и такимъ образомъ прослыла скромною по справедливости, что впрочемъ рѣдко случается. Послѣ смерти Ба-

ришоно, мои пріятельницы и пріятели моего мужа приступили ко мнѣ съ совѣтами, или лучше сказать, съ наущеніями, чтобъ я приняла благодѣянія, предлагаемыя мнѣ великодушными людьми, которые сгараютъ отъ любви ко мнѣ. Не видя вокругъ себя ничего лучшаго, и наслышавшись анекдотовъ о знатныхъ дамахъ, пользующихся однако же уваженіемъ въ свѣтѣ, я думала, что все это въ порядкѣ вещей, и согласилась принять предложеніе Князя Чванова, который требовалъ отъ меня не любви, но только позволенія любить меня, и за это осыпалъ, такъ сказать, золотомъ. Ты зналъ этого добраго старичишку. Онъ издерживалъ всѣ свои доходы на женщинъ, изъ одного тщеславія, чтобъ прослыть волокитою! При всѣхъ своихъ слабостяхъ и странностяхъ, онъ имѣлъ доброе сердце, и если бъ онъ былъ

живъ, я не была бы доведена до крайности, въ которой ты нашелъ меня.

«Не зная ни цѣны денегъ, ни недостатка въ нихъ, я издерживала столько, сколько мнѣ попадалось въ руки. Получивъ деньги, я почитала обязанностью немедленно истратить ихъ, и не знала другихъ расходовъ, кромѣ какъ на наряды и на щегольство. Богатствомъ нарядовъ я думала прикрыть тайну моего поведенія, и уваженіе, оказываемое мнѣ по платью и экипажу отъ незнакомыхъ людей, утѣшало меня въ малыхъ непріятностяхъ, получаемыхъ въ публичныхъ собраніяхъ отъ гордыхъ взглядовъ замужнихъ женщинъ, которыя, прикрываясь именемъ мужа, какъ ширмами, порицаютъ въ другихъ то, чего сами въ тайнѣ придерживаются.

«Не имѣя знакомства, куда бы я

могла выѣзжать, я составила мужскій кругъ знакомства изъ самыхъ пріятныхъ и любезныхъ людей столицы. Ты былъ свидѣтелемъ нашихъ музыкальныхъ вечеровъ, Ваня; слѣдственно я не стану тебѣ ихъ описывать. Будучи молода, я не могла ограничиться полуплатоническою любовью Князя Чванова, и сперва для разсѣянія, а послѣ по привычкѣ искала сердечныхъ связей. Семенъ Семеновичъ Плезиринъ обѣщалъ жениться на мнѣ, какъ скоро Князь Чвановъ исполнитъ свое обѣщаніе, и устроитъ судьбу мою. Но дѣла Князя Чванова начали упадать: часть его имѣній была заложена, а другая въ процессѣ, и онъ, не взирая на добрыя желанія, не могъ обезпечить судьбы моей. Семенъ Семеновичъ познакомилъ меня съ Грабилинымъ, этимъ разбогатѣвшимъ подьячимъ, который грубостію своею и притязаніями

сдѣлалъ мнѣ жизнь несносною. Послѣ твоего отъѣзда въ Оренбургъ, я рѣшительно отказалась отъ его дружбы, и намѣревалась даже выйти за-мужъ за одного бѣднаго, трудолюбиваго и влюбленнаго въ меня смертельно живописца, какъ вдругъ жестокая болѣзнь свалила меня въ постелю. Я получила природную оспу, и столь сильную, что все тѣло мое покрылось корою. Я была въ горячкѣ, въ безпамятствѣ, и жестокосердый подьячій, Грабилинъ, воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ отнять у меня послѣднія вещи. Семенъ Семеновичъ, одинъ изъ тѣхъ вѣчно подчиненныхъ чиновниковъ, которые вездѣ ищутъ женщинъ въ связяхъ съ знатными и богатыми, чтобъ чрезъ нихъ получить покровительство за обѣщаніе женитьбы, Семенъ Семеновичъ первый оставилъ меня въ нищетѣ. Другой пріятель,

Аббатъ Претату, также отрекся отъ дружбы моей, и я бы умерла безъ всякаго пособія, если бъ одна Русская дама, которая гнѣвалась на меня за то, что мужъ ея хаживалъ ко мнѣ на вечера, не отмстила мнѣ благодѣяніемъ. Хозяинъ не хотѣлъ держать меня на квартирѣ безъ денегъ, и меня въ болѣзни перенесли въ ту комнату, гдѣ ты нашелъ меня, и бросили на произволъ судьбы. Русская дама, узнавъ о моемъ положеніи, прислала мнѣ нѣсколько денегъ и своего Доктора; наняла женщину, чтобъ ухаживать за мною: но, будучи сама небогатою, она не могла сдѣлать для меня много. Въ семъ бѣдствіи Промыслъ Всевышняго послалъ мнѣ помощь и утѣшеніе въ тебѣ, сынъ мой! Я уже навсегда лишилась красоты, и съ нею того тщеславія и легкомыслія, которыя были причиною моихъ проступковъ.

Отнынѣ обращаюсь на путь раскаянія, и любовью къ Богу, любовью къ моему сыну наполню пустоту сердца. Ваня, сынъ мой! ничего не можетъ быть несчастнѣе, какъ женщина, которая одну красоту почитала достоинствомъ, и пользовалась ею какъ товаромъ, какъ средствомъ къ минутнымъ наслажденіямъ. Я это чувствую теперь въ полной мѣрѣ. Что была бы я теперь, если бъ Богъ не послалъ мнѣ тебя!»

Матушка, кончивъ свой расказъ, бросилась на колѣни передъ образомъ, и со слезами стала молиться. Молитва облегчила ея сердце: она успокоилась.

«Любезная маменька,» сказалъ я: «забудемъ о прошедшемъ и станемъ помышлять о настоящемъ и о будущемъ. Въ вашемъ повѣствованіи я не нашелъ ключа къ открытію таинства моего преслѣдованія. Я не

сдѣлалъ зла никому: какая же это Графиня, которая столь пламенно желаетъ моей погибели? Не было ли у васъ какой непріятельницы?» — «На меня могли гнѣваться многія знатныя женщины,» отвѣчала матушка: «но я не думаю, чтобъ которая нибудь изъ нихъ захотѣла мстить мнѣ погибелью моего племянника. Тайна твоего рожденія извѣстна только мнѣ одной. Ни одинъ изъ бывшихъ моихъ пріятелей даже не догадывался о томъ, что ты сынъ мой. Не постигаю, откуда противу тебя такая злоба въ этой Графинѣ. Не ошибка ли это?»

Прошло еще два мѣсяца, и матушка совершенно выздоровѣла. Но красота ея исчезла: лице покрылось глубокими рубцами и рябинами, волосы посѣдѣли внезапно, глаза потеряли живость, прекрасныя округлости упали. Матушка казалась де-

сятью годами старѣе, нежели была въ самомъ дѣлѣ. Потеря наружныхъ достоинствъ привела ее на путь мудрости. Она сдѣлалась богомольною, и одѣлась въ черное платье съ ногъ до головы; все время проводила въ церквахъ и въ чтеніи божественныхъ книгъ.

Между тѣмъ товары мои прибыли въ Москву, и я немедленно ихъ продалъ. У меня было около сорока тысячъ рублей всѣхъ денегъ. Я нанялъ небольшую, но чистую квартиру, раздѣленную на двѣ половины: въ одной жила матушка, въ другой я съ Миловидинымъ. Отставной солдатъ Петровъ остался при мнѣ, въ званіи камердинера. Мы проводили время довольно скромно. Миловидинъ безпрестанно писалъ письма во всѣ концы Россіи, чтобъ узнать объ участи жены своей, о которой не было никакого слуха. Я отыскивалъ

Ворошашина, чтобъ узнать объ имени непріятельницы моей, Графини. Мы прогуливались, читали вмѣстѣ, философствовали и составляли планы въ будущемъ, и, по правдѣ сказать, скучали. Миловидинъ привыкъ къ разсѣянной свѣтской жизни: моя душа требовала дѣятельности. Нѣсколько пріятелей узнали Миловидина, и открыли его убѣжище, а видя его порядочно одѣтаго, издерживающаго деньги въ кофейныхъ домахъ и трактирахъ, стали навѣщать насъ. Расказы о прежнихъ связяхъ, о большомъ свѣтѣ снова возбудили въ Миловидинѣ желаніе возвратиться въ прежній кругъ знакомства.

« Послушай, Выжигинъ, » сказалъ мнѣ однажды Миловидинъ: « ты хочешь вступить въ службу, пріобрѣсть какое нибудь званіе въ свѣтѣ. Похвально! У насъ въ Россіи поря-

дочный человѣкъ безъ чина почти тоже, что въ другихъ странахъ безъ пашпорта. Но безъ покровительства трудно чего нибудь добиться. Гдѣ власть имѣютъ мужчины, тамъ управляютъ женщины; а гдѣ властвуютъ женщины, тамъ управляютъ мужчины. Надобно искать въ женщинахъ, любезный другъ! Для вступленія въ свѣтъ, ты имѣешь два важныя преимущества: деньги и пріятную наружность. Ты болѣе знаешь, нежели нужно знать въ свѣтѣ. Довольно было бы одного Французскаго языка и танцованья, а ты сверхъ того музыкантъ, и хорошо играешь въ коммерческія игры. Все это составляетъ высочайшую премудрость большей части людей изъ знатнаго круга, которымъ открытъ путь честолюбія до первыхъ степеней въ государствѣ. Тебѣ не достаетъ только той ловкости, той

самонадѣянности, которыя пріобрѣ-
таются посѣщеніемъ обществъ выс-
шаго круга. Но этими качествами
весьма скоро можно запастись съ
умомъ и со смѣлостью, въ кото-
рыхъ у тебя нѣтъ недостатка. И
такъ, послушайся меня, и вступи въ
свѣтъ. Я познакомлю тебя съ двумя
дюжинами моихъ тетушекъ и кузинъ
и нѣсколькими полновѣсными зако-
нодателями обществъ; съ молодежью
ты самъ познакомишься. Потакай
старшимъ, играй въ бостонъ и вистъ
со старухами, никогда не гнѣвайся
за картами, и не спрашивай карточ-
наго долга; подчивай молодыхъ лю-
дей и раздѣляй съ ними ихъ удоволь-
ствія; не спорь, соглашайся всегда
съ большинствомъ голосовъ въ со-
браніи товарищей, съ хозяиномъ въ
его домѣ и со всякимъ наединѣ. Не
дѣлай самъ сплетней и не клевещи
ни на кого, но слушай терпѣливо всѣ

сплетни и клеветы; извѣщай о сплетняхъ намѣками, всегда скрывая имена; забавляй выдумками и никогда не прислуживайся правдою; хвали все чужое и порицай все свое; называй всѣхъ болтуновъ умными, всѣхъ чиновниковъ дѣловыми и трудолюбивыми, всѣхъ судей честными, всѣхъ богачей благодѣтельными, всѣхъ пожилыхъ дамъ добрыми, всѣхъ молодыхъ женщинъ и дѣвицъ красавицами, всѣхъ дѣтей амурами и геніями. Знай наизусть дни имянинъ и рожденія всѣхъ твоихъ знакомыхъ и не пренебрегай визитами. Научись хохотать до слезъ, когда тебѣ расказываютъ скучное подъ именемъ смѣшнаго, и умѣй морщиться, когда кто нибудь повѣряетъ тебѣ грусть свою. Подаваясь впередъ, старайся показывать, что ты всегда стоишь назади. Всякой успѣхъ свой приписывай другимъ, и благодари *всѣхъ*. Сноси

терпѣливо небольшія оскорбленія, а мстить за себя предоставляй другимъ. Проси всегда за другихъ, и заставляй другихъ просить за тебя. Никогда ни въ чемъ никому не отказывай; обѣщай все и всѣмъ, и послѣ извиняйся невозможностью исполненія, показывая видъ, будто ты все сдѣлалъ, что отъ тебя зависѣло, хотя бы вовсе не начиналъ. Помни мои наставленія, и вѣрь, что если будешь имъ въ точности слѣдовать, превзойдешь всѣхъ Камергеровъ въ мірѣ, и получишь, чего пожелаешь!»

Я открылъ другу моему, Миловидину, тайну моего рожденія. Сердце мое имѣло нужду облегчиться довѣренностью. Мы посовѣтовались съ матушкою, и она благословила меня на новое поприще. «Ты встрѣтишь, можетъ быть, своихъ родственниковъ въ свѣтѣ,» сказалъ Милови-

динъ: «но какъ ты не имѣешь никакихъ доказательствъ, что ты сынъ Князя Милославскаго, и какъ отецъ твой ничего тебѣ не оставилъ, то это ни къ чему тебѣ не послужитъ, и даже можетъ навлечь непріятности. Я представлю тебя въ свѣтѣ подъ именемъ Русскаго дворянина, имѣющаго жалованныя имѣнья въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ. Вообще Русскія фамиліи, поселившіяся въ новопріобрѣтенныхъ областяхъ, имѣютъ мало связей въ столицахъ; намъ повѣрятъ. Тѣ же, которые почитаютъ тебя племянникомъ Аделаиды Петровны, и видѣли тебя у нея въ домѣ, не знаютъ ни твоего, ни ея происхожденія. Они, безъ сомнѣнія, узнаютъ, что Аделаида Петровна живетъ теперь отшельницею, и что ты содержишь ее на своемъ иждивеніи. Это еще болѣе утвердитъ ихъ въ мнѣніи на

счетъ твоего дворянства. Впрочемъ, любезный другъ, только въ среднемъ состояніи люди взыскательны и любопытны на счетъ другихъ. Въ высшемъ кругу каждый думаетъ о себѣ самомъ, и не безпокоится о другомъ, если тотъ не загораживаетъ ему дороги. »

Наконецъ насталъ день, назначенный для визитовъ. Я нанялъ карету четверней, одѣлъ лакея въ ливрею съ галунами, и мы пустились въ путь. Дорогой Миловидинъ сказалъ мнѣ: «Начнемъ посѣщенія съ Графини Протрубиной. Это *запѣвала* между Московскими старухами: по ея камеръ-тону воетъ полсотни крикуней, и этотъ хоръ составляетъ репутацію молодыхъ людей, а особенно молодыхъ супруговъ. Вотъ домъ ея: видишь ли, сколько здѣсь каретъ передъ крыльцомъ? Не такъ опасно прогнѣвить начальство, какъ

этихъ гарпій, которыя за малѣйшее упущеніе готовы растерзать добрую славу порядочнаго человѣка.»

«Принимаетъ!» сказалъ Швейцаръ, занимавшійся починкою сапоговъ въ своей каморкѣ. Мы вошли въ залу, расписанную за полвѣка передъ симъ. Вокругъ стѣнъ стояли огромные стулья, покрытые чахлами изъ пестрой холстины, а въ углу большіе Голландскіе часы, въ дубовомъ рѣзномъ футлярѣ. «Пожалуйте!» возгласилъ камердинеръ, отпирая двери въ гостиную. Мы вошли. Графиня, старая женщина, сидѣла скорчившись на софѣ, обложенная подушками, вышитыми по канвѣ ея внучками и воспитанницами. Подъ ногами была также огромная вышитая подушка. На колѣняхъ ея покоился шпицъ, высунувъ голову изъ шали. Передъ ней на столикѣ стояли фарфоровыя чашки съ визитны-

ми билетами, табакерка и колокольчикъ. Кругомъ въ креслахъ сидѣло нѣсколько дамъ и мужчинъ. « Здравствуйте, тетушка, » сказалъ Миловидинъ, поцѣловавъ у нея руку. — « Откуда, батюшка? » спросила Графиня, поднявъ голову и смотря пристально на Миловидина. — « Изъ далекихъ странъ, тетушка, и первымъ долгомъ почелъ явиться къ вамъ. » — « Спасибо, что не забылъ. » — « Позвольте, тетушка, поручить вашему покровительству друга моего, Бѣлорусскаго помѣщика, Ивана Ивановича Выжигина, которому я весьма много обязанъ. » Графиня посмотрѣла на меня, и кивнула головою, а я поклонился. « Милости просимъ: мы рады добрымъ людямъ. Прошу садиться. Что ты одинъ въ Москвѣ, или съ женою? » спросила Графиня. — « Одинъ, тетушка; жена моя осталась за границею по слабости здо-

ровья.» — «Тѣмъ лучше, что ты одинъ. А гдѣ служить изволите?» сказала Графиня, обращаясь ко мнѣ.— «Я теперь только намѣреваюсь вступить въ службу,» отвѣчалъ я: «и по сіе время занимался Науками.» — «А, изъ ученыхъ! Понимаю,» примолвила Графиня, понюхавъ табаку. «А много ли за вами душъ?» спросила она. Миловидинъ не далъ мнѣ отвѣчать, и сказалъ: «Полторы тысячи.» — «А много ли дѣтей у родителей?» спросила Графиня. —«Онъ одинъ и самъ хозяинъ,» отвѣчалъ Миловидинъ.—«Не дурно,» проворчала Графиня, снова понюхавъ табаку. Я посмотрѣлъ на другихъ гостей, и замѣтилъ, что матушки подталкивали дочекъ, и дочки выпрямливались, поднимали глаза, опускали взоры, склоняли граціозно голову на плечо, а тѣ, которыя имѣли хорошіе зубы, улыбались. «Пол-

торы тысячи душъ для одного человѣка, довольно изрядно,» сказала про себя Графиня, потирая свою табакерку. «Какъ бишь фамилія, извините?» — «Иванъ Ивановичъ Выжигинъ,» повторилъ громко и протяжно Миловидинъ. Я снова замѣтилъ, что всѣ гостьи шевелили губами, какъ будто повторяя, для памяти, мое имя. — «Я всякой день обѣдаю дома,» сказала Графиня: «и кромѣ двухъ дней въ недѣлѣ и необыкновенныхъ случаевъ, всякой вечеръ принимаю. Мнѣ пріятно будетъ видѣть васъ у себя въ домѣ, Иванъ Ивановичъ; а тебя, Александръ, звать не къ чему: ты у меня домашній, пока снова не завѣтренничаешь.» Миловидинъ снова поцѣловалъ руку Графини, а я отпустилъ такой складный комплиментъ, что Графиня даже кивнула головою въ знакъ согласія, и удвоила пріемъ табаку въ

знакъ своего удовольствія. « Дѣло сдѣлано, » шепнулъ мнѣ Миловидинъ: « теперь всѣ запоютъ на одну ноту. » Такъ и случилось. « Александръ Ивановичъ, » сказала Миловидину одна толстая дама, пожилыхъ лѣтъ, сильно разрумяненная, въ огромномъ чепцѣ, торчавшемъ на самомъ почти лбу: « давно ли вы заспѣсивились и не узнаете старыхъ знакомыхъ? » — « Помилуйте, сударыня, » отвѣчалъ Миловидинъ: « я вамъ кланялся, и будучи занятъ разговоромъ съ Ея Сіятельствомъ, не имѣлъ времени обратиться къ вамъ съ засвидѣтельствованіемъ моего почтенія, намѣреваясь впрочемъ исполнить это въ вашемъ домѣ. » — « То-то, » примолвила толстая женщина: « прошу не оставлять насъ по прежнему. Милости просимъ и съ пріятелемъ вашимъ. » Я снова выстрѣлилъ комплиментомъ, и толстая дама сдѣ-

лала гримасу, которую вѣроятно какой нибудь льстецъ назвалъ бы пріятною улыбкой. Миловидинъ зналъ всѣхъ гостей. Начались объясненія, и мы были приглашены съ перваго визита ко всѣмъ *всякой* день обѣдать, и *каждый* день на вечеръ. Въ полчаса я сдѣлалъ одиннадцать знакомствъ.

«Многое перемѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ ты оставилъ Москву,» сказала Миловидину Графиня. «Кузина твоя, Ашенька, вышла за-мужъ за богатаго и чиновнаго человѣка. Кузина Полина разъѣхалась съ мужемъ, который потерялъ мѣсто Директора Таможни. Кузина Катишъ чуть чуть не вышла за-мужъ за Полковника: ужъ мы было все сладили, да проклятыя сплетни Кукушкиной разстроили дѣло, и она навязала жениху свою жеманную племянницу, у которой нѣтъ ни-

чего, кромѣ денегъ. А ты знаешь, что порядочный, благовоспитанный человѣкъ не женится на деньгахъ,» примолвила она, посмотрѣвъ на меня. «Не правда ли, Иванъ Ивановичъ?» — «Денежный расчетъ въ супружествѣ, качество низкихъ душъ,» сказалъ я. — «Какъ умно!» сказала толстая дама, посмотрѣвъ на своихъ дочекъ. — «Чувствительно и остроумно!» воскликнула сухощавая дама, возлѣ которой сидѣли четыре дебелыя дѣвы. — «Всѣ вы говорили, что изъ моего внука, Коко, не будетъ проку,» сказала Графиня Миловидину: «а мы его пристроили порядочно. Онъ при особыхъ порученіяхъ при Князѣ Связинѣ въ Петербургѣ, и уже Титулярный, да въ нынѣшнемъ году получилъ крестикъ за поѣздку въ Москву, съ какимъ-то Секретаремъ или Прокуроромъ на слѣдствіе. Жаль, что онъ пріѣхалъ

сюда по окончаніи слѣдствія, а что бы еще схватилъ что нибудь. Мы прочимъ его въ Камеръ-Юнкеры. Князь Связинъ теперь въ силѣ, а онъ мнѣ *свой* человѣкъ. На дняхъ отправляю къ нему внука моего, Жака, сынка несчастнаго Благородова, который, говорятъ, съ ума сошелъ отъ книгъ, поселился въ деревнѣ, и отказался отъ чиновъ. Жакъ, слава Богу, не въ отца. Прекрасный молодой человѣкъ, хочетъ служить въ Иностранной Коллегіи, и мастеръ своего дѣла. На мои имянины сочинилъ по-Французски куплеты на двухъ листахъ, которые прочѣли три мои внучки. На послѣднемъ балѣ всѣхъ удивилъ мазуркою, и кромѣ того, весьма ученъ: какъ сказываютъ, знаетъ Орѳографію и Миѳологію! Изъ него будетъ человѣкъ! Но за то про тетку его, Графиню *Никодимъ*, говорятъ очень

дурно. Я не люблю повторять дурныхъ вѣстей; но говорятъ, что она имѣетъ связи... понимаешь? Она перестала ко мнѣ ѣздить: Богъ съ ней! Да и бывшій Губернаторъ, твой родственникъ, Добродѣловъ, также перестал ѣздить ко мнѣ. Даромъ, что пріятели провозглашаютъ о его честности, да не всѣ вѣрятъ. Ужъ кто въ домъ ко мнѣ не ѣздитъ, такъ вѣрно тотъ чувствуетъ за собою какую нибудь вину. Я не люблю оговаривать, а знаю коечто!» Графиня стала нюхать табакъ, и собиралась еще раскazывать про всѣхъ своихъ родныхъ и знакомыхъ, но Миловидинъ воспользовался минутою молчанія, всталъ, и мы вышли изъ комнаты.

«Сохрани Богъ, попасться ей на языкъ,» сказалъ Миловидинъ, садясь въ карету: «она присвоила себѣ право владычества надъ четвертою

долею Московскаго общества, и кто только отдаляется отъ нея и не хочетъ идолопоклонничать, съ тѣмъ поступаетъ она какъ съ дезертиромъ, отдаетъ подъ свой бабій судъ, произноситъ сентенцію, и въ наказаніе лишаетъ добраго имени. Языкомъ своимъ и связями она сдѣлалась страшною для многихъ лицъ, занимающихъ важныя должности, и они должны исполнять ея желанія, чтобъ избѣгнуть клеветы и всякаго раза козней. Надобно польстить ей: она доставитъ тебѣ мѣсто. Пожалованныя мною тебѣ полторы тысячи душъ и Бѣлорусское дворянство, возьмутъ свое.»

Мы подъѣхали къ большому дому, и Миловидинъ сказалъ: »Теперь я познакомлю тебя съ однимъ изъ коноводовъ Московскихъ стариковъ, котораго имя произносится съ такимъ точно уваженіемъ, какъ нѣко-

гда Дельфійскаго оракула. Антипъ Ермолаевичъ нѣкогда занималъ важное мѣсто; и хотя дѣла при немъ шли точно такимъ же порядкомъ, какъ и всегда, но онъ увѣренъ, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ вышелъ въ отставку, солнце слабѣе согрѣваетъ Россію, луна не такъ ярко свѣтитъ, и отечество на краю гибели. Все, что только дѣлается внутри и внѣ Государства, почитаетъ онъ дурнымъ, и говоритъ, что онъ присовѣтовалъ бы сдѣлать лучше, хотя по несчастью онъ ничего не сдѣлалъ хорошаго въ жизни, кромѣ того, что вышелъ въ отставку. По словамъ его, кромѣ его и покойниковъ, его пріятелей и покровителей, не было способныхъ людей въ Россіи. Если бъ онъ не давалъ обѣдовъ и баловъ, то его бы никто не слушалъ, но какъ онъ любитъ собирать въ своемъ дому толпу, то

онъ, какъ говорится, имѣетъ вѣсъ. Онъ можетъ быть тебѣ полезенъ.»

Насъ приняли. Антипъ Ермолаевичъ былъ въ своемъ кабинетѣ. Онъ сидѣлъ въ большихъ креслахъ, въ зеленомъ бархатномъ шлафорѣ, опушенномъ соболями и украшеннымъ двумя звѣздами. «А, старый пріятель, гдѣ пропадалъ?» сказалъ онъ Миловидину. — «Путешествовалъ, и, возвратясь въ Москву, первымъ долгомъ почелъ явиться съ почтеніемъ къ Вашему Превосходительству.» — «Спасибо, спасибо, дружокъ!» — «Позвольте представить вамъ моего пріятеля, Ивана Ивановича Выжигина, Русскаго дворянина, имѣющаго полторы тысячи душъ въ Бѣлоруссіи.» — «Добро пожаловать. А гдѣ служилъ вашъ отецъ, и въ какомъ былъ чинѣ?» — «Полковникомъ въ арміи,» отвѣчалъ Миловидинъ, — «Не при Свѣтлѣйшемъ ли?» — «Точно

такъ," сказалъ я, заикаясь. — «Вотъ тогда-то были времена! Не правда ли?» — «Точно такъ, Ваше Превосходительство," сказали мы въ одинъ голосъ. — «А вы гдѣ служите?» — «Я теперь только хочу опредѣлиться къ мѣсту.» — «Какая теперь служба!» воскликнулъ Антипъ Ермолаевичъ. «Теперь выдумали вездѣ штатныя мѣста, и порядочному человѣку негдѣ пріютиться. Не правда ли?» — «Точно такъ, Ваше Превосходительство," сказалъ Миловидинъ, и я повторилъ за нимъ то же самое. «Однако жъ и нынѣ есть мѣста для особыхъ порученій," примолвилъ Миловидинъ. — «Да вѣдь въ томъ дѣло: при комъ состоять для особыхъ порученій! Не правда ли?» сказалъ Антипъ Ермолаевичъ. «Тѣ ли Вельможи были въ наше время, что нынѣ. Не правда ли? Бывало, пріидешь къ Вельможѣ: онъ ле-

живетъ себѣ въ халатѣ на диванѣ, да перекачивается, а передъ нимъ стоятъ стрункою Князья, Графы и Генералы, и ожидаютъ сигнала плакать или смѣяться. Не правда ли? А нынѣ самъ Вельможа не смѣетъ присѣсть, не посадивъ другихъ; принимаетъ даже просителей въ мундирѣ, и подчиненнаго иначе не назоветъ, какъ *вы*, да еще по имени и отчеству. Не правда ли? Ну какое это время, быть ли тутъ добру? Не правда ли? Бывало Вельможа выбранитъ тебя хуже, нежели своего лакея, иногда и вытолкаетъ, броситъ въ глаза бумагами, да за то гдѣ гнѣвъ, тутъ и милость. Не правда ли? Вообразите, до какой степени нынѣ дошла испорченность нравовъ! Я расказывалъ моему племяннику анекдотъ, что одинъ Вельможа, въ мое время, представилъ своего Секретаря къ наградѣ 200

душъ крестьянъ. На докладъ соизволенія не воспослѣдовало, и Вельможа подарилъ своихъ собственныхъ 200 душъ Секретарю. Что жъ бы вы думали, сказалъ на это мой племянникъ? Онъ отвѣчалъ: что если бъ онъ былъ на мѣстѣ Секретаря, то не взялъ бы 200 душъ отъ Вельможи, потому, что служитъ Государю, а не Вельможе, и отъ одного Государя можетъ получать награды. Вотъ каковы нынѣшніе! А этотъ-то Секретарь — я. О, время, времячко! Не правда ли? Нынѣ обходятся вѣжливо, да что въ томъ проку? По усамъ течетъ, а въ ротъ не попадаетъ. Когда я еще былъ въ малыхъ чинахъ, мнѣ надобно было съѣздить въ отпускъ. Я подалъ просьбу, и пришелъ къ начальнику за милостивымъ отвѣтомъ, когда у него было множество гостей. Знаете ли, чѣмъ онъ меня встрѣтилъ? «Ты дуракъ, Антипъ Ермо-

лаевичъ, болванъ,» сказалъ начальникъ. «Слушаю-съ, Ваше Превосходительство.» Онъ повторилъ: «Ты дуракъ, Антипъ Ермолаевичъ, оселъ, болванъ» — «Виноватъ, Ваше Превосходительство,» отвѣчалъ я, поклонившись. — «Вѣдь ты просилъ отпуска на два мѣсяца?» — «Точно такъ, Ваше Превосходительство.» — «Какъ же ты не просилъ жалованья за два мѣсяца?» примолвилъ начальникъ. «Дуракъ, братъ! На, вотъ-те отпускъ, а вотъ-те предписаніе къ казначею, чтобъ отпустилъ тебѣ жалованье.» Я поцѣловалъ ручку добраго начальника, и вышелъ съ поклономъ, благословляя его добродѣтель. А нынѣ пришелъ съ bon-jour, и вышелъ съ bon jour. Не правда ли? Что же бы вы думали говоритъ мой племянникъ объ этомъ? Онъ говоритъ: лучше ничего не давай, да обходись по-человѣчески, а не

какъ съ лошадью. Вотъ какія времена. Не правда ли?» — «Какъ намъ нельзя воротить золотаго вѣка,» сказалъ я: «то надобно подчиниться обстоятельствамъ, и я прошу Ваше Превосходительство взять меня подъ свое покровительство.» — «Посмотримъ, посмотримъ. Бывшіе у меня писцами занимаютъ нынѣ важныя должности. Чему тутъ быть доброму? Однако жъ посмотримъ. Я увижусь, переговорю. Но вѣдь нынѣ завелся какой-то *штиль.* Требуютъ, чтобъ канцелярскія бумаги были писаны складно, какъ пѣсенки, а притомъ и кратко и ясно и отчетисто. Не правда ли? Это вовсе не возможно. Не правда ли? Да какъ нынѣ и образоваться человѣку на коротенькихъ записочкахъ? То ли дѣло, бывало, какъ накинутъ на тебя дѣло въ три тысячи листовъ, объ украденной курицѣ и разбитомъ

окнѣ, такъ изволь-ка ломать голову, да выводить заключенія! По неволѣ пріучишься къ дѣламъ. Не правда ли?».... «Въ это время лакей доложилъ, что Частный Приставъ проситъ позволенія войти.» — «Проси! Я, какъ неспособный, нынѣ безъ мѣста,» сказалъ Антипъ Ермолаевичъ, съ лукавою усмѣшкою. «Я неспособный! Понимаете ли? А нѣтъ дѣла, въ которомъ бы умные люди со мною не совѣтовались. Вотъ Полиція приказала выкрасить заборъ моему сосѣду. Такъ всѣ ко мнѣ на совѣтъ, какою краскою? Антипъ Ермолаевичъ неспособный человѣкъ! Не правда ли?»

Мы откланялись и вышли, получивъ позволеніе быть *каждый* день на обѣдѣ и на вечерѣ. «Пустой старичишка!» сказалъ я Миловидину въ каретѣ. «Онъ похожъ на остановившіеся часы съ репетиціей, ко-

торые бьютъ всегда тотъ часъ, на которомъ стрѣлка остановилась.» — «Сохрани тебя Богъ, говоритъ, предъ кѣмъ бы то ни было, въ Москвѣ, что Антипъ Ермолаевичъ пустой человѣкъ! Тебя почтутъ раскольникомъ, вольнодумцемъ. Молчи и слушай. Эти старики могутъ тебѣ надѣлать много добраго и много худаго.» — «Уволь! На сегодняшній день будетъ довольно.» — «Нѣтъ, еще одинъ визитъ; но этотъ будетъ пріятенъ. Я повезу тебя къ моей милой кузинѣ, въ которую цѣлая Москва влюблена, и она право стоитъ это.»

«Ахъ, mon cher Александръ!» — «Ахъ, ma cousine Annette!» Пошли обниманія и цѣлованія, и Миловидинъ, сѣвъ на софѣ съ хозяйкою, сталъ шептаться, перешептываться, и забылъ обо мнѣ. Наконецъ кузина опомнилась. «Ахъ, pardon!» — «Милая Анета,» сказалъ Миловидинъ:

«я рекомендую особенной твоей милости и покровительству, друга моего, благодѣтеля, спасителя и все, что угодно, Ивана Ивановича Выжигина, который, кромѣ того, что хорошъ собою, какъ ты видишь, уменъ и добръ какъ ты и я, имѣетъ полторы тысячи душъ.» — «Charmée.» .... «Полно, милая, пожалуйста безъ церемоній,» возгласилъ Миловидинъ: «помни, что это другой я. Послушай, дѣло въ томъ, что я хочу друга моего помѣстить въ службу, и ввести въ лучшее Московское общество. У тебя большая партія, кузинушка. Пожалуйста, покричи съ недѣльку за моего друга. Ты можешь смѣло увѣрять всѣхъ, что онъ точно таковъ, какъ я, а ты нѣкогда была увѣрена, что я милъ до крайности.» — «Ты все такой же вѣтренникъ, какъ былъ прежде,» сказала кузина. — «Гдѣ же

мужъ твой?» спросилъ Миловидинъ. —«Онъ все въ разъѣздахъ по своимъ откупамъ и заводамъ: теперь въ Петербургѣ. Я должна здѣсь обрабошывать его дѣла — и признаюсь, мнѣ это несносно.» — «Мы съ другомъ моимъ постараемся утѣшать прекрасную Аріадну!» сказалъ Миловидинъ, поцѣловавъ руку кузины Анеты. «Но не надѣйся, чтобъ я помѣстилъ тебя, кузинушка, въ созвѣздіе, небесное: нѣтъ, ты слишкомъ хороша для земли.» — «Toujours volage et aimable (всегда вѣтренъ и любезенъ),» сказала кузина. — «Между тѣмъ, прощай, милая,» сказалъ Миловидинъ. «Мы такъ измучены двумя тяжелыми визитами у вашихъ Московскихъ коноводовъ общества, что спѣшимъ домой. До свиданія!» Кузина пригласила насъ также *каждый* день обѣдать и *каждый* день на вечеръ.

ГЛАВА VII.

Картина большаго свѣта. Встрѣча съ милымъ врагомъ. О, слабость человѣческая!

«Чтобъ вы сказали, читатели мои, если бъ вамъ указали на четырехъ мужчинъ и четырехъ женщинъ, которые бы съѣзжались всякой день за тѣмъ только, чтобъ вмѣстѣ удовлетворять голодъ и жажду, разговаривать о домашнихъ мышахъ и о дымѣ, выходящемъ изъ трубъ, играть въ берюльки, и потомъ отъ скуки прыгать на одной ногѣ, кивать пальцемъ, и дѣлать другъ другу за спиной гримасы? Вы бы сказали, что это сумасшедшіе. Не судите такъ строго: обратите вниманіе на то, чѣмъ занимаются всю жизнь люди, въ такъ называемыхъ, обществахъ

большаго свѣта. Послушайте, объ чемъ они говорятъ, взгляните, что они дѣлаютъ! Приведите всѣ ихъ слова и дѣла въ одинъ итогъ, и вы удостовѣритесь, что этотъ итогъ будетъ равенъ тому, который извлечется изъ занятій четырехъ паръ, поставленныхъ мною для примѣра, которыхъ вы чуть чуть не назвали сумасшедшими!

«Первая обязанность свѣта *визиты*; а что значатъ визиты? Скажите: не странно ли ѣздить, бѣгать, торопиться, чтобъ показать себя на одну минуту въ одномъ мѣстѣ, не сказать ничего, или сказать пошлую глупость; послѣ того раскланяться и бѣжать въ другое мѣсто, въ третье, въ четвертое и такъ далѣе. Время потеряно, въ голову ничего не прибыло, въ сердцѣ пустота, въ тѣлѣ усталость, изъ кармана улетѣло нѣсколько рублей, ко-

торыми можно было бы накормить бѣдное семейство. Между тѣмъ визиты важное занятіе, и свѣтскій человѣкъ не знаетъ другой обязанности, другаго дѣла утромъ, какъ посвятивъ нѣсколько часовъ своимъ ногтямъ, зубамъ и волосамъ (и подпискѣ векселей) скакать изъ одного конца города въ другой съ визитами! Другое важное дѣло — *обѣдъ*. Конечно, это дѣло важное въ буквальномъ смыслѣ, потому, что не ѣвши нельзя жить, а слѣдовательно и думать. Но въ большомъ свѣтѣ люди только и думаютъ о томъ, какъ и гдѣ поѣсть. Великое счастіе попасть за тотъ столъ, гдѣ индѣйки, куры и рябчики будутъ пожираемы людьми важными, то есть, людьми, которые, не только сами могутъ имѣть за своимъ столомъ много индѣекъ, куръ и рябчиковъ, но даже въ состояніи доставить

другому человѣку такое блаженство, что онъ также можетъ имѣть много индѣекъ, куръ и рябчиковъ. Разсуждайте, какъ угодно, а это сущая правда. Чего люди ищутъ? — мѣстъ, чиновъ, милостей. Къ чему же все это ведетъ? Къ тому, что со всѣмъ этимъ, человѣкъ будетъ болѣе значить, то есть, лучше жить. А что значитъ лучше жить? — имѣть болѣе комнатъ, и быть въ состояніи кормить другихъ. — Вотъ и выходитъ на мое, что люди бьются изъ того только, чтобъ имѣть болѣе индѣекъ, куръ и рябчиковъ, съ принадлежностями. Вы станете говорить о Камиллахъ, Цинцинатахъ, Фабриціяхъ. Древняя Исторія, древнія сказки! Теперь этихъ господъ почли бы сумасшедшими. — Другія времена другіе нравы, и если бъ теперь какой нибудь главнокомандующій, подобно Цинцинату, взялся за плугъ, или, по-

добно Велисарію, пошелъ по міру: то Земская полиція взяла бы обоихъ подъ стражу (и по дѣломъ) за нарушеніе общественнаго порядка и за бродяжничество. Нашъ вѣкъ — вѣкъ обѣдовъ, хотя ничего нѣтъ забавнѣе какъ то, что люди изъ вещи, самой простой и грубой, общей намъ со всѣми животными, то есть, изъ потребности *ѣсть*, сдѣлали какое-то торжественное представленіе, и собираются въ парадѣ, при звукѣ музыки, при блескѣ серебра и золота — набивать себѣ желудокъ! Призвать кого участвовать въ этой великолѣпной операціи, значитъ оказать ему *честь*. Ужъ воля ваша, а волки въ этомъ случаѣ гораздо умнѣе насъ. Они собираются, когда идетъ дѣло о добычѣ, или о продолженіи благороднаго волчьяго племени, а ѣдятъ вмѣстѣ тогда только, когда вмѣстѣ достали добычу. Мнѣ ка-

жется, что было бы гораздо лучше, если бъ вошло въ обычай созывать гостей *не ѣсть* вмѣстѣ, а *спать* вмѣстѣ. Сонъ есть также въ числѣ первыхъ потребностей человѣка, какъ и ѣда: слѣдовательно обижаться нечѣмъ. Сонъ даже благороднѣе, ибо говорятъ, что человѣкъ можетъ пробыть девятеро сутокъ безъ ѣды, а болѣе трехъ сутокъ не въ силахъ пробыть безъ сна. Выгоды же отъ этого обычая, если бъ онъ ввелся, были бы неисчислимы. Во-первыхъ, это угощеніе было бы дешевле; во-вторыхъ, во снѣ говорили бы менѣе глупостей, нежели на яву, особенно за обѣдомъ, при винѣ; въ-третьихъ, человѣкъ не утомлялся бы столько и не портилъ здоровья на *званомъ снѣ* какъ на *званомъ обѣдѣ*; наконецъ, мы не видали бы низости хозяина, который истрачивается или разоряетъ бѣдныхъ торговцевъ для

того только, чтобъ оказать честь нужному человѣку — услажденіемъ его поднебья и разстройствомъ его желудка. Послѣ обѣда, опять важное дѣло — *карты*. Вообразите себѣ, что существа, созданныя по образу и по подобію Господню, садятся за столики, покрытые зеленымъ сукномъ, берутъ въ руки лоскутки лощеной бумаги, расписанные уродливыми фигурами, вопреки всѣхъ правилъ Живописи, и забавляются тѣмъ, кто насчитаетъ болѣе очковъ, или кто угадаетъ, какой лоскутъ упадетъ на какую сторону. Угадчикамъ, или счастливцамъ, или просто плутамъ, которые умѣютъ пользоваться этою забавою, платятъ деньги, которыя или взяты съ крестьянина, добывающаго копѣйку въ потѣ чела, или добыты продажею совѣсти, или получены въ наслѣдіе и приданое, или принадлежатъ заимодавцамъ. Нако-

нецъ, наступаетъ вечеръ: опять важное дѣло! надобно *прыгать* въ тактъ подъ музыку. Правда, и овцы прыгаютъ, но тогда только, когда довольны. А люди въ свѣтѣ прыгаютъ какъ обезьяны на канатѣ, иногда со слезами на глазахъ. Это обязанность, долгъ! Хозяинъ хочетъ, чтобъ завтра говорили, что у него былъ балъ. И такъ гости, которымъ подагра не подкосила ногъ, излишній апетитъ не раздулъ тѣла, и старость не отягчила членовъ, должны прыгать, должны прыжками платить за честь приглашенія, и пріобрѣтать прыжками право быть зваными въ другіе домы. Наконецъ, важное дѣло — *ужинъ*: второй томъ обѣда, и необходимость спать нѣсколько часовъ, чтобъ проснуться съ тяжелою головой, бѣлымъ языкомъ и усталостью во всѣхъ членахъ. На другой день, опять то же,

на третій, четвертый то же, и такъ проходитъ молодость, жизнь: дряхлое тѣло разрушается, душа отлетаетъ, не оставивъ на землѣ никакого слѣду своего существованія; имя остается нѣкоторое время въ маклерскихъ книгахъ и въ счетахъ мастеровыхъ, и наконецъ погибаетъ въ пучинѣ забвенія, а между тѣмъ тысячи другихъ подобныхъ созданій стремятся тѣмъ же путемъ ничтожества, и такъ же исчезаютъ съ лица земли, какъ устрицы. Спрашиваю: не полезнѣе ли жизнь барана изъ рода мериносовъ, который, во время своего существованія на землѣ, одѣлъ и обогатилъ своею шерстью многихъ людей, и никого не обговаривалъ, ни на кого не клеветалъ, не интриговалъ, чтобъ занять мѣсто, къ которому онъ неспособенъ; не лишалъ легковѣрныхъ чести и имущества, и не гордился предъ бара-

нами простой породы тѣмъ, что онъ родился мериносомъ?

«Въ большомъ свѣтѣ, вы найдете, не только взрослыхъ людей, но даже дѣтей, которыя говорятъ на многихъ языкахъ. Вся разница въ томъ, что одни говорятъ складнѣе нежели другіе. Но объ чемъ говорятъ? Мнѣ, право, стыдно повторять. Въ кругу семейномъ, между особами обоего пола, связанными взаимными выгодами (что называется дружбою), въ сердечныхъ изліяніяхъ, любимое занятіе есть: злословія, процвѣтающее въ свѣтѣ подъ именемъ откровенности и остроумныхъ наблюденій. Подслушайте разговоры малыхъ кружковъ; вотъ ихъ эссенція: такая-то не умѣетъ одѣваться; та кокетка, иная злая, вотъ эта дура, та мотовка, другая пронырлива; тотъ несносенъ, другой смѣшонъ, неловокъ; тотъ просто глупъ,

этотъ занятъ собою; тотъ въ милости не по заслугамъ, а этотъ въ немилости по дѣломъ. Тамъ было скучно, а тамъ очень весело, не взирая, что хозяева несносны. Завтра должно надѣяться, что будетъ весело тамъ-то, а очень скучно вотъ тамъ, но за то тамъ будутъ важныя особы! Въ большихъ собраніяхъ объ чемъ говорятъ? Сегодня холоднѣе вчерашняго. Тотъ получилъ мѣсто, этотъ орденъ; тотъ лишился мѣста, тотъ пріѣхалъ, а тотъ отъѣзжаетъ. Въ модныхъ магазинахъ показались новыя вещи; такая-то швея хорошо одѣваетъ, а такой-то парикмахеръ прекрасно причесываетъ. Важная дама не здорова; дѣвица такая-то выходитъ за-мужъ, такая-то пожалована въ Фрейлины, у такой-то родился сынъ, а у той умерла дочь, и прочее, и прочее, и прочее, сему подобное!

« Боже мой, на то ли данъ человѣку даръ слова, на то ли онъ отличонъ отъ всѣхъ тварей душею безсмертною, умомъ созерцательнымъ и творческимъ, чтобъ оглашать воздухъ пустыми звуками, подобно воронамъ и сорокамъ? Мысль и чувство улетаютъ изъ общества большаго свѣта, какъ улетаетъ соловей и жаворонокъ изъ безплодной песчаной степи. Тяжелый воронъ несется къ бездушному трупу: это его пища. Соловей прячется въ кустахъ, жаворонокъ носится подъ небесами!

«Цѣлый вѣкъ, отъ дѣтства до старости, быть рабомъ, такъ называемыхъ свѣтскихъ приличій, машиною для поклоновъ и движенія челюстями; говорить и ничего не думать, думать и ничего не говорить, слушать глупости и отвѣчать дурачествами, быть въ безпрестанномъ движеніи, и не выхо-

дишь изъ круга безсмыслицы: и это называется жить! Ахъ, добрый мой Арсаланъ-Султанъ, ты правъ, совершенно правъ! Да здравствуетъ Киргизская степь! Тамъ, по крайней мѣрѣ, есть какая нибудь цѣль — здѣсь вовсе никакой.»

Вотъ, что я написалъ въ своей записной книжкѣ, по прошествіи двухъ лѣтъ отъ вступленія моего въ свѣтъ. Если бъ я хотѣлъ описывать эти два года, то могъ бы написать пятьдесятъ томовъ глупостей, столь похожихъ одна на другую въ разныхъ видахъ, какъ двѣ щеголихи: Парижская и Русская. Но и безъ меня написано уже много глупостей, и я не хочу томить себя надъ сочиненіемъ *исторіи единообразія*. Въ два года, вмѣсто того, чтобъ сдѣлаться умнѣе, я чуть не лишился послѣдняго умишка, отъ неупотребленія онаго. Слѣдуя букваль-

но наставленіямъ Миловидина, я досталъ себѣ мѣсто покровительствами, получилъ три чина, хотя до сихъ поръ не знаю, гдѣ находилась та Канцелярія, къ которой я былъ причисленъ, и какъ она называлась: помню только, что говорено было что-то о строеніяхъ. Въ эти два года я успѣлъ сдѣлаться повѣреннымъ старухъ, любимцемъ стариковъ, нажилъ много пріятелей между молодыми людьми, а между молодыми дамами имѣлъ много пріятельницъ, которыя находили меня любезнымъ, милымъ, добрымъ и услужливымъ. Но душа моя создана для дѣятельности, для сильныхъ ощущеній, а свѣтская жизнь есть не поприще для дѣятельности, но только безпокойный сонъ.

Матушка моя продолжала вести свою богомольную жизнь. Миловидинъ, получивъ отъ какого-то со-

вѣстнаго человѣка десять тысячъ рублей, выигранныхъ имъ на вексель, когда онъ жилъ еще съ женою въ Москвѣ, пустился на поиски за своею любезною Петронеллою, провѣдавъ, что она живетъ скрытно гдѣ-то въ Польшѣ. Я остался одинъ въ Москвѣ, и весьма соскучился. Сердце мое чего-то жаждало: я искалъ наслажденій, и не находилъ. Многія женщины мнѣ улыбались; многія дѣвицы выбирали меня въ котильонѣ, и въ играхъ (petit jeux), задѣвали мое маленькое самолюбіе знаками предпочтенія. Но я не хотѣлъ ни быть рабомъ женскихъ скоропреходящихъ прихотей, ни обманывать женитьбою. Красавецъ Выжигинъ могъ нравиться женщинамъ, и не будучи дворяниномъ и безъ полуторы тысячи душъ, но при женитьбѣ съ дѣвицею хорошей фамиліи надлежало бы объясниться обстоятельнѣе. Я былъ столько благо-

разуменъ, что не помышлялъ ни о любви, ни о бракѣ. Но это благоразуміе было слѣдствіемъ сердечной холодности, а не соображеній. Чтобъ взорвать въ сердцѣ моемъ мину страстей, не доставало только искры. Чрезъ ледяную оболочку большаго свѣта ничто не проходитъ, кромѣ холодныхъ паровъ разсчета. Нѣкоторые, по простотѣ своей, почитаютъ пламенемъ отраженіе лучей на этой ледяной глыбѣ. Обманъ! обманъ! Тамъ нѣтъ теплоты, а одинъ только блескъ.

Находясь въ безпрерывномъ разсѣяніи въ большомъ свѣтѣ, я искалъ еще разсѣянія! Но у насъ, для свѣтскаго человѣка, нѣтъ средины между скукою и развратомъ. Науки, Искуства, Художества только распускаются, а много, когда цвѣтутъ въ большомъ свѣтѣ, и никогда не приносятъ плодовъ зрѣлыхъ, могущихъ

питать душу, дремлющую въ бездѣйствіи. Кромѣ того, Искуства, Науки и Художества въ Москвѣ составляютъ занятіе особаго класса, и въ общества большаго свѣта доходятъ только по слуху. Одно общественное наслажденіе — театръ. Я былъ пламеннымъ любителемъ театра, ибо не имѣя времени самъ читать наединѣ, я радъ былъ случаю, что Актеры читали передо мною публично. Я угождалъ въ одно время и вкусу своему, и обязанностямъ общества.

Однажды объявили въ газетахъ, что новоприбывшая въ Москву Актриса изъ провинціяльной труппы, будетъ дебютировать на Московскомъ театрѣ, въ ролѣ кокетки. Кузина Миловидина, моя искренняя пріятельница, просила меня взять ложу. «Мнѣ такъ скучно смотрѣть въ свѣчѣ на нашихъ смиренницъ,»

сказала она: «что хочется посмотрѣть на кокетку.» Я хотѣлъ было сказать, что ей только стоитъ взглянуть въ зеркало, но удержался и пошелъ въ контору взять билетъ. Мы поѣхали вмѣстѣ въ театръ. Поднимается занавѣсъ: нѣтъ новой Актрисы, и мы съ кузиною Анетой изощряемъ наше остроуміе въ насмѣшкахъ надъ несчастными артистами, которые, какъ говорится, лѣзли изъ кожи, чтобъ намъ нравиться. Я былъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Вдругъ появляется новая Актриса, партеръ хлопаетъ для ободренія ея; она присѣдаетъ, кланяется, подходитъ къ оркестру, начинаетъ говорить, но я ничего не вижу и не слышу. «Что съ вами сдѣлалось?» говоритъ кузина Анета, которая хотѣла мнѣ сказать какое-то замѣчаніе на счетъ одежды новой Актрисы. «Ради Бога, что

съ вами сдѣлалось! Вы блѣдны, вы трепещете, вамъ дурно!»..—«Дурно, очень дурно!» сказалъ я въ полголоса, и выбѣжалъ изъ ложи. Въ новой Актрисѣ я узналъ—Груню!

Былъ ли я влюбленъ въ Груню?—не знаю. Я былъ очень молодъ, когда подружился съ нею, и душа моя тогда не была способна къ сильнымъ ощущеніямъ. Страсти могли только тлѣть, но не пылать въ моемъ сердцѣ. Красота Груни сдѣлала тогда сильное впечатлѣніе въ моемъ воображеніи, а не въ сердцѣ. Прежде и послѣ моей несчастной поѣздки въ Оренбургъ, я находилъ много женщинъ прекраснѣе Груни, но какъ скоро я пришелъ въ тотъ возрастъ, когда страсти начинаютъ дѣйствовать, то не взирая на измѣну Груни, на зло, причиненное мнѣ ея коварствомъ, я увѣрился, что трудно найти женщину *милѣе* Груни. Взглядъ ея и звукъ ея голоса

производили во мнѣ всегда такое дѣйствіе, котораго я никакъ не могу растолковать. Кажется, если бъ мнѣ завязали глаза, то между милліономъ голосовъ я узналъ бы ея голосъ. Онъ прямо доходилъ мнѣ до сердца, а взгляды ея имѣли какую-то очаровательную силу приковывать къ себѣ мои взоры. Со времени послѣдняго нашего свиданія, я старался вовсе не думать о Грунѣ, но невольно припоминалъ о ней тогда, когда любовь разставляла мнѣ свои сѣти въ большомъ свѣтѣ. Тамъ много было прекрасныхъ, но ни одна мнѣ не нравилась. Ахъ, зачѣмъ Груня не такъ хороша душою, какъ наружностью, думалъ я часто, и опять старался не думать объ ней. И наконецъ, вотъ она опять передъ моими глазами!

Отдохнувъ въ буфетѣ, я вышелъ на улицу, и бродилъ въ раздумьѣ око-

ло театра Я никакъ не могъ истолковать себѣ, отъ чего мнѣ сдѣлалось дурно при видѣ Груни. Я приписывалъ это страху, ужасному воспоминанію той опасности, которой я подвергался въ Оренбургѣ, по причинѣ измѣны Груни, ввергшей меня въ болѣзнь. Но это былъ не страхъ и не ужасъ! Груня представлялась моему воображенію не въ ужасномъ видѣ, но во всемъ блескѣ очаровательной своей красоты. Какъ она хороша, думалъ я, какъ пополнѣла, какъ выросла! Но я никогда не увижу ея, я не долженъ ея видѣть. Разсуждая такимъ образомъ, я уже былъ въ коридорѣ театра, и невольно вошелъ въ ложу. Я могу видѣть ее въ публикѣ, думалъ я, чтобъ извинить свою слабость. Неужели для этой легкомысленной дѣвчонки я долженъ отказаться отъ театра?

« Лучше ли вамъ? » спросила кузина

Анета. . . . . — « Немного лучше. » — « Ахъ, какъ мило играетъ новая Актриса, » примолвила кузина: « какая ловкость, какой благородный тонъ, какъ она постигаетъ роль! Кромѣ того, она очень пріятно поетъ, и весьма недурна собою. По правдѣ сказать, это счастливое пріобрѣтеніе для нашего театра, и эта миловидная Г-жа Приманкина вскружитъ голову всей Московской молодежи. » Я молчалъ, и взглянулъ на афишу, чтобъ прочесть имя, присвоенное Грунею. Пропустивъ два акта, я увидѣлъ Груню въ третьемъ. Она играла превосходно, и превзошла всѣ ожиданія любителей Драматургіи. Рукоплесканіямъ не было конца. По окончаніи піесы, ее вызвали на сцену. Въ продолженіе игры Груниной, я былъ весь какъ въ огнѣ. Я слѣдовалъ душею за каждымъ ея словомъ, за каждымъ ея движеніемъ; страшился

за нее, трепеталъ, и чуть не плакалъ отъ радости, когда громкія рукоплесканія раздавались въ залѣ. Мнѣ кажется, что я бы умеръ на мѣстѣ, если бъ Груня не имѣла полнаго успѣха!

Проводивъ мою даму до кареты, я отказался отъ удовольствія сопутствовать ей домой, и остаться у нея на вечерѣ. Машинально пошелъ я къ подъѣзду актеровъ. Я намѣревался, закутавшись въ плащъ, взглянуть на Груню вблизи. Выходитъ Груня, но я позабылъ закрыться. « Выжигинъ ! » воскликнула она. — « Груня ! » сказалъ я — и не могъ ничего болѣе промолвить. Она посмотрѣла на меня пристально, потомъ смѣло взяла за руку, и потащила съ собою. Подали ея карету; она сѣла, и велѣла мнѣ сѣсть возлѣ себя. Я повиновался. Карета покатилась по мостовой, и я все молчалъ, не смѣя поднять глазъ

и страшась объясненій, могущихъ оскорбить Груню. Она сама вывела меня изъ этого непріятнаго положенія. «Ваня, милый другъ мой Ваня! ты имѣешь право на меня сердиться. Я виновата, но не столько, какъ ты думаешь. Я была слишкомъ молода, неопытна, не имѣла собственной воли, должна была повиноваться матери. Ты все узнаешь, и сердце говоритъ мнѣ, что ты простишь меня, что ты будешь любить меня по прежнему, любить такъ, какъ я люблю тебя. Скажи Ваня, каково я играла сегодня?» Я поцѣловалъ руку Груни, вздохнулъ тяжело, и сказалъ: «Ты играла прекрасно, безподобно, но я не удивляюсь этому. Природа создала тебя Актрисою. Игрою своей ты увлекла меня на край гибели, и теперь хочешь лишить счастія, спокойствія. Груня, ты слишкомъ прелестна, я боюсь тебя! Позволь

мнѣ выйти изъ кареты, и прости навѣки!» Послѣднія слова я выговорилъ такимъ жалкимъ образомъ, что даже Груня тронулась. Я почти задыхался отъ усилія удержать слезы: мнѣ было горько.

— «Ты боишься меня, Ваня; ты хочешь бѣжать отъ меня, и находишь меня прелестною? Ваня, ты наводишь на меня грусть, и вмѣстѣ съ тѣмъ доставляешь величайшее блаженство. Вѣрь мнѣ, другъ мой, что я истинно люблю тебя, и никогда не переставала любить. Во все время нашей разлуки ты не выходилъ у меня изъ сердца и изъ памяти. Если я была виновата предъ тобою, то я загладила вину мою чистосердечнымъ раскаяніемъ и страданіями. Ваня! люби меня — или я умру съ отчаянья.» При сихъ словахъ Груня заплакала.

Я былъ въ восторгѣ, и не помню,

что я насказалъ ей: мнѣ было такъ хорошо, я былъ такъ счастливъ! Когда карета остановилась у крыльца, мы были въ бо̀льшей дружбѣ, нежели предъ поѣздкою въ Оренбургъ. Весело взбѣжали мы на лѣстницу, держась за руки, и вошедши въ комнату, обнялись какъ старые друзья, которые никогда не ссорились. Столъ былъ накрытъ. Груня велѣла поставить другой приборъ, подать лучшаго вина, и, взявъ меня за руку, повела со свѣчею по всѣмъ своимъ комнатамъ. «Посмотри, другъ мой, мое маленькое хозяйство,» сказала Груня. «Вѣдь ты долженъ быть здѣсь хозяиномъ. Вотъ моя гостиная. Она не велика, но я не намѣрена принимать много гостей. Это моя уборная. Вотъ столовая; здѣсь кабинетъ, или учебная комната. — Вотъ здѣсь спальня. — Не правда ли, что спальня убрана

со вкусомъ?» — «Всѣ твои комнаты, милая Груня, убраны со вкусомъ, весьма пристойно, хотя безъ великолѣпія: по этому я долженъ судить, что ты получаешь порядочное жалованье.» — «Какія у насъ жалованья, другъ мой!» отвѣчала Груня: «вся надежда моя на бенефисъ. Я привезла съ собой тысячи двѣ рублей, и уже всѣ почти истратила на необходимыя вещи, да сверхъ того не доплатила трехъ тысячъ рублей за мебели. Богъ милостивъ, какъ нибудь да раздѣлаемся, а между тѣмъ, согласись, милый другъ, что молодой женщинѣ, Актрисѣ, съ моимъ маленькимъ дарованіемъ и довольно пріятною наружностію, нельзя же жить, какъ какой нибудь плясуньѣ на канатѣ? Но, пора ужинать.»

Поужинавъ съ Грунею, я остался далеко за полночь, и все еще не

имѣлъ времени распросить, что довело ее до актерства. Она десять разъ начинала расказывать, и десять разъ я перебивалъ ее, чтобъ говорить о любви! На первый случай я узналъ только, что она лишилась матери и состоянія. На другой день она пригласила меня къ себѣ обѣдать, и обѣщала расказать свою исторію. Надлежало разстаться. Я поѣхалъ домой влюбленный до сумасшествія, безпрестанно повторяя: Груня, милая Груня, она любитъ меня; нѣтъ сомнѣнія, что она не виновна въ измѣнѣ. Утромъ я раздумалъ, что Груня должна находиться въ непріятныхъ обстоятельствахъ, не имѣя денегъ и будучи въ долгу. Я послалъ ей съ Петровымъ пять тысячъ рублей.

Не взирая на то, что я жилъ порядочно, имѣлъ экипажъ, одѣвался всегда по послѣдней модѣ, подчивалъ

пріятелей, дѣлалъ небольшіе подарки дамамъ въ имянины, и покупалъ всѣмъ балованнымъ дѣтямъ конфекты и игрушки, чтобъ понравиться маменькамъ; бралъ на наличныя деньги билеты на лотпереи, (которыя никогда не разыгрывались), и платилъ старухамъ карточные долги, не получая съ нихъ ни копѣйки; не взирая на всѣ эти расходы, я не тронулъ моего капитала. Многимъ покажется это удивительнымъ, особенно, когда я скажу имъ при этомъ случаѣ, что я не употреблялъ никакихъ необыкновенныхъ средствъ къ пріобрѣтенію денегъ. Но если кому счастье станетъ служить, то деньги сами катятся въ карманъ со всѣхъ сторонъ; а если, напротивъ того, оно начнетъ измѣнять, тогда ни сундуки, ни запоры не удержатъ копѣйки, и деньги сами откатываются и пролѣзаютъ сквозь пал-

цы. Я игралъ честно въ коммерческія игры, но игралъ искусно, хладнокровно, внимательно; садился играть на большія деньги, и всегда почти выигрывалъ. Не имѣя никакого понятія объ игорномъ плутовствѣ, я однимъ счастьемъ разрушалъ всѣ заговоры, составляемые противъ меня игроками. Когда играли въ банкъ, я внезапно ставилъ нѣсколько картъ въ срединѣ таліи: выигрывалъ, бралъ деньги и уѣзжалъ домой. Проигравъ, я не продолжалъ игры, и никогда не отыгрывался. Я поступалъ такимъ образомъ по совѣту Миловидина, который умѣлъ прекрасно совѣтовать, но весьма дурно самъ исполнялъ свои мудрыя правила, потому, что онъ совѣтовалъ хладнокровно, а дѣйствовалъ всегда съ пылкостію, увлекаясь страстями. Не будучи привязанъ ни къ игрѣ, ни къ деньгамъ, я игралъ, какъ гово-

рится, расчетисто, и какъ счастье мнѣ благопріятствовало, что я, не будучи игрокомъ, жилъ игрою. Въ два года, я выигралъ около двадцати пяти тысячъ рублей наличными деньгами, а въ долгу у меня было по крайней мѣрѣ столько же. Но какъ я послалъ Грунѣ всѣ мои наличныя деньги, оставивъ себѣ только нѣсколько сотъ рублей на мелкіе расходы, то теперь надлежало приняться за капиталъ въ случаѣ какихъ непредвидимыхъ издержекъ. Правда, мнѣ очень не хотѣлось этого, но когда я посылалъ деньги Грунѣ, то думалъ о Грунѣ, а не о деньгахъ. Она подарила сто рублей Петрову, который былъ въ восхищеніи отъ *доброй красавицы*, такъ онъ назвалъ Груню съ перваго знакомства. Меня поблагодарила она такимъ нѣжнымъ письмомъ, что я, читая его, готовъ былъ въ ту минуту отдать ей

послѣднюю мою копѣйку. Если кто мнѣ скажетъ, что онъ, будучи влюбленъ, помышлялъ о деньгахъ, то я въ отвѣтъ скажу, что онъ не любилъ, а разсчитывался. Любовь есть болѣзнь: лихорадочное состоянїе тѣла, производящее помраченїе въ умѣ. Въ любви человѣкъ не разсуждаетъ. Иначе, какъ бы могъ умный человѣкъ убивать на поединкѣ другаго человѣка, за то, что онъ болѣе нравится красавицѣ? Какъ бы могъ онъ лишать себя, а иногда и цѣлое свое семейство пропитанія, чтобъ угождать прихотямъ возлюбленной? Какъ бы могъ жертвовать своимъ спокойствїемъ, свободою, временемъ для любимаго предмета? Какъ бы могъ пренебрегать обязанностями службы, долгомъ къ отечеству, къ согражданамъ изъ любви къ женщинѣ? Пусть говорятъ, что хотятъ; но любовь пла-

менная, страстная, есть точно болѣзнь — и даже опасная, часто низводящая несчастнаго въ могилу, а гораздо чаще къ потерѣ имѣнія и доброй славы. Одно спасеніе въ этомъ недугѣ: благоразуміе, нѣжность чувствованій и благородный образъ мыслей любимаго предмета. Но влюбленный человѣкъ слѣпъ и глухъ. Онъ даже любитъ недостатки въ любимомъ предметѣ, и находитъ въ нихъ особую прелесть. Часто, весьма часто случается, что влюбленные низвергаются въ пропасть, будучи вовсе безвинны, увлекаясь только характеромъ, ни мало не помышляя вредить другъ другу, напротивъ того, взаимно себя обожая. Одинъ или одна дѣлаетъ глупости, другой или другая не видитъ того, и любимый предметъ гибнетъ отъ любимаго предмета, точно такъ, какъ во время чумы и Медикъ гибнетъ

отъ больнаго, и здоровый отъ Медика. Повторяю: любовь въ душѣ пылкой, страстной, есть болѣзнь. Но обратимся къ происшествіямъ.

Конецъ третьей части.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

Digitized by Google

